

МОССАЛИТ

МОССАЛИТ

BAZAR

СКИИ

№ 2 (30) 2019

НАМ 10 ЛЕТ!

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossalit.ru

***Tous les genres sont bons,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская

Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
sudsvetlana@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Нам 10 лет!

Нам 10! Даже не верится. Кажется, только вчера сидели у Ольги Грушевской в ее чудесной гостиной, пили чай и обсуждали название, смеялись, спорили.

Уже и не помню, кто предложил МОССАЛИТ. Почти как у Булгакова, только буквы «О» и «А» местами поменялись. Шутили, конечно, а название прижилось: Московский Салон Литераторов. Да, именно салон – как дань традициям эпохи Серебряного века. За десять лет мы выросли. У нас появился свой сайт, свой интернет-журнал, своя площадка, где мы собираемся. Уже не просто как литераторы – как друзья.

Постепенно из литературного салона мы превратились в творческую мастерскую, поскольку в нашей уютной гостиной собираются не только литераторы, но и художники, музыканты, ремесленники. Мы рады всем. Нас объединяет любовь к творчеству.

Что для меня МОССАЛИТ? Это мой маленький и уютный дом, где меня ждут и любят. Где мне легко и хорошо. Где собираются мои единомышленники, как ни банально это звучит. И мы будем расти и развиваться, а двери нашей мастерской открыты для всех творческих людей. Добро пожаловать!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

#моссалит10

«НАМ 10 ЛЕТ!». Выступления авторов Салона на праздничном вечере, посвященном 10-летию творческой мастерской «МОССАЛИТ» (стихи, проза, тексты песен)

5

VazART – ПЕРЕВОДЫ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- ПРИКОСНОВЕНИЯ. Стихи, живопись
- ГУ ЮЙ (Китай). Поэзия (пер. И. Бурдонова)

33

ПРОЗА – МОССАЛИТ, Москва

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ

- ШИШЕЛ-МЫШЕЛ
- СВЕТЛАНА КУЛИКОВА
- КАМИКАДЗЫ
- МИКАЕЛ АБАДЖЯНЦ
- МОРСКАЯ ВЕДЬМА

41

56

59

ПУБЛИЦИСТИКА

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- АЛЕКСАНДР СУХАНОВ: ЧИНОВНИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ РОССИЮ

66

ПОЭЗИЯ – МОССАЛИТ, Москва

ЕВГЕНИЙ АГУФ

ОЛЬГА УВАРКИНА

НАТАЛЬЯ ПУНИНА-ОРЛОВА

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ

НАДЕЖДА СТРЕЛКОВА

ЯН КАУФМАН

МАРИЯ ПАНФИЛОВА

ЕВГЕНИЯ ХУДЯКОВА

ЗИНАИДА КОКОРИНА

69

70

73

76

78

80

82

83

84

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР РОДЧЕНКО, художник эпохи перемен

86

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ЗАКАВЫКА. Рассказ

ЗИНАИДА КООКРИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- В ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ . Басня

93

96

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ЕЛЕНА ГАЛУСТОВА (МОССАЛИТ, Москва). Фото автора

- О ЧЕМ МОЛЧАЛИ ОБЛАКА

97

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ИРИНА ЧИЖОВА (МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

- ФИЗИКИ И ЛИРИКИ, или ПОВЕРИТЬ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ

102

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

105

В оформлении журнала использованы репродукции картин М. К. Эшера, И. Бурдонова, фото Andrey Khandozhk, постеры фотовернисажа «Нам 10 лет!», открытого 13 октября 2019 года в библиотеке им. А. П. Платонова и организованного членом творческой мастерской «Моссалит» Ольгой Рыбаковой.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

#моссалит10

«НАМ 10 ЛЕТ!». Выступления авторов Салона на праздничном вечере, посвященном 10-летию творческой мастерской «МОССАЛИТ»

выступление

Алексея Казарновского

Посвящается МОССАЛИТУ песня

Давным-давно в забытую эпоху
(Лишь только отступили ледники)
В Москве и жить-то было очень плохо,
Ну а писать – и вовсе не с руки.

Но таял лед, пришли другие годы.
Вода в ручьях отчаянно звенит,
И вот явление чудное природы:
На свете появился МОССАЛИТ.

Он был рожден неукротимой волей,
Орава неприкаянных писак
Приручена была Грушевской Олей,
Собравшей всех нас в творческий кулак.

И мы теперь в литературе сила.
Пожар писаний души захлестнул,
Фантазия порой невыносима,
А слог изящен, словно венский стул.

Мы создаем и живем как боги
В сплошной и плотной полосе удач,
Не ведая уже другой дороги,
Не зная нерешаемых задач.

Так будь же впредь здоров и энергичен,
Велик и повсеместно знаменит,
Но и притом слегка... самокритичен,
Прекрасный наш и славный МОССАЛИТ.

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«В гостях у Настасьи Филипповны, или Странные люди» (2016)

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

#моссалит10

выступление

Петра Ежова и
Евгении Худяковой

Гимн Моссалиту

песня

сл. Петра Ежова

Здесь всегда радушие царит,
Выставки и творческие встречи,
Колорит поэзии сквозит,
Вдохновеньем наши души лечит
И замороженно теплит взгляд.
Удивленных глаз горят софиты,
Музы окрыленные парят
Над созвездьем ярким Моссалита.

Припев:

Плеяда талантливых авторов –
Московский салон литераторов.
Здесь всегда по-семейному здорово,
В библиотеке Платонова,
Да и публика умна и не въедлива,
А хозяйка мила и приветлива.
Есть причина для радости веская:
Нас с улыбкою встретит Ольга Грушевская.

Море книг, которые порой
Нам даю ответы на вопросы.
Вон, смотри, еще один герой
Прыгнул в поэтические росы.
Снова начинается игра:
Пародии, спектакли, тайны прозы
Сегодня можем выдать на-гора,
Вас погрузив в романтику и грезы.

После нас останутся стихи,
Новых песен синие тетради,
В креслах зала музыка стихий
Всех закружит крыльями объятий.
МОССАЛИТУ долгих лет и процветания,
Творческих идей и их признания.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Припев:

Плеяда талантливых авторов –
 Московский салон литераторов.
 Здесь всегда по-семейному здорово,
 В библиотеке Платонова.
 Да и публика умна и не въедлива,
 А хозяйка мила и приветлива.
 Есть причина для радости веская:
 Нас с улыбкою встретит Ольга Грушевская.

Евгения Худякова

Ключик

Посвящается МОССАЛИТу

По Москве талантов много, где ни глянь – поэт,
 Музыкант, художник строгий – все искали Свет
 Сквозь тоннель души и Слова – тот, что окрылит,
 Оказалось таковой есть – это МОССАЛИТ.
 Билось сердце его ярко – огненной строкой,
 Десять лет, шаги чеканя, он сверкал главой.
 Юмора штыки, шарады и спектаклей строй,
 Музыка, стихи и проза – лентой цветной.
 Да, и танцы... экс-экзотик, что пленяли зал,
 Где восточный плыл животик и мужчин сражал.
 Счастье встреч и боль потери листопадом лет
 По Платоновке летели, наш храня секрет.
 Был он за тремя замками в огненном кольце,
 А хранила ключик Оля в золотом ларце.
 Здесь не каждый приживался, МОССАЛИТа взгляд
 Был разборчив, но талантам был открыт и рад.
 Вкус дурной он чуял сразу, нервно щуря глаз,
 Фильтровал оценкой фразы всех гостей на раз.
 Нам объятия скрепляла Олина рука
 Мудростью универсала, целью, что крепка,
 Обходя углы, ступала и улыбкой жгла,
 Рост всем тихо прибавляла – скромностью слыла.
 В результате хрусталами горными стоят
 Моссалитовцы, их лозунг: «Творчества набат».
 Чай вприкуску со стихами, пламя хризантем,
 По Платоновке кругами золотой тандем.
 МОССАЛИТ – мальчишка стильный,
 Гордо вдаль идет, в десять лет он гениальный –
 Выстроил всем ход.
 Потому идите смело, творчества рука
 Подарила МОССАЛИТу ключик от замка.

Все дело в шляпе

Посвящение Моссалиту

Песня

Сл. Петра Ежова, исп. Петр Ежов и Евгения Худякова

Здесь всюду публика серьезная,
 У каждого есть свой талант,
 И их болезнь не душит звездная,
 Будь хоть поэт, хоть музыкант.
 А десять лет совсем не срок
 И рано подводить итог:
 – Ты, Саш Сухих, давай налей,
 У Моссалита – юбилей.

Припев: На всех приятно посмотреть – ну, обалдеть.

Вот Казарновский наш под парусом –
 Вновь к островам чужим летит,
 На фестивалях славит голосом
 Москву, Россию, МОССАЛИТ!

А коль у вас что заболит,

У нас есть доктор Айболит,
 Агуф Евгений здесь сидит,
 Он мигом всех вас исцелит.

Припев: Как радостно на всех смотреть – ну как не спеть? А, Петь?

Фотоэтиюд свой Микаэль несет нам, словно Рафаэль,
 Там муза Ольга знает цель, сияя солнцем, как апрель.
 И всех объединяет нас в единый узел...
 Где Парнас – в спектаклях наших не угас –
 Гремит искусства вечный глас!

Припев:

Ольга, тебе не хочется покоя,
 Ольга, как хорошо с тобой дружить,
 Ольга, зовет нас время золотое,
 Нам десять лет и МОССАЛИТу вечно жить!

Вот Александр наш Сухих –

Он вносит всюду смелый штрих,
 Новатор, юморист, артист,
 А в сценках – мастерства стилист.

Ценитель всех талантов Круж,

Могуч! В поэзии – недюж!

Он режиссер сердец и душ
 И МОССАЛИТа – верный муж !

Да, это вам не «Мулен Руж» – покруче будет Круж!

Засим всех поздравляем вас

В этот торжественнейший час, творите, радуя всех нас!

#моссалит10

выступление

Яна Кауфмана

Как написать эти воспоминания о юбилее МОССАЛИТа и его прародителях, сомневался я поначалу. Как принято, хвалебно? Или откровенно-разоблачительно? И выбор пал на второй вариант, поскольку этот юбилей останется по-настоящему запомнившимся.

Сразу сообщаю, что все события касающиеся зачатия МОССАЛИТа, явились цепочкой мистики, случайностей и проделок самого Михаила Булгакова и Ильи Майзельса с непосредственным участием кота Або и его хозяйки. Дополню только, что зуб, который я имел на Ольгу Грушевскую в течение всех десяти лет, куда-то на днях исчез.

А посему – посвящается Ольге Грушевской.

ДЬЯВОЛЬСКОЕ НАВАЖДЕНИЕ ИЛИ НЕПОРОЧНОЕ ЗАЧАТИЕ?

(к десятилетию МОССАЛИТа)

Ночной кошмар и непредсказуемое утро

Всю ночь накануне того памятного дня – зачатия Моссалита – меня мучили жуткие сновидения. По пустынным московским улицам за мной гнался Илья Майзельс со своей бандой красных котов, чтобы забанить меня на ЧХА.

– Зачем ты, действительный член Союза, понаставил столько мышеловок на портале?! – кричал он. – Уже два кота в них попались! И что мне теперь с ними делать?

– К твоему сведению, я уже давно не член, тем более не действительный! Что делать? Вызывай МЧС, скорую или сразу два катафалка. Кстати, в правилах ЧХА нет запрета на мышеловки, – отбрехивался я на бегу, понимая, что объяснять что-то Илье бесполезно.

Его красные коты истошно орали разными голосами, не давая спать. И когда под утро Майзельс все-таки догнал меня и протянул руку, чтобы схватить, внезапно из подъезда дома вышел сам Михаил Булгаков и демонстративно показал Илье средний палец, отчего тот в изумлении остановился и стал решать – к чему бы это? А мне Булгаков подмигнул. Утром я поднялся с кровати весь разбитый и не в себе. Сон не выходил из головы.

А уже днем, малость оклемавшись, я тащился в салон Ольги Грушевской. Погода стояла мерзопакостная. В одной руке я с трудом нес кейс, где лежали бутылка «Советского

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

шампанского» и домашние тапки, в другой – букетик цветов. По пути меня догнала Аннушка Народицкая, в яркой шубке-полуперденчике, светлой рыси. Ее изящная сексапильная походка «от бедра» и яркой расцветки шубка вызывали завистливые взгляды и язвительные реплики у проходивших женщин и восторженные у мужчин. Шагаю с ней рядом, настроение улучшилось. По дороге я рассказал Аннушке о ночном сне.

– Какая чепуха! – ответила она. – Что вы волнуетесь?

Знали бы мы тогда – какое продолжение будет у этой чепухи!

О нехорошей квартире Грушевских

Наверное, многие помнят то время, когда мы собирались в квартире Ольги Грушевской. Она, эта хозяйка второй в Москве «нехорошей квартиры», была – в то время – женщиной интеллигентной, но излишне гостеприимной. Квартира имела ограниченные габариты площади, не позволявшие вместить всех желающих туда попасть, и это в конце концов «достало» всех домашних, включая общего любимца – кота.

Этот шоколадный красавец brutальной внешности с магическим именем Або вызывал у всех мистическое ощущение и робость. Поэтому все к нему относились соответственно и обращались только на «вы». И он этого заслуживал, так как помимо своей внешности и характера являлся полным тезкой премьер-министра Японии – Синдзо Абэ, что в переводе на русский так и означает – Грушевский Абэ! Это, правда, не давало надежд на улучшение международных отношений – японцы на то и японцы... Ольга на днях рассказала, что этот японский тезка заявил нашему свои территориальные претензии, так наш Або вставил ему такую ноту про Вторую мировую и про договор, а в заключение даже посоветовал особо-то хвост не задирайте, после чего у японца глаза надолго остались круглыми. Но пока между этими разборками наш Або искал спасения от многочисленных гостей салона в каком-нибудь закутке.

Квартира Ольгина и правда мне сразу показалась «нехорошей». Особенно когда я наблюдал, как Ольгина интеллигентная бабушка с ужасом смотрела со старой фотографии, что стояла за стеклом серванта, на устроенный ее внучкой этот литературно-салонный бедлам с выслушиванием непонятого читива, с опустошением всего спиртного и съестного находящегося в квартире, с гостями во всех комнатах, включая переднюю, кухню и туалет, с грязным паркетом... Чем тут было восторгаться бабушке?!

Зато со мной у нее были самые теплые отношения. Бабушка ценила меня за подходящий ей возраст, за неизменную привычку приходить с цветами и своими тапками и не в пример остальным уходить рано. Порой мне даже казалось, я был бы у нее самым уважаемым, если бы вообще не приходил.

Как ни странно, но мне было жалко и саму Ольгу Грушевскую, потому, что до утра ей приходилось приводить квартиру в порядок. Но, вероятно, и ее терпению пришел конец. Поэтому я расскажу вам, господа, сейчас о самом главном, откуда ноги растут –

О процессе зачатия

В тот знаменательный день нас, приглашенных, собралось не так уж и много – максимум человек десять. Все искренне озабоченные судьбой столицы. Поначалу выпили под известное: «Кто не рискует, тот не пьет шампанское!» Потом пили за хозяйку, за все, что было и чего бы хотелось, закусывали, чем бог, то есть Ольга, ставила на стол и толковали о вечном: о Москве – старой и современной, о ЧХА, о Майзельсе. О какой еще чепухе может болтать компания подвыпивших литераторов в уютной московской кухоньке при гостеприимной хозяйке!

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

И лишь Микаел Абаджянц, член различных Союзов, журналист-международник из Еревана, заядлый путешественник, «Советское шампанское» пить не стал. То ли рисковать не любил, как все нормальные люди, то ли по политическим соображениям. Это мне, воспитанному в советское время, сразу бросилось в глаза! При двух фотоаппаратах на шее, он сидел в уголке и не спеша смаковал армянскую кизилую водку.

Выпитое шампанское показалось всем необычайно крепким. Оно пузырилось, зло шипело и брызгало во все стороны так необычайно и духовито, что ударило в наши литературные головы шизофреническими идеями.

Поначалу Ольга Грушевская (наша «Дева Мария») дала маху, а может и не давала вовсе, а делала только вид. Разве у женщин узнаешь правду?! Неожиданно для всех она предложила:

– А не пройтись ли нам, господа литераторы, по Булгакову и создать что-то свое, московское. Конечно, не МАССОЛИТ, как у него, а МОССАЛИТ – Московский салон литераторов!

– Надо же, – встряла тут же Народицкая, слегка поддтая и уже без шубки. – Не зря же Яну сегодня Булгаков ночью приснился. Он мне сам об этом рассказал. А с МОССАЛИТОМ идея хорошая, только с базой не в Доме Грибоедова, как у них, а поближе, на Усиевича, в доме библиотеки Платонова.

– Правильно! И салон чтобы был не только литературным, а литературно-театральным, – поставленным голосом поддержала захмелевшая Ольга Уваркина. – Со всякими там прибабасами, со спектаклями и водевилями, где я – прима МОССАЛИТа!

– И со своей газетой, с «Русским Базаром», куда можно было бы без проблем всунуть свое никем не читаемое чтиво, – вырвалось у меня.

– Здрасьте вам, Кауфман! – возмутилась известная редактор Светлана Сударикова. – Отвечать за весь российский базар я не собираюсь. У нас и своего, московского, достаточно. Вот за него – другое дело. Правда, он тоже иногда попахивает, но он наш, родной.

Микаел Абаджянц молча фотографировал каждого выступающего.

И тут до меня дошло: «Оба-на! Да разве это случайные совпадения – это армянское Абаджянц, русское Або и японское Абе?! Абалдеть! – чуть не завопил я вслух. – В этом определенно есть что-то дьявольское!» Но не успел, так как со всех сторон посыпались предложения:

– С регулярными разнообразными гостями, юбилеями и литературными сборниками, – безапелляционно заявил Всеволод Круж.

– И с непременными фуршетами, – послышался откуда-то заплетающийся уже голос Зинаиды Кокориной, – и с таким же крепким «Советским шампанским»!

– И с детской площадкой, – встряла Народицкая голосом Рины Зелёной. – Со сказками и с танцами, – и тише добавила: – Живота...

– Э!.. Тогда бы хорошо с кальяном и с девочками, – прошамкал я, проснувшись.

– Счас! Девочек ему! А как же с реализацией ваших шедевров? – возмутился поэт Александр Сухих, чьи творения шли нарасхват.

– Моих шедевров? Так почему же ни одного моего до сих пор не продано?! – остановил я его.

– Ян! Ну, не мелочитесь! Я продам вас сразу, целиком – полным собранием сочинений. Делов-то! Да я кого хочешь, продам! Главное для меня – устроить два книжных развала: один малый – на Усиевича, где у Грушевской все схвачено, и большой – на Кузнецком мосту. У меня там свои люди.

*Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Сказ о том, как Иван Дурак за членством ходил» (2014)*

– Эх, девочки и мальчики! А где же ваше милосердие?! С полунормальными детьми всё хорошо, они уже под Народицкой. А как же быть со взрослыми? Может, пошефствуем над Кащенко? Хотя бы над моими шизофрениками? Кто возьмется, а? Я помогу. Там в палатах ведь тоже наши люди, – взывала ко всем известная психиатричка Ирина Файер, появившаяся в салоне в белом халате прямо с дежурства.

От предложения Ирины Микаел оживился. Лицо его моментально изобразило такое нечеловеческое милосердие и сопереживание, что всем присутствующим стало не по себе и сделалось на всякий случай стыдно.

– Ну как же не помочь психически больным? Я не понимаю, – возмутился Абаджянц. – Да большинство москвичей – психопаты и ненормальные. Верно, Ира?

– Конечно! – воодушевилась Файер. – Просто мы не всех еще обследовали.

– Микаел! Ну раз вы всё видите, вам и карты в руки. А мы-то что? – влез я со своим языком.

– Нет, Ян Александрович, увольте. Влезать со своим уставом... Я ж не коренной москвич и не псих какой. А потом, это ж должен быть человек хотя бы с каким-то опытом общения с ненормальными. Вот вы – другое дело

Желающих помочь Ирине Файер не нашлось. Все, включая меня, молча о чем-то думали, глядя на пустую бутылку из под шампанского. Последний бутерброд с сыром, что раньше в одиночестве грустно крочился на тарелке, дожевывал Круж. Молчанье затягивалось.

– Значит, так, господа литераторы! Я вижу, что вы единогласно поддерживаете наше предложение, – подытожила Грушевская, погладив кота. – Время уже далеко за полночь и пора закругляться. О мелочах типа там Кащенко решим в рабочем порядке. Как вы считаете, Всеволод? – обратилась она к Кружу.

Тот, от неожиданности едва не поперхнувшись, пробубнил:

– Ешьтештвенно, Оль!

– Так вот, – продолжала Грушевская, – мы поздравляем всех с появлением Московского салона литераторов! С МОССАЛИТом всех нас!

После чего господа литераторы на радостях допили и доели все, что только Ольга на радостях выставила на стол, и с трудом начали расплзаться по своим домам.

Что в итоге зачатия получилось – судить вам, господа. Если вы сомневаетесь в правдивости моих воспоминаний, можете сами спросить об этом у кота Або, у бабушки, что грустит до сих пор в серванте, да, в конце концов, у самого Ильи Майзельса.

Эпилог

Вспоминается Жванецкий: «Одно неосторожное движение, и ты уже...» У него все было просто! У нас сложнее. Чего нам всем стоило это участие кота Або и его хозяйки в зачатии МОССАЛИТа, говорит короткий разговор между ними, записанный мной без разрешения в момент покидания салона, и фотография Микаеля Абаджянца.

(На экране появляется фотография).

– Когда же вы, Або, успели подливать в шампанское водку?

– Разве я позволил бы себе подливать дамам водку? Это был чистый спирт.

Когда я возвращусь домой, благоверная многозначительно спросит:

– Ну, как прошло ваше десятилетие?

– Отлично, с помпой, с поздравлениями, выступлениями, наградами, пожеланиями.

– Ну и что тебе пожелали?

– Естественно, здоровья, долгих лет и плодотворной деятельности.

– И какую же плодотворную деятельность тебе пожелали?

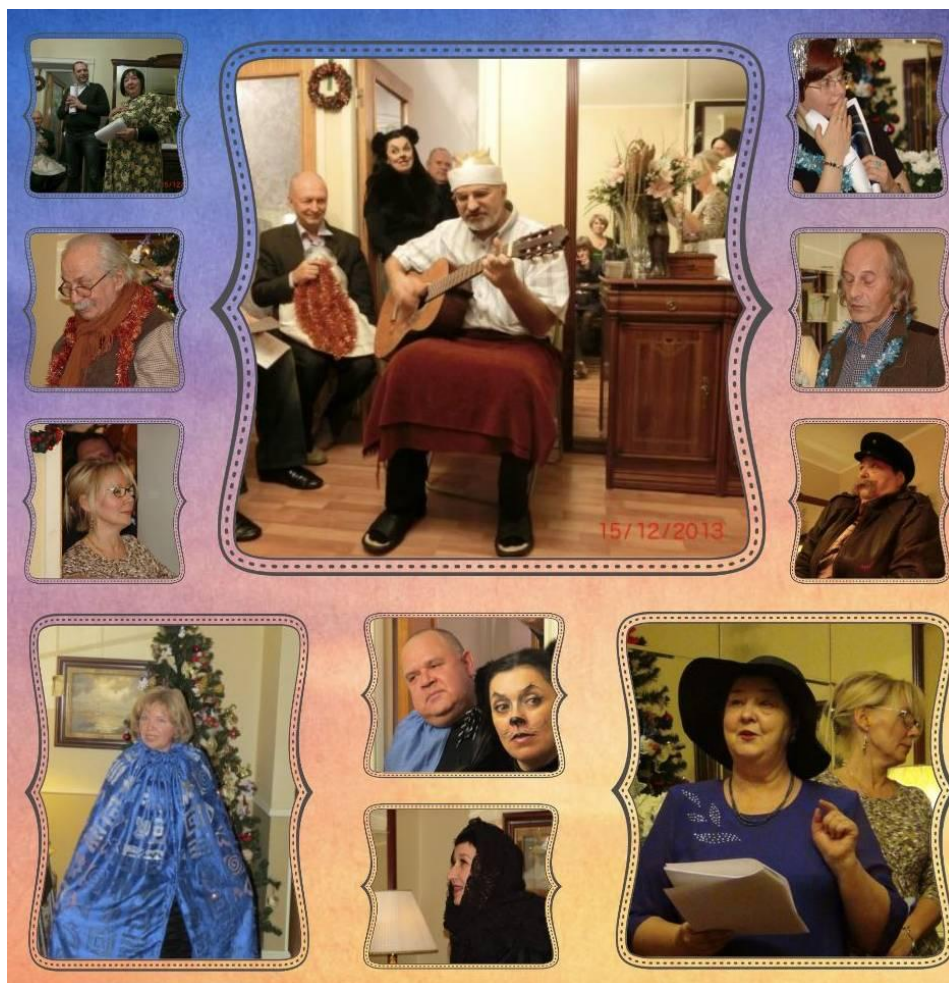
– Рекомендуют возглавить всю литературную работу в больнице Кащенко. Слава богу, за эти десять с лишним лет, что мы в Москве, и я созрел, и опыт общения с психами – да в том же МОССАЛИТе – накопился у меня достаточный. Как ты думаешь?

Супруга оживится:

– Да, ты определенно уже созрел для этого, я давно это вижу. Надеюсь, тебе там выделят отдельную палату и я смогу хоть изредка тебя навещать. Так и думала, что хорошим это не закончится!

Признаюсь, мне станет отрадно, что у благоверной поднимется настроение от моих фантазий!

С юбилеем тебя, МОСКОВСКИЙ САЛОН ЛИТЕРАТОРОВ, и здоровья всем его членам и друзьям!

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Возвращение Синей Птицы» (2013)

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

#моссалит10

выступление

Ольги Уваркиной

Поздравление!

Добрый доктор Айболит –
Наш любимый МОССАЛИТ.
Приходи с душою больною
Прозайк и рифмоплет,
Чье сердечко что-то ноет
Или жалобно поет.
Всех излечит, исцелит
Знаменитый МОССАЛИТ...
Никому здесь нет отказа,
И, глядишь, от раза к разу
Адекватней стал прозаик,
Заиканье исчезает.
У поэта меркнет грусть –
Шпарит вирши наизусть.
Появляется здоровье,
Что не ведало досель
У поэтопоголовья,
Даже бард запел, как Лель...
Эскулап сидит на троне.
Он Альцгеймера прогонит,
Потому что патриот,
Потому, что друг нам. Вот!
Лозунг доктора бодрит:
«Гениален? – В МОССАЛИТ!»

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

#моссалит10

выступление

Евгения Агуфа

МОССАЛИТУ 10 лет

Дорогие друзья! Нашей встрече
 Всяк вошедший, конечно же, рад;
 Потому я не вижу преград
 Продолжать замечательный вечер.
 Череда моссалитовских встреч
 Неизбежно вела к юбилею;
 И на многие годы, надеюсь,
 Их тепло мы сумели сберечь.

Извините за пафос и штампы,
 Десять лет – невелик юбиляр;
 Но с тех пор, как под звуки гитар
 Приходили Снегурка и Санта,
 Буратино, Пьеро, Дровосек,
 Олле с Мёбиусом подмышкой –
 Стали все несерьезными слишком,
 Даже те, кто серьезнее всех.

МОССАЛИТ – это стиль минус возраст,
 Умножение слова на свет –
 МОССАЛИТУ всего десять лет.
 Здесь тепло, по-домашнему просто –
 Хочешь, пей, а не хочешь – не ешь;
 Кто в стихах, а тем более в прозе
 Так сказать об обыденном сможет,
 Чтобы сразу не в бровь, а промеж.

Многих лет, МОССАЛИТ! Путешествуй
 По сплетениям искренних душ!
 Народницкая, Кауфман, Круж...
 Всем уютно в объятьях Грушевской!

Это дом, где открытая дверь
 Легким звоном приветствует гостя.
 Здесь в достатке трибун и подмостков
 Для трибунов и скромненьких фей.

Каждый раз, расставаясь на месяц,
 Превращаюсь в улыбку кота –
 Ухожу, но не весь до хвоста,
 А ложусь на мелодии песен...
 Нам теперь друг без друга нельзя!
 Если ты не звезда, значит – солнце!
 Значит, в каждом из нас остается
 МОССАЛИТ, дорогие друзья!

#моссалит10

выступление

Александра Сухих

Дорогие коллеги, я начал сочинять кое-что юмористическое, в преддверии юбилея, но так получилось, что доделывать его не захотелось, ибо за неделю до срока ко мне на адрес пришло бумажное письмо. Зачитываю.

УДЕСЯТИРИЛИСЬ!

(самые достоверные мемуары одного из тех, кто...)

...Нет, нет и нет – всё, что здесь нагородили, брехня. Рассказываю из первых уст. Как сейчас помню, бабье лето, воскресенье, утро, звонит мне Михалков.

– Здорóво!

– Здорóво, Никитушка.

Он мне:

– Как сам, как жизнь?

Ну, тут меня и прорвало.

– Жизнь, – говорю, – такая, что вся ваша верхушка заплыла жиром. Никто не считает нас за поэтов! Толстые журналы оборзели, сидящие там тучные тети и железобетонные дяди печатают по кругу самих себя, примелькавшиеся имена и всякую блатную шушеру. Поэзия погибает, короче, все отлично!

– Ну, ладно-ладно, разошелся, я как раз по поводу поэзии. Не переживай, идет новый период, я начинаю проект «Бесогон» – будем гнать из литературы ложных идолов и бесов! Я тут разобрал неизданные письма Булгакова, так у него были иные варианты по аббревиатуре «МАССОЛИТ». Весь фокус в том, что надо поменять в слове соединительные гласные. Сейчас это было бы актуально. Но опустим детали. Главное – будем загонять народ в библиотеки и потчевать их духовной пищей от всей братии непризнанных поэтов, писателей и художников. Тут у меня уже собрались уважаемые люди: Майзельс, Стрелкова, Грушевская, Кауфман. Ну, ты всех знаешь...

– Да, соврал я, – эти имена мне знакомы!

– Так вот, быстро собирайся и гони на улицу Усиевича, увидишь там «лихтваген», тэвэшников, другие СМИ, будем работать! Всё, жду! – И отключился.

Ну, думаю, делать нечего, надел фрак, что на такие случаи хранился в шкафу, прикрылся куртяшкой и поехал.

Добрался до указанной улицы, обежал из конца в конец два раза – никого! Что делать? То ли зарезать кого-нибудь (а уж кого конкретно, я знаю), то ли с горя заняться обычным дельцем – найти какую-нибудь дамочку на предмет вовлечения ее в проверенную частную беседу «О влиянии рифмы на тактильное взаимодействие разнополых ценителей поэзии». Ну, иду, с запечатленным величием на челе, высматриваю контингент. Гляжу, впереди вырисовывается что-то подходящее. Блондинка, фигура грушевидная, сапоги выше колен, мини-юбка, шаг неспешный, и вроде как даже приглядывается и ресницами – хлоп-хлоп. Ну, я – за ней. А тут из Базарного переулка еще одна выплывает, иного плана, ну прямо сударыня, то ли пухленькая, то ли худышка, не поймешь. Но в джинсах. И – всё при ней. А эта первая, как бы замедляет ход, а вторая убыстряет. И, не успев понять, я оказываюсь зажатым ими, как в клещи. А тут еще выскакивает новое лицо – седоусый дедуля в балахоне, помахивающий костыльком. Ну прямо Паниковский, только посправнее. И быстренько так втроем они притиснули меня к двери. Читаю: «Библиотека». Тут еще парочка с гитарой, хазарского вида придвинулась. И этак кучей мы ввалились в предбанник. Сдернули они с меня куртку, подтолкнули вперед. А этот, с палкой, со словами: «Вперед, девочки, нам нужны новые рекруты», выпроводил дам на улицу и, задвинув меня костылем в зал, сам выскочил за дамами.

Картина в зале, конечно, впечатляла! Огромный стол, полный бухла и яств, музычка, на стенах картины. «Это я удачно зашел», – мелькнула банальная мыслишка.

Вокруг снуют дамочки с тарелками. Одна, у входа, на цыганку похожая, с роскошными бедрами, с лотком игрушек и поделок, маняще так похохатывает и пританцовывает. От нее меня уводит деятель явно научного вида, с торчащими в стороны пепельными волосами, высоким лбом, переходящим в лысину, и в рубаше с китайскими иероглифами. Он наливает водку в пластиковые стаканы, резюмирует: «С прибытием» – и отваливает.

Тут же подплывает дама в парадном платье и с впечатанной солнечной улыбкой на челе. Склонив голову, одаряет фразой:

– Готовьте интервью. Проскакивает шустрый мужичок с видеокамерой, подравнивает световые приборы.

– Вы не от Михалкова, – спрашиваю?

– От него, от него родимого, – и заливается заразительно жизнеутверждающим хохотом. – Здесь все от него, – и заливается, аж с присвистом. – Вся мамка-Россия от него! – И чуть ли не валится от смеха.

Тут троица с улицы вталкивает в зал статного парня армянской наружности. Блондинка на прощанье что-то нашептывает ему на ухо. Дедуля отрывает ее от него. Парень по-хозяйски, как большой кот, подходит к столу, спрашивает:

– Какие расклады?

– Пока не в курсе.

С ним тоже выпиваю.

...У стола колдует еще одна дамочка с бунинским туманом в очах. Она, особо не церемонясь, руками, унизанными перстнями, раскладывает по тарелкам котлеты и куски пирогов. Рядом парнишка, с поволокой в глазах, бренчит на гитаре и мурлычет что-то сладостным голосом. Она изредка малыми кусками кормит его, что совершенно не отвлекает его от пения. Выпиваю и с ним и тоже получаю прямиком в рот чрезвычайно вкусный пирог.

Вокруг стола кружит и кружит кряжистый мужик и не особо членораздельно что-то вещает сам себе про какие-то редакции, конкурсы... Как понимаете, выпиваю и с ним.

...Далее помню уже отрывочно. Тосты, переходящие в речи. Стихи, переходящие в тосты, и опять в речи... Еще помню дородную пару: он – почему-то – с медицинским чемоданчиком,

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

она – с тортом метр на метр. Помню дамский канкан на столах, но это уже смутно... Но Михалкова я так и не увидел. Может, хоть сегодня, на 10-летие, соизволит появиться. Вы уж там посмотрите...»

Вот такое письмецо.

От себя лично, выполняя его просьбу, уже вначале смотрел – не высмотрел, смотрю и теперь – нет. (К зрителям.) А из вас никто его не видел? А вдруг дождемся...

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Щелкунчик» (2012)

#моссалит10

видеокалип на стихи

Зинаиды Кокориной

С десятилетием, МОССАЛИТ!

В восьмом году случилось это
на встрече МСП «НС»,
когда прозаиков, поэтов
собрал второй по счету съезд.

Мероприятъем грандиозным
был этот съезд (не интернет).
После наград, речей серьезных,
гостей объединил банкет.

Такому вряд ли повториться,
чтоб столько съезд собрал людей:
из ближних, дальних зараниц
и уголков России всей!

В кругу реального общенья –
и рук тепло, и взгляд открыт...
Московских авторов решенье:
объединиться в МОССАЛИТ!

Включались в группу окрыленно,
рождалось планов громадьё!
Грушевской Оленьки салону
сердечный жест – свое жильё.

Девятый год... Отсчет начала
активных действий, встреч, программ...
Салону в доме тесно стало.
Поклон отзывчивым друзьям:
На Усиевича шестнадцать
Наш МОССАЛИТ нашел приют!
Приятно авторам общаться,
вольготно вернисажам тут.

В Платоновке мы возмужали,
Сроднились с ней за десять лет!
Здесь хеппенинги ставить стали,
«Московский Дом» увидел свет.
Редакторы в издании этом –
и Моисеева, и Круж –
с добром к прозаикам, поэтам,
но строго *отмечают* чушь.

Молва «Московского BAZARa»
по интернету разнеслась...
Желаемой газета стала –
знать, содержанием пришлось!
А по-иному быть не может:
Ирина со Светланой тут
инфо полезное предложат,
красиво тексты подадут!

С подачи Народицкой Анны
«Площадка детская» нас ждет.
Желанным каждый автор станет,
если с душой сюда придет.

«Живое авторское слово» –
Стрелковой Наденька проект.
Общение с автором толковым
народа: радость, интеллект...

Киоск литературный в холле
разнообразием пестрит!
Здесь Avel (Саша) книги холит,
спешит все выставить на вид.

В салоне нашем встречаем рады:
Артист, художник, музыкант...
Их творческий визит – награда.
Поддержим в авторе талант!

Ну как тут не сказать спасибо
Грушевской Оле! Десять лет,
как мама, вкладывала силы
она в свое дитя – проект!

Друзья, всех нас с ДЕСЯТИЛЕТИЕМ!
Для юбилеев путь открыт!
Пусть в ярком авторском соццветье
придет к столетью Моссалит!

#моссалит10

выступление

Игоря Бурдонова

МОССАЛИТ и «Подвал №1»

Итак, МОССАЛИТ и «Подвал №1». История отношений МОССАЛИТа и «Подвала» сложна и запутанна. Я даже затрудняюсь называть даты.

Дело в том, что первый моссалитовец появился «Подвале» еще до рождения МОССАЛИТа. Я не имею в виду себя: я-то как раз пришел в МОССАЛИТ не только из ЧХА, но и из «Подвала». Я имею в виду Александра Сухих. Бесстрастная фотохроника зафиксировала его появление в нашем клубе 28 апреля 2007 года.

Это было даже не на Таганке, где мы сейчас обретаемся, а в Финансовом колледже в Перове. Правда, это был последний вечер в Перове, следующий вечер уже открывал сезон «Вечеров на Таганке». И за это мы Саше Сухих очень благодарны – видимо, он как-то спровоцировал наш переезд.

Даже Оля Грушевская появилась у нас позже, после рождения МОССАЛИТа – 2 октября 2010 года. А Ян Кауфман еще через три года – 22 июня 2013 года.

Это первая тройка общих членов МОССАЛИТа и «Подвала», не считая опять же меня и многих, появившихся в «Подвале» позже.

Пять лет назад, 13 апреля 2014 года, мы нанесли ответный визит – поздравляли МОССАЛИТ с 5-летием.

Сейчас – 10 лет МОССАЛИТу.

А теперь я бы хотел сказать пару слов не как куратор «Подвала», а как член МОССАЛИТа. Хотя вторая кружка, мне, наверное, не достанется, но я все равно скажу.

На 5-летию все еще помнили, как родился МОССАЛИТ, но никто об этом не говорил, насколько я помню. Зато теперь прошло уже десять лет – срок достаточный, чтобы забыть о том, как родился МОССАЛИТ, и начать об этом говорить.

Так вот: всё, что тут говорили о рождении МОССАЛИТа, неправда. Даже хуже, чем неправда. Это намеренное уведение в сторону от цели и заслонение главного. А что главное? И какова цель? Я сейчас скажу.

Где тут у нас программка сегодняшнего собрания? Кажется, я выступаю последним? А это значит, что уже никто не сумеет мне возразить.

И то, что я скажу, это не какие-то выдумки, фантазии и сновидения. Это факты. У меня есть документ. Дома, в компьютере.

Это письмо. Я даже не сразу его нашел, потому что оно было отправлено через провайдера, которого уже не существует. Но в своем компьютере я его сохранил. Как знал!

Это письмо от Ольги Грушевской от 14 мая 2009 года. Адресаты: я, Александр Сухих и Вадим Соколов. В этом письме Оля сообщает свой адрес, по которому состоялось, насколько я понимаю, первое собрание МОССАЛИТа. В мае 2009 года.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Названия МОССАЛИТ еще не было. Речь шла о «салонной» встрече членов сообщества под неудобоваримой аббревиатурой МРО МСП НС – Московское региональное отделение международного Союза писателей «Новый Современник». Я не участвовал в сочинении названия МОССАЛИТ и не могу точно сказать, когда оно появилось. Но, во всяком случае, еще в письме от 19 декабря 2009 года это именовалось МРО МСП НС.

Кроме адреса письмо от 14 мая 2009 года содержало только одну информацию. Угадайте, какую?

– Время?

Ну, время было, конечно, указано вместе с адресом. Я имею в виду, информацию по сути.

Цитирую: «Не забудьте про участие в фуршете». Всё, больше ничего в письме не было!

Можно сказать, что фуршет МОССАЛИТа зародился раньше самого МОССАЛИТа. Это важное и символичное наблюдение. И не случайно здесь уже звучала рифма: юбилей – налей. Да и Микаел Абаджянц намекал: пора заканчивать про МОССАЛИТ и переходить к основной части вон за тем столом.

Я только хочу прочитать стихотворение. Не старое, а специально написанное к этому дню, потому что так было положено.

За окном уже осень дождит и ветрит.

Дворник старой метлою по листьям шуршит.

А мой внутренний голос с утра говорит:

«Ты поедешь сегодня опять в МОССАЛИТ».

Мое тело не хочет, оно еще спит.

В сновиденьях душа аропланом летит.

А мой внутренний голос опять голосит:

«Поднимайся давай, тебя ждёт МОССАЛИТ».

Я с утра не умыт, не причесан, не брит.

Мое «я» только ванну и кофе хотит.

А мой внутренний голос все громче вопит:

«И кава и чай – впереди МОССАЛИТ».

Злобный солнечный луч как прожектор слепит.

Я покоя хочу, у меня все болит.

А мой внутренний голос все то же долбит:

«Нет покоя тебе, есть один МОССАЛИТ».

Вот напасть-то какая! Да что ж за магнит

Так и тянет и тянет, и так ворожит?

А мой внутренний голос призывно кричит:

«Ты корабль, твой компас теперь – МОССАЛИТ».

Я уже покорен, вертикален, одет, деловит.

Сочиняю стихи, потому что я тоже пиит.

А мой внутренний голос заодно звучит:

«Вот и славно, полюбит тебя МОССАЛИТ».

За окном та же осень, и облако в небе летит.

Собрались мы все вместе, никто не забыл, не забыт.

А мой внутренний голос, охрипши, сипит:

«Ну, теперь я спокоен, с тобой МОССАЛИТ».

Зазвучат голоса, заиграет музыка, и что там еще предстоит?
10 лет МОССАЛИТУ, уж стол для фуршета накрыт.
И мой внутренний голос победно молчит.
Я кричу во все горло: «Ваньсуй¹ МОССАЛИТ!»

**Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Волшебные сны Оле Лукойе, или Дрёмовские зонтики» (2018)**

¹ Ваньсуй – 万歲 – по-китайски «Десять тысяч лет!», т. е. «Многая лета!», «Пусть живет в веках!», «Да здравствует!», «Ура!».

#моссалит10

выступление

Натальи Пуниной-Орловой

Что для вас значит МОССАЛИТ?

Дорогие Друзья и гости МОССАЛИТа, в предверии юбилея нашего любимого объединения, мне была оказана честь провести опрос на тему: «Что для вас значит МОССАЛИТ?». И так как я в одном из наших хеппенингов сыграла неутомимую и, не побоюсь этого слова, вездесущую журналистку Тринити как-её-там... мне захотелось немного пошалить, представив, как могло бы это выглядеть, если бы я и впрямь была навязчивой СМИ-служащей из какого-нибудь зарубежного издательства, охотящейся за личной жизнью западных звезд...

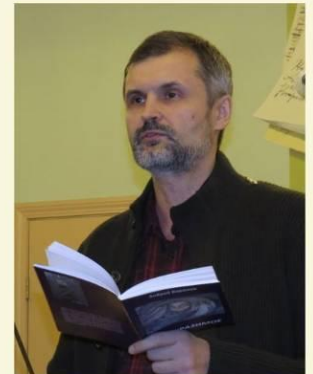
И вот что из этого получилось (ответы наших авторов приведены без купюр и комментариев). Итак...

Тринити: Уважаемые любители авторской прессы и желтой кухни, ах, извините: желтой прессы и авторской кухни, сейчас мы с вами попробуем взять эксклюзивное интервью у членов закрытой массонской ложи (как ее называют непосвященные) МОССАЛИТ. Вот, вот я вижу вдалеке появляется новый представитель этого уникального объединения – Светлана Куликова. (Подхожу к ничего не подозревающему автору и неожиданно спрашиваю в лоб.) Светлана, здравствуйте! Я вижу, вы тут человек новый, еще не избалованный пристальным вниманием к вашей персоне. Не могли бы вы мне прямо ответить: что для вас значит МОССАЛИТ?

Куликова Светлана: Я новичок. Для меня МОССАЛИТ – terra incognita. Я ее изучаю. Потому что там обитают милые моему сердцу люди.

Тринити: Что ж, интригующе... А, вот вижу одного из серых кардиналов ложи – это литературный редактор, Ирина Чижова. Ирина, подождите, пожалуйста, ваши читатели интересуются, что для вас значит МОССАЛИТ?

Ирина Чижова: Когда Оля Грушевская предложила мне поработать корректором в журнале «Московский BAZAR», я согласилась недолго думая, ибо, как написано на моей страничке сайта, люблю чинить сломанное, будь то автомобиль, водопроводный кран, больной ребенок или неправильно написанное или произнесенное слово. Оказалось, что дело это не только увлекательное, но и достаточно трудное. Тут не обойтись одной лишь повышенной грамотностью и врожденным чувством языка. За годы работы мой уровень как редактора и корректора неизмеримо вырос и приблизился к профессиональному.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

В МОССАЛИТе я занимаюсь тем, что нравится, и это главное.

А чего стоит общение! Даже чтение электронной переписки – огромное эстетическое удовольствие, не говоря уж о личном присутствии на наших сборищах.

А взаимообогащающие споры с авторами!

Сама тоже несколько раз выступила в роли автора публицистических заметок в собственной рубрике «Записки на манжете».

Есть ощущение, что я расту вместе с МОССАЛИТом.

Тринити: Отлично, отлично! А вот и... О! сам Кауфман, великий и загадочный, собственной таинственной персоной. Злые языки утверждают, что он один из первых зачинателей... Но – тс-с-с! Не будем раньше времени утверждать... Уважаемый, не могли бы вы приоткрыть тайну, дать вашим читателям хотя бы намек: что для вас значит МОССАЛИТ?

Ян Кауфман: *Дьявольское наваждение или непорочное зачатие?* Так вот. Все события касающиеся зачатия МОССАЛИТа явились цепочкой мистики, случайностей и проделок самого Михаила Булгакова и Ильи Майзельса с непосредственным участием кота Або и его хозяйки (Ольги Г.).

Тринити: Благодарю вас! Гм... менее загадочно не стало. Что ж, поищем еще кого-нибудь. О, неужели Агуф? Самый ироничный участник этого тайного клана. Считается, что попасть под его перо равносильно... Нет-нет, пересказывать слухи – недостойно нашего светлого звания... Евгений, одну минутку, пожалуйста. Не могли бы сказать: что для вас значит МОССАЛИТ?

Евгений Агуф: МОССАЛИТ, говорю честно, не первое литературное собрание, где я бывал, но на сегодняшний день единственное место, которое я посещаю регулярно и с огромным удовольствием.

Вот в этот самый момент должно быть раскрыто, почему, собственно, происходит именно так, непременно должны прозвучать дифирамбы в адрес основного вдохновителя и организатора всего здесь происходящего – в адрес Ольги Грушевской; но этого не будет. Вернее, не будет ничего напускного и стандартного. Будет ее безграничное терпение и такт ко всем без исключения, будут, заметные не всем, настоящие эмоции, будет благородство, проливающееся на всех – и пока это все не закончится, будет МОССАЛИТ.

Кстати, о благородстве!

Недавно встретил выражение афористичного Сергея Довлатова: «Благородство – это готовность действовать наперекор собственным интересам».

Думаю, далеко не всегда собственные интересы Оли совпадают с интересами МОССАЛИТа, но ее благородство не оставляет выбора, причем этой же чертой заражается каждый, принося, даря, искренне соучаствуя в общем деле, без которого уже не получается жить.

Благородством заражается каждый, кто приходит на наши встречи. Не все, к сожалению, переходят в хроническую стадию – некоторые излечиваются.

Благородны все, без исключения, кто остается.

Благородными были те, кого с нами нет. Несмотря на все сложности взаимоотношений, разве ощущали себя вполне самостоятельными вне МОССАЛИТА Миша Петухов или Дима Ильин, таланты которых нашли последних почитателей в нашем лице!

Определение понятия благородства, сделанное Довлатовым, безусловно, шире, и оно не всегда связано с самопожертвованием – речь о готовности жертвовать своими интересами. Это свойство людей, собравшихся здесь, составляет атмосферу тепла и интереса к творчеству товарища, в которую хочется возвращаться.

Тринити: Да... Думаю, никто не ожидал от Евгения таких проникновенных и теплых слов... Но это не удивительно, у талантливого человека дар может проявиться и в совершенно

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

неожиданной области. А вот, вижу, еще один из самых ироничных, не побоюсь этого слова, саркастический герой ордена – Александр Сухих, прошу любить и жаловать! Александр, скажите вашим поклонникам и поклонницам: что для вас значит МОССАЛИТ?

Александр Сухих: Это «Титаник», который, в отличие от своего исторического собрата, не утонет, ибо находится на суше и сооружен из высокопрочного материала – бумаги, для представления на ней жизни человеческого духа и художественного вымысла, а эти предметы не тонут, да и основа для них изготовлена из дерева!

Тринити: Спасибо, Александр! Образно и тоже весьма неожиданно. А вот одна из лирических героинь общества – Зинаида Кокорина. Поэзия – ее родная стихия! Зинаида, что для вас значит МОССАЛИТ?

Зинаида Кокорина: В жизни нет ничего случайного, а все, что происходит с нами, происходит в нужное время и в правильном месте. Ну не про наш ли МОССАЛИТ этот афоризм?! Встретились, организовались, радуемся общению, с уважением и пониманием относимся друг к другу. Теплая атмосфера, созданная Оленькой Грушевской с первых дней существования нашего Салона, помогает творить, создавать новые проекты, совершенствоваться и чувствовать себя затребуемым. И вот нам уже 10 лет! Это не испытательный срок, это – возраст!

Дорогу новым проектам! И пусть пополняется наш коллектив новыми талантливыми авторами! Пусть процветает наша Платоновка – уютный светлый и гостеприимный дом!

С Юбилеем нас, дорогие мои!

Только позитива и радости от новых встреч!

Тринити: Благодарю, Зинаида! О, кажется даже я подпала под ее тонкое обаяние...

А-а-а, нам несказанно повезло: не могу поверить! Это же сама Ольга Грушевская – лидер объединения, его организатор и председатель. Ольга, почитатели вашего таланта мечтают узнать: что для вас значит МОССАЛИТ?

Ольга Грушевская: Я, как руководитель Салона, понятие МОССАЛИТ разделяю на две составляющие – организационно-административную (по-бюрократически звучит, но это так) и творческую.

Первая составляющая держит меня в постоянном напряжении, поскольку у нашего Салона есть конкретные задачи, которые мы реализуем, и для этого требуется и дисциплина, и собранность, и некая возможность (или способность) смотреть на пару шагов вперед. Какие задачи, спросите вы. Если вдуматься и не подходить к вопросу формально, то достаточно серьезные: поддержание и развитие лучших традиций русской литературы, поддержание интереса у молодежи к культурным и нравственным ценностям, сохранение и популяризация общекультурных традиций, содействие талантливым авторам и творческим людям, в частности художникам. Для всего этого мы постоянно реализуем мультимедийные и многоуровневые проекты: сетевые, издательские, интерактивные; организуем творческие встречи, семинары, тематические мероприятия, литературные конкурсы, направленные на выявление талантливых авторов; мы открыты для любого творческого сотрудничества, развития и совместной деятельности.

Среди наших ключевых проектов – художественно-просветительский сетевой журнал «Московский BAZAR», издательский проект «Московский Дом», ежегодный литературный конкурс на интернет-ресурсе «Что Хочет Автор» (ЧХА), ежемесячные творческие вечера и семинары по теории литературы.

Вторая составляющая держит в еще большем напряжении, потому что она связана с творческим аспектом, с тем литературно-художественным содержанием, которое выражает и представляет Салон в рамках своей деятельности.

За 10 лет наш Салон, безусловно, вырос: о нас узнали, мы приобрели вес и репутацию серьезного проекта. А кроме того, мы превратились из литературного объединения в настоящую творческую мастерскую. Это большое достижение, на мой взгляд. Если ранее мы часто опирались на уже созданные работы, то сегодня бывают встречи и спектакли, которые сами по себе являются стимулом и мотивом к написанию новых работ. Это говорит о том, что деятельность Салона несет в себе побудительное начало, созидающее.

На сегодня у нас много друзей: это не только гости и друзья Салона, но и партнеры из других объединений и мастерских Москвы.

Если же перейти на лирический тон, то Салон, наверное, часть меня самой. Мне бесконечно важно, чтобы наши встречи и впредь носили неформальный характер, были источником искренней радости – от творческого общения, от командной работы, от взаимодействия единомышленников. При этом радуется и то, что часто случаются и споры, и несогласие, и расхождения во мнениях – это здорово, так как свидетельствует о неравнодушии и заинтересованности в нашем общем деле.

МОССАЛИТ для меня неиссякаемый источник энергии и творческой силы.

А еще МОССАЛИТ для меня это, конечно, люди. Совершенные и несовершенные... но очень родные и любимые.

С 10-летием, МОССАЛИТ!

Тринити: Огромное спасибо, Ольга, за такой прекрасный развернутый ответ! А вот я вижу, еще одна из удивительных авторов ордена. Мне говорили, что помимо стихов и прозы – Анна Народицкая еще умеет... Нет, я вам ничего не скажу! Анна, что для вас значит МОССАЛИТ?

Анна Народицкая:

МОССАЛИТ – как теплый вечер,
Чай и творческие встречи,
Стихотворная строка,
Друга крепкая рука.

Шутки, смех и вернисажи,
Песни есть и танцы даже,
Струн гитарных перезвон.
МОССАЛИТ – такой вот он!

Дождь иль снег,
Весна иль осень,
Мы всегда сюда приносим
Наши души и сердца!
Есть начало! Нет конца!

Тринити: Замечательно! Спасибо, Анна! А вот я вижу «солнечную женщину», которая, имея собственный орден с не менее загадочным названием ЖАС, в то же время является активным членом таинственного явления под именем МОССАЛИТ. Только бы догнать, только догнать! Надежда, один вопрос, вы позволите? Что для вас значит МОССАЛИТ?

Надежда Стрелкова: МОССАЛИТ для меня это люди, хорошие, очень интересные и талантливые люди!

Сначала МОССАЛИТ в лице Оли Грушевой нашел меня, потом я нашла в МОССАЛИТе много друзей.

МОССАЛИТ – это прекрасное творческое общение, которое дорогого стоит.

Тринити: Спасибо, Надежда! Смотрите, кого мы видим: Игорь Беляков! Прошу заметить, нам его в последнее время удастся застать нечасто. Зато поглядите, какой он... импозантный! Игорь, позвольте спросить: что для вас значит МОССАЛИТ?

Игорь Беляков: МОССАЛИТ для меня – кружок интересных, симпатичных людей, праздник творчества, общения, понимания, место, где можно чему-то научиться, что-то открыть для себя, почерпнуть вдохновения, постараться показать, что я тоже что-то умею, найти хоть какой-то отклик, не обязательно всегда хвалебный, но доброжелательный и помогающий расти...

Тринити: Ваши подписчицы, Игорь, благодарят вас в моем лице! Нет, вы только посмотрите, насколько он обаятелен. Так, кажется я немного отвлеклась... А вот и еще одна из недавно примкнувших к ордену представительниц. Тем интереснее нам будет ее взгляд, так сказать, со стороны. Татьяна, скажите, пожалуйста, что для вас значит МОССАЛИТ?

Татьяна Попова: А я не поняла, что меня это тоже касается. Я ведь только гость. МОССАЛИТ для меня – возможность вырваться из водоворота будничных дней в чудесный родник творческого общения с удивительно небудничными одаренными людьми.

Тринити: Как это мило! Спасибо, Татьяна! А вот я вижу уже давно полюбившуюся многим Ольгу Рыбакову! Оля, не скажете ли, что для вас значит МОССАЛИТ?

Ольга Рыбакова: Для меня МОССАЛИТ стал откровением и прорывом. Погруженная по самые уши в болото офисного прозябания и монотонного быта, я и не подозревала, что есть другая вселенная, где обитают творческие люди; где слова, ноты и краски – первооснова жизни; где театральные занавесы не разделяют, а объединяют вымысел и реальность. Мощная энергетика МОССАЛИТа втянула мой крохотный астероид в свою орбиту, и я восхищенно вращаюсь на ней, время от времени помогая, чем могу. Все необычно, все интересно, все захватывающе.

И самое важное для меня: по прихоти МОССАЛИТа я стала позволять себе непозволительное – выходить на сцену, баловаться прозой, выставлять на строгий суд свои фотографические работы. Я позволила себе не бояться. Спасибо за это МОССАЛИТУ.

Тринити: Замечательно! Мы тоже рады, что так случилось! Сколько новых прекрасных откровений еще ждет нас... Вот известный музыкант и автор поэтических строк – Алексей Казарновский. Алексей, один вопрос: что для вас значит МОССАЛИТ?

Алексей Казарновский:

Нынче мне е-мейл пришел,
В нем вопрос с подвохом:
«В МОССАЛИТе хорошо
Или, может, плохо?».
Продолжается строфа,
Подбираю слово...
С МОССАЛИТОМ мне лафа –
Без него – хреново.
Был я дик, не мыт, не брит,
Но забрел на МОССАЛИТ
И вкусил культуры,
Вымыл руки, сбросил шкуры,
А затем, ядрена мать,
Начал вдруг стихи писать.
И писал так десять лет,
Вот зовусь теперь «поэт».

Словом, стоит ли плевка
То, что прежде было?
С МОССАЛИТОМ жизнь легка
Без него – уныла!
Скажем, вот, душа болит –
Захожу на МОССАЛИТ.
Глядь – уже стакан налит,
Оля речи говорит
Что-то там про юбилей.
Ну, тогда еще налей!
Да смелей же, не жалей!
Вот и стало веселей,
Жизнь вокруг уже кипит
МОССАЛИТ во всю рулит.
Славься, славься, МОССАЛИТ!

Тринити: Вот что значит поэт-песенник: бац – и готовая песня! Кто еще так может? А вот, смотрю, Галустова Елена. Мастерница-многостаночница. И в ордене трудится, и, ходят слухи, еще где-то подрабатывает. Елена, на пару слов, можно? Что для вас значит МОССАЛИТ?

Елена Галустова: Так сразу и не ответишь. Если в двух словах – то это Союз единомышленников. Но мне повезло познакомиться с творчеством моССАЛИТовцев с нескольких сторон. Объясню, что я имею в виду. Сначала робко, из зала, я смотрела на выступление авторов, отмечала интересные комбинации текстов, смешные моменты хепенингов, восхищалась стихами. Поражали та легкость и изящество, с какими проходило каждое выступление. Но как творческий человек я, конечно же, понимала, какой немислимый труд стоит за той кажущейся легкостью, чтобы за два часа подарить зрителю радость.

Теперь я тоже автор МОССАЛИТа. Для меня это новая ступень творчества. Здесь я могу быть собой, представлять свои тексты, участвовать в программах, не бояться, что кто-то осудит и сделает замечание за неверно выбранное слово. Наоборот, доброжелательная атмосфера

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

литсообщества дает не только уверенность в своих силах, но и заставляет меня двигаться дальше в своем творчестве, искать новые формы самовыражения (Может быть, стихи начну писать... Шучу, конечно.), поддерживает меня в трудную минуту.

Про последнее хочу сказать особо. Поддержка моссалитовцев в плане нашей профессиональной деятельности в библиотеке несравнима ни с какой другой. Все знают, в какой непростой ситуации работают сейчас библиотеки, а наша и подавно. Мне не раз приходилось к каждому моссалитовцу обращаться за помощью выручить библиотеку в плане массовых мероприятий или дать совет по творческой деятельности. И ни один не отказал нам в помощи!

Так что МОССАЛИТ для меня – это, в первую очередь, друзья, с которыми можно разделить и горе, и радость.

Тринити: Спасибо, Лена! Как хорошо сказала... Ребят, похоже, сегодня просто наш день: нам посчастливилось встретить Евгению Худякову. Давненько, Евгения, давненько вас не было видно. Ваши читатели, почитай, почитатели заждались... Евгения, ответьте нам, пожалуйста, что для вас значит МОССАЛИТ?

Евгения Худякова: МОССАЛИТ – литературный пульс!

Тринити: Кратко и емко! Спасибо, Евгения!

Что ж, так меня раззадорили, что и у меня самой родился экспромт:

Что такое МОССАЛИТ?
Он талантливых роднит
Там поэзии Источник,
Вдохновения родник!

МОССАЛИТ, а это кто?
Это лучшее ЛитО:
Ободрят там и одобрят,
Не осудят, если что...

МОССАЛИТ. Кто здесь живет?
Редкий дружеский народ!

Это племя арт-искусства
Многоплановых широт.

Где? В Платоновке, вот тут
Мы нашли себе приют:
В ГБУ на Усиевича
Рады нам всегда и ждут!

Пусть всегда он единит,
Укрепляет и поит,
Вдохновляет и питает:
С юбилеем, МОССАЛИТ!

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Щелкунчик» (2012)

BazART

Игорь Бурдонов
(МОССАЛИТ, Москва)

ПРИКОСНОВЕНИЯ

В жизни человека много дней. Дождливой осенью 1971 года я придумал классификацию дней. Большинство из них – просто верстовые столбы, по которым мы отмеряем время. Но есть дни Высокого Предназначенья. Один из таких дней случился 6 сентября 2019 года на второй день моего пребывания в Китае. Мы встретились в г. Тяньцзинь с переводчиком моих стихов русистом, профессором Гу Юем и его другом, каллиграфом, профессором Хао Эрци. В юности появление новых друзей – рядовое явление, но в старости – это событие. Тем более таких друзей. Как сказал о Гу Юе китаевед и переводчик Сергей Торопцев, он «скрасил мою жизнь в самые последние годы». Я могу повторить эти слова. Наша встреча стала итогом восьмимесячной переписки, в которой мы обменялись тремястами с лишним письмами, Гу Юй перевел на китайский язык сто двадцать три моих стихотворения, Хао Эрци превратил одно из них в каллиграфический свиток. Мы обменялись подарками и провели за общим столом три часа, пролетевшие как одно мгновение. А после начался новый виток. Я продолжил свое путешествие по Китаю, во время которого сочинил еще пять стихотворений и нарисовал пять картинок. Гу Юй тоже написал четыре стихотворения в очаровательной китайской манере «поэтического репортажа» о нашей встрече, о нашем чудесном гиде и друге Мин Хайчжэнь и о цепочке «прикосновений» от сердца к сердцу, рожденной стихами великого поэта Тао Юань-мина. А в предпоследний день путешествия по Китаю мы снова случайно встретились с Хао Эрци и его очаровательной женой на международной выставке живописи в Пекине. И уже после возвращения из Китая я нарисовал еще пять картинок, продолжающих тему. Это похоже на круги, расходящиеся от камня-события по воде-времени.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

**ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ ИГОРЯ БУРДОНОВА,
НАПИСАННЫХ В КИТАЕ В СЕНТЯБРЕ 2019**

**После встречи с Гу Юем и Хао Эрци в Тяньцзине
в 8-й день 9-й луны**

Сегодня был такой чудесный день,
что хочется заплакать.
Жизнь коротка, и сердцу не вместить
все горы, все деревья, всех людей,
все звезды в небе, все стихи в ночи,
и голос, одиноко затихающий вдали.

*Гу Юй и Хао Эрци встречают
Игоря Бурдонова в Тяньцзине*

У могилы Тао Юань-мина в Лушани в 10-й день 9-й луны

У восточной ограды
разбит огород.
Вдоль аллеи цикада
неумолчно поет.
Ввысь шагают ступени
по склону южной горы.
И чуть слышно шипение
осыпающейся листвы.
В чистом небе не видно птиц.

*Гробница поэта Тао Юань-мина
в Лушани*

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Читаю стихи Тао Юань-мина в 10-й день 9-й луны

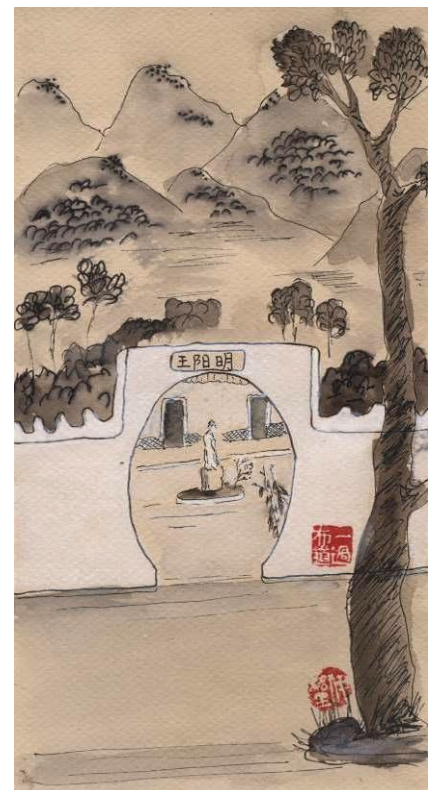
У могилы Тао Юань-мина
читал стихи Тао Юань-мина.
В ветвях деревьев сразу стихли,
а после вновь кричат цикады.
И понял я: мои стихи
читать цикадам пока не надо.

Озеро в горах Лушань

Еду на поезде в Чэнду в 12-й день 9-й луны

Тысячи раз эти горы меняли
зеленую кожу листвы.
Помнит ли сердце гор
древнее царство Шу?
Сотни тысяч раз проплывали
облака над вершинами гор.
Помнит ли белое небо
древнее царство Шу?
Миллионов людей
бесконечна река.
Всмотрись в эти древние лица!
Разве не так же
красивы и юны девицы,
как сверстницы их
из древнего царства Шу?

*Философ Ван Ян-мин
в школе Байлудун в Лушани*

Тростниковая хижина Ду Фу в Чэнду в 15-й день 9-й луны

Душа Ду Фу
 живет в Чэнду.
 Для нее построили дом,
 все, что нужно, имеется в нем:
 кабинет, чтоб стихи писать,
 и кровать, чтобы ночью спать.
 А в саду проложили дорожки,
 чтоб душа погуляла немножко.
 И в беседке у края озера
 принимала красивые позы.
 И на стенах читала стихи Ду Фу,
 которые он написал в Чэнду.
 Только жалко, что все это сам Ду Фу
 не имел, когда жил в Чэнду.
 И не может душа перейти черту,
 за оградой не видит другой Чэнду.
 Миллионы комнат в городе том,
 до горизонта – за домом дом.
 Домам не страшны дожди и ветра,
 Высоки и прочны дома, как гора.
 Об этом наверно мечтал Ду Фу,
 когда сочинял стихи в Чэнду,
 сквозь дырявую крышу любуясь
 ночной луной.

Поэт Ду Фу в Чэнду

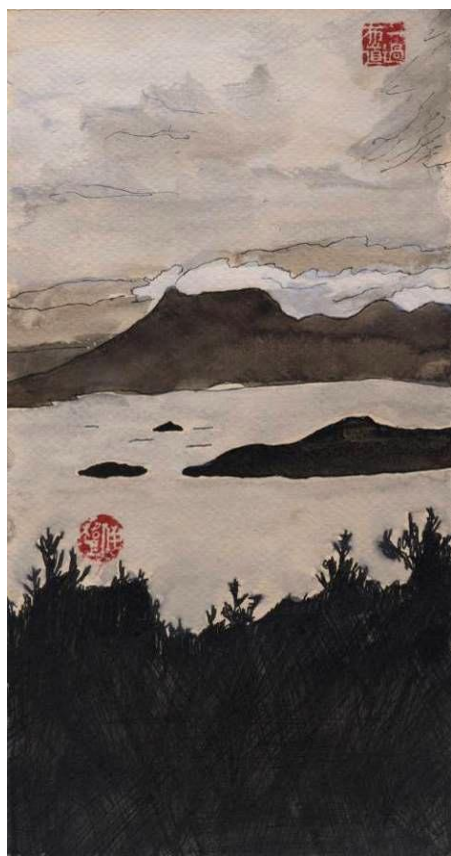
На озере в горах Лушань

На священной горе Эмей (Крутобровая гора)

В древнем городе Шухэ (Деревня у подножия высокой горы) на дороге Чама (Чай и лошадь)

Озеро Лугу

По дороге на высокогорное пастбище Ганьхайцзы в Юйлунсюэшань (Снежная гора Нефритового дракона)

谷羽诗四首

感谢陶渊明

六位俄罗斯朋友，
从莫斯科飞到天津，
希望郝尔启和谷羽。
微笑、交谈、饮酒，
举杯感谢陶渊明，
诗人让我们有幸相聚，
三个小时短暂，
留下长久美好的回忆……

伊戈尔的礼物

三百多封通信，
一百一十八首诗，
把我们联结在一起。
跟我想象的一样：
说话声音柔和，
眼睛里含着笑意，
伊戈尔给我带来礼物：
诗意的风景画，
还有《白居易百绝句》。

ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ГУ ЮЯ

Спасибо, Тао Юаньмин!

Шесть русских друзей
Из Москвы прилетели в Тяньцзинь,
Встречались с Гу Юем и Хао Эрци.
Смеялись, шутили и пили вино,
И тост поднимали за Тао Юань-мина.
Счастливую встречу поэт подарил нам.
И вот три часа пролетели мгновеньем,
Надолго оставив чудесные воспоминанья.

Подарки Игоря

Пишем больше трехсот
И сто восемнадцать стихов –
Вот, что нас вместе связало.
Все так, как я ожидал:
Голос его симпатичен,
Улыбка в узких глазах.
Он мне принес подарки:
Поэтические картины,
А еще «Сто стихов – цзюэ-цзюй»,
Написанных Бо Цзюй-и.

不一样的导游

明海珍
不一样的导游。
伊戈尔和卡德丽雅
三次来中国，
都是她陪伴。
明海珍
不是普通的导游，
她是最可靠的朋友！

感动

陶渊明的诗
感动了汉学家艾德琳
他把陶诗翻译成俄文
艾德琳的陶诗译本
感动了伊戈尔·布尔东诺夫
布尔东诺夫尊陶为师
写诗表达尊崇的心情
他的诗感动了译者谷羽
谷羽把伊戈尔的诗译成中文
邀请他的朋友郝尔启先生
把译诗写成书法作品
郝先生的亲戚阚士全
在瓷碟上精心雕刻
陶渊明画像和陶诗
赠送给俄罗斯友人
这一系列的感动
源自一颗颗真诚的心

2019. 9. 9 谷羽

Необыкновенный гид

Мин Хайчжэнь –
Необычный гид.
Игорь и Кадрия
Третий раз в Китай приезжают,
И она их сопровождает.
Необычайный гид –
Светлая Морская Жемчужина –
Самая надежная в дружбе!

明海珍 – Мин Хайчжэнь – буквально
означает «Светлая Морская Жемчужина».

Прикосновение

Стихи поэта Тао Юань-мина
тронули сердце синолога Эйдлина,
он перевел их на русский язык.
Переводы Эйдлина тронули сердце
ученого Игоря Бурдонова,
он считает Тао своим учителем
и пишет стихи, выражая свое уважение.
Эти стихи тронули сердце китайского переводчика Гу Юя,
он переводит их на китайский язык,
и просит друга, господина Хао Эрци,
написать каллиграфию переведенного стихотворения.
Родственник профессора Хао господин Кань Шичюань
искусно гравировал на фарфоровом блюде
стихи и портрет поэта Тао
в подарок русскому другу.
Вот целый ряд прикосновений
от сердца искреннего к искреннему сердцу.

Гу Юй, 9 сентября 2019 г.
Перевод на русский язык Гу Юя и Игоря Бурдонова
22 сентября 2019 г.

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Предновогоднее Алисокружение» (2010)

ПРОЗА – МОССАЛИТ, Москва

Ольга Грушевская

ШИШЕЛ-МЫШЕЛ

(ДВЕРЬ)

1

*Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана:
«Буду резать, буду бить!
С кем останешься дружить?»*

Детская считалка

– Вышел месяц из тумана, – весело напевал молодой мужчина. – Набирай ложку!

– Вынул ножик из кармана, – игриво вторила ему молодая женщина. – Ну-ка, ложку в рот!

Девочка ела медленно и без аппетита. Чего только ни делали ее родители, к каким ухищрениям ни прибегали: к уговорам-увещеваниям, сказкам, взывали к разуму, кричали – ничего не менялось.

Мама была молодой и красивой и очень деятельной, готовила хоть и без изысков, зато быстро; ловко раскидывала белые тарелки по белой скатерти: «К столу-у-у!» – звала мужа и дочку, а сама уже была вся в нетерпении: когда же вся эта однообразная церемония, закончится, чтобы поскорее вымыть посуду, освободиться от кухни и заняться, наконец, интересными делами – мир был таким огромным!

Папа был тоже молодым и красивым и очень умным; приходил тут же, по-деловому садился за стол, шутил, а потом ел с аппетитом, присущим молодому человеку, молча и быстро, так как надо было поскорее покончить с трапезой и приступить к чему-то очень важному, например запускать в космос аппараты, рассчитывать траектории полета – мир был таким бескрайним!

А девочка никуда не торопилась. Ее мир не был большим и бескрайним и существовал не где-то, а рядом с ней. Ей вполне хватало ее комнаты с куклами и мишками, сада с цветами и стрекозами и улицы за забором старого дома, ведущей к станции. Она осматривала свои маленькие владения и чувствовала себя совершенно комфортно. Девочка садилась на корточки и внимательно следила за тем, как муравьи тащат соломинку, как трясогузка горделиво разгуливает по дорожкам, как лихо скачут белки по веткам. Иногда она поднимала глаза к небу и рассматривала облака, но лететь к ним совсем не хотелось.

Все эти завтраки-обеда-ужины девочка ждала с обреченной грустью, потому что знала, чем они кончатся, и всегда у нее внезапно находился предлог, чтобы оттянуть момент, задержаться: то карандаш ломался, то оставался последний штрих на картинке, то тапка с ноги сваливалась и исчезала под шкафом, то мыло выскользывало из рук и как лягушка ускользало под ванну, то...

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

– Да сколько же звать тебя надо?! – мама появлялась за спиной и вздыхала. – И что же на этот раз?

И появлялась тапка, и мыло возвращалось в мыльницу, и карандаш быстро точился и дорисовывал картинку. В руках у мамы все спорилось.

Но все-таки дело было, наверное, не в маминой еде: не в комках манной каши, не в рыбе-наваге, от которой почему-то чесались губы, не в том, что чай казался горячим, а пирожные липкими. Конечно же нет. Просто девочку все отвлекало. Отвлекала муха, чистящая лапки на оконном стекле; отвлекала тень от ложки, которой если двигать, то можно было увидеть, как тень принимает разные формы.

– Ешь!

Отвлекала птичка-пищуха, которая, словно юркая мышка, бегала по стволу старой вишни, что росла за окном.

– Жуй!

Отвлекали крошки на клеенке, из которых можно было сложить смешные фигурки.

– Опять застыла? Перестань мечтать!

Отвлекала мелодия, которую она пела во сне, а теперь силилась вспомнить.

– Прекрати держать за щекой!

Отвлекал солнечный луч, который светил прямо в глаза, но если прищуриться, то можно было увидеть радугу.

– Пока не съешь, из-за стола не выйдешь! Так и будешь сидеть до обеда!

Отвлекала большая супница в буфете в замысловатых розочках.

– Не хочет, пусть не ест! – не выдерживал умный папа.

– Нет, пусть ест! – возражала заботливая мама, собирая тарелки. – Она не может оставаться голодной. Она и так худая!

– Захочет, придет сама.

– Мне некогда целый день торчать на кухне и вас обслуживать. Сделал дело – гуляй смело! Давай-ка, моя дорогая, не задерживай нас.

– Ты слышала, что мама сказала? – хмурился папа. – Ты нас задерживаешь, быстро доедай! Все дети как дети, съели и побежали, а ты – тянучка, время не жалеешь!

Девочка молчала. Она знала, что все дети как дети, но еще она знала, что мама с папой ее очень любят, что они все для нее делают, а она их подводит и задерживает в их большом и взрослом мире, и больше всего на свете ей хотелось исчезнуть – исчезнуть в никуда.

Так и происходило.

– Ну, всё! – в отчаянии восклицала красивая мама. – Ты сама до этого доводишь! Всё! Терпение лопнуло! Вставай и отправляйся в ванную! Там будешь думать, о чем хочешь, и фантазировать, что хочешь, а потом придешь доедать холодную кашу!

Девочка оказывалась в ванной, дверь захлопывалась, громко щелкала задвижка, и выключался свет.

– Вот сиди теперь взаперти, в темноте! Так тебе и надо! – добавляла расстроенная мама. – И думай, какая ты эгоистка! У всех куча дел, а ты вечно резину тянешь, фантазерка!

Девочка сначала по привычке плакала и стучала ладонями в закрытую дверь: «Открой! Мама, открой!», дергала за ручку и снова плакала, но потом постепенно успокаивалась и садилась на край старой ванны. Наступало ее время.

В ванной было темно. Тусклый свет слегка просачивался сквозь мутное дверное стекло, придавая предметам непривычные очертания и иные формы. Большие квадраты старой половой плитки напоминали растрескавшуюся шахматную доску, на которой черные элементы выливались из своих границ и неровными пятнами расползались по светлым полям. Ванна

превращалась в черную пропасть с грязно-серыми краями. Хотелось нырнуть вниз и лететь вниз головой до другого края земли. Пропасть звала и пугала, и девочка тянула за клеенчатую штору, чтобы не смотреть в бездонную тьму. Столбики голубеньких цветов на кафеле, веселеньких при электрическом свете, в темноте, превращались в замысловатые цепочки следов пищухи, похожей на мыш. Тихие звуки в трубах урчали, бурлюкали и привычно складывались в слова, и вот уже девочка различала, как кто-то знакомый опять ей ласково шепчет:

Шишел-Мышел

Сел на крышу...

И девочка начинала вторить «Шишел-Мышел» и неловко танцевать, складывать ноги в реверансы и кружиться в тесном пространстве ванной комнаты.

Шишел-Мышел...

Потом она смотрела в зеркало и видела там свой худенький черный силуэт. Размытый силуэт ей нравился. Вроде она, а вроде и не она. Это мог быть кто угодно, и с ним можно было дружить и никуда не торопиться. Она поворачивала кран и включала тонкую струйку воды, мочила указательный палец и водила им по зеркалу, рисуя водой нос, рот, глаза.

Шишел-мышел... – улыбалась девочка и пририсовывала другу-отражению уши.

Шишел-Мышел...

А позже садилась в углу на скамеечку и с улыбкой засыпала.

...Она знала, что мама и папа очень хорошие, и это лишь ее вина, что она такая медленная и нескладная.

Шишел-Мышел

Сел на крышу...

– Ну всё, хватит, выходи! Достаточно сидеть в темноте! И прекрати притворяться, что тебя нет или что ты спишь! Мы уходим, а ты марш на кухню доедать кашу!

Шишел-Мышел

Сел на крышу,

Шишел-Мышел

Взял –

И вышел!

2

*Шла машина темным лесом
За каким-то интересом,
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву «эс»,
а на буквочке звезда,
там, где ходят поезда.
Если поезд не пойдет,
машинист с ума сойдет.*

Детская считалка

На указателе машина свернула направо, и извилистая дорога повела вглубь поселения. Шоссе было влажным и в воскресный день пустынным. Утренний июньский туман стелился по окрестным полям, сочился в перелески, и через открытый люк приятно проникал в машину прохладный воздух.

Да, все изменилось. Неизбежно наступал город: поля повсюду застраивались однотипными коттеджами, сплошь и рядом громоздились нелепые торговые центры, вдали, где всегда голубело небо, теперь торчали современные конструкции, уютную трехэтажную школу красного кирпича потеснил большой серый монстр из нескольких корпусов с переходами.

Нет-нет, она все делает верно, все правильно, имение давно надо было продать – пока его не смел мегаполис, да и содержание реликвии требует слишком больших средств, сил и времени, а при ее городской занятости это все нереально. Да и ради чего? Большую часть времени они с мужем проводят в Праге, там же, в университете, учится и сын – дом давно уже никому не нужен. Эх, надо было еще раньше расстаться с этим динозавром, да только всё что-то останавливало, что-то мешало, удерживало. И вот – по настоянию домочадцев – она выставила дом на продажу.

Найти желающих купить старое имение непросто, для покупателя это все равно что купить древний замок – вместе с престижем приобретаешь кучу проблем: ремонты, налоги, непредвиденные траты, одним словом, покупаешь личную черную дыру.

Продажу ведет агент: созванивается, возит в дом немногочисленных клиентов, но вот уже третий раз за последний месяц показывать дом вызывается она сама – стечение обстоятельств: третий раз неожиданно появляется «окно» и она шутливо пишет агенту в чате: «Дом зовет меня – сегодня еду сама».

Машина вырулила на липовую алею и остановилась в тупике у больших ворот. Столбы от времени покосились, ворота разъехались, и между створками образовывалась щель, сквозь которую виднелся большой дом с темным фасадом.

Тася порылась в сумке и извлекла тяжелую связку разнокалиберных ключей. Калитка со щелчком открылась, и она зашла на участок. Выбрав ключ побольше, она отперла массивный навесной замок, распахнула тяжелые створки прогромыхавших ворот, въехала на участок, припарковалась и проделала обратную процедуру с воротами и замками.

Раздался звонок телефона, агент сообщал, что клиенты выехали и через час придут.

По дорожке, выложенной потрескавшейся плиткой, Тася направилась к дому, стоявшему поодаль среди большого пролеска, окруженного вековыми деревьями – могучие ели стояли торжественно, словно отдавали ей честь, дубы чуть склоняли головы, а березы нежно посмеивались. Солнце с трудом продиралось сквозь сплетенные ветви, поэтому территория всегда была затененной и влажной. Раньше молодняк прореживали, спиливали засохшие ветки, косили траву, теперь же все заросло и выглядело заброшенным, как чаща в сказке о Спящей красавице. На дом ложились солнечные пятна мягкого света, обнажая на фасаде паутину трещин и угрюмые выщербины. Изломанная крыша, покрытая сухой прошлогодней листвой, тут и там обреченно демонстрировала поломанные сосульками края, побитые весенними оползнями скаты. Подслеповато-мутные окна, по-стариковски щурились, тщетно пытались разглядеть, кто же на этот раз к ним явился. Дунул ветер, всколыхнул ветви деревьев: «Приехала», – прошуршали дубы. «Приехала...», – отозвались ели.

Тася шла к дому, испытывая странное чувство тревоги, смешанное с сожалением, что наглухо заколоченное в доме прошлое будет еще долго стучаться изнутри во все стены, пытаясь напомнить о себе. Но тщетно. Придут новые хозяева и сметут эту рухлядь, все переинчат, наполнят своим запахом, историей и навсегда похоронят чужие воспоминания под толстым слоем свежей штукатурки.

Повернулся еще один ключ, открылась входная дверь, и Тася оказалась в темной прихожей. Из глубины дома веяло тишиной, застоявшимся воздухом и напряженным

ожиданием. Щелкнул выключатель, и под потолком вспыхнул неяркий свет, разбудивший застывшую на светильнике ночную бабочку – та вспорхнула, заметалась и села на кирпичную стену, с висевшей на стене фотографии на нее покосилась печальная пожилая женщина.

Из прихожей Тася перешла в тусклый холл, куда со второго этажа спускалась тяжелая лестница; затем не торопясь прошла мимо ванной, которой уже много лет не пользовались из-за неполадок со стоком; пройдя мимо арки на кухню, вошла в гостиную, окна которой смотрели в сад. Она хотела уже включить верхний свет, но застыла замороженная. Вся комната была залита солнечным кружевом: свет лился через высокие окна и ложился ажурной вязью на низкий диван, большой обеденный стол, высокий буфет с посудой, картины на стенах. Искрящимися водопадами торжественно струились в солнечных лучах тюлевые занавески, свисающие с карнизов. Тася умиротворенно вдохнула сыровато-пыльный воздух и, подойдя к окну, отодвинула занавеску: «Привет», – улыбнулась она, но улыбка тут же померкла.

Прямо напротив стояла старая вишня, от времени покосившаяся и покрытая у основания мхом. Вишня уже отцвела, лишь кое-где в тени виднелись еще пушистые белые соцветия. Черными росчерками сухие ветки мешались с живыми, зелеными, но одна из крупных ветвей плетью свешивалась до самой земли. Излом рваной раной торчал на фоне голубого неба, словно кто-то огромный безжалостно разломил ее о свое большое колено. Смерть застала ветвь сильной, цветущей, и теперь, уже мертвая, но вся еще в своем последнем в жизни великолепии, она трагически осыпала молодую траву белыми лепестками.

Тася опустила занавеску и отвернулась.

До приезда клиентов оставалось достаточно времени, чтобы как-то «обжиться», проветрить дом. Хотя, как ни крути, сложно было скрыть ветхость и запущенность обстановки. И все же Тася по-деловому прошла по всем помещениям, раздвигая портьеры, распахивая окна и форточки, зажигая в проходных комнатах свет, выравнивая стулья и разглаживая старые покрывала. На втором этаже света и воздуха оказалось больше, а все очертания ярче. Завершив хозяйский обход, Тася плюхнулась в кресло и откинула голову. Удивленное оцепенение царило вокруг, словно дом пробудился и сам с любопытством следил за своей хозяйкой.

Тася сидела в своей детской комнате, которая позже стала не детской, а просто комнатой, где они жили с мужем, а потом и с маленьким сыном. Напротив кресла у стены высился большой книжный шкаф, забитый старыми книгами, журналами, раритетными изданиями, глянцевыми альбомами с репродукциями. Когда-то все это имело значение: собиралось, выискивалось, находилось в букинистических магазинах, покупалось в очередях, по подписке. Теперь предстояло все разобрать, просмотреть, пролистать, вывезти или раздать. Или не стоило мучиться? Может, стоило все одним махом выбросить? Вряд ли библиотека могла заинтересовать новых владельцев.

Чуть левее стеллажа громоздился нескладный комод с большим зеркалом в массивной раме. Зеркало когда-то давно хотели повесить на стену, да так и не повесили, оставив стоять на комодe, что ничуть не портило обстановку. Около зеркала между двумя вазами цветного стекла виднелась фотография в металлической рамке. Тася любила эту фотокарточку и всегда подолгу ее разглядывала, с каждым разом пытаясь увидеть в ней что-то новое. Это было фото ее молодых родителей: отец весело смотрел на маму, обнимая за плечи, а мама с легкой усмешкой задумчиво смотрела в объектив. На плечах у мамы была накинута Тасина кофточка. Тогда Тасе было лет семь или восемь и жизнь казалась ей бесконечной, а родители – взрослыми и вечными. Но, взрослея, Тася стала замечать на карточке что-то иное: казалось, папа уже не так крепко обнимает маму и смотрит не так уж и весело, а мама улыбается вовсе не папе, а тому, кто наводит на них объектив. Тася все больше ощущала на фото предчувствие

грусти и утраты, скрывающиеся за счастливыми лицами – все то, что раньше не могла распознать маленькая девочка. Вот и теперь, когда она уже давно переросла своих родителей, разглядывая фото, она с нежностью обнаружила в их лицах всю ту силу, дерзость и нетерпение, что свойственны в начале жизненного пути одаренным молодым людям. «Да, – думала Тася, сидя в своем любимом кресле в мелкий цветочек и вспоминая папины слова. – Все относительно». Она перевела взгляд на кровать с красным стеганым покрывалом и тремя бархатными подушками, затем – на распахнутые стеклянные двери, ведущие на открытую террасу – легкие занавеси на ветру колыхались, а сквозь двери ровными линиями разбегались солнечные лучи. «Двери в рай», – подумала про себя Тася и прикрыла глаза.

И виделось ей, как они все: бабушка – в зеленом костюме, дед – в соломенной шляпе, родители – в чем-то светлом и легком, сын и муж – все сидят за столом с белой скатертью и белыми тарелками, смеются и переговариваются, а она, Тася, разливает половником из фарфоровой супницы с розами холодный свекольник со сметаной. И делает она это размеренно, неторопливо – как положено, а выглядит она – старше всех, и факт этот вовсе никому не удивителен, ведь все они застыли на фотографиях молодыми, и лишь она одна все взрослеет и взрослеет.

Внизу что-то стукнуло, Тася вздрогнула и открыла глаза. Сквозняк, окно? Спускаться лень, хотелось еще понежиться в полудреме – сказались московские напряженные дни и городская усталость, но стук повторился, и она нехотя встала: еще не хватало, чтобы разбилось стекло и забот прибавилось.

Спустившись в холл, Тася выглянула в прихожую и увидела, что входная дверь приоткрыта. «Сквозняк», – решила она и, плотно прикрыв дверь, прошла по комнатам, но источник звука так и не обнаружила. Только тут она обратила внимание, что все еще держит в руках фотографию родителей. Пройдя на кухню, она поставила фото на стол и решила вскипятить воды, чтобы заварить чай. Половицы на кухне скрипнули, чиркнула спичка, голубые язычки пламени вспыхнули и весело заиграли вокруг замасленной конфорки, отчего старая кухонная обстановка показалась еще более старомодной и ветхой. Тонкая струйка воды громко ударилась о дно чайника и, несколько раз фыркнув, полилась увереннее.

«Шла машина темным лесом, – приговаривала Тася и сосредоточенно смотрела, как звонкая струя воды льется из крана, – за каким-то интересом, инте-инте-интерес, выходи на букву «эс».

Наконец, водрузив чайник на плиту и достав с полки над плитой банку с чайной заваркой, Тася обернулась и отпрянула. Прямо перед ней стояла молодая женщина и держала за руку мальчика лет восьми. Женщина была в темном кардигане, а мальчик – в теплой курточке, застегнутой до подбородка.

– Кто вы? – вскрикнула Тася.

Молодая женщина приветливо улыбнулась:

– Не пугайтесь так, ради бога. Мы приехали посмотреть дом.

– Дом? – не поняла Тася, но тут же спохватилась: – Ах да, конечно, дом.

– Вас разве не предупреждали?

– Да-да, предупреждали, – Тася еще раз оглядела гостей. – Но как вы вошли?

Женщина дернула плечами:

– Калитка открыта, да и входная дверь не заперта.

Тася вздохнула и почувствовала облегчение, тут же сменившееся досадой: не очень-то приветливо она повела себя с гостями – так дом никогда не продать.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

– Не сочтите меня невежливой, – постаралась объяснить она свою настороженность, – но я ждала вас чуть позже. К тому же агент предупредил, что приедет семья... то есть, приедут муж и жена.

– Все верно, – подтвердила женщина и поправила короткие светлые волосы, – все верно. Мы быстро добрались – в воскресенье дороги пустые. А муж осматривает территорию. Он не очень любит загородную жизнь, да и вообще его мало интересует хозяйство, а уж такое огромное – тем более. Надо понять, много ли придется вкладываться, чтобы привести все в порядок. Мы заметили много сухих деревьев и сломанных веток.

– Да, – вздохнула Тася, – зимой все завалило снегом, много деревьев сломано, сад пострадал. Хотя, если говорить серьезно, территория не самая большая проблема в...

– Посмотрим, – не дала договорить ей гостя и, по-хозяйски подойдя к буфету, достала три чашки. – Чай? Вы ведь собирались пить чай?

Тася кивнула и первая послушно села за стол, отодвигая фотографию родителей в сторону.

– Дом старый и требует капитального ремонта, – проговорила она, зачем-то начиная с самого неприглядного. – Нужна ревизия кровли, водостоки ужасные, в некоторых комнатах следует перекрыть полы...

– Мы в курсе, нас предупреждали, и это нас не пугает, – опять перебила женщина и, повернувшись к мальчику, мягко скомандовала: – Будем пить чай, никаких возражений. Ты плохо завтракал.

Мальчик не возражал. Тася поймала его взгляд и приветливо улыбнулась:

– В шкафу есть конфетница: печенье, орехи и шоколад, – сказала она. – Большого, к сожалению, я вам предложить не могу, мы здесь не живем.

Ей показалось, что женщина посмотрела на нее с укором, но, возможно, это ей лишь показалось.

– Не беспокойтесь, мы с удовольствием поьем чаю с вашим печеньем, – заверила гостя и снова обратилась к мальчику. – Ведь так? Ведь это очень любезно со стороны хозяйки угостить нас сладким, – и, оглянувшись вглубь дома, спросила: – Где можно помыть руки?

– Придется подняться наверх, – Тася машинально провела ладонью по клетчатой скатерти, смахивая крошки. – Все удобства на втором этаже. Внизу ванная в плачевном состоянии, да и дверь не открыть, заржавел замок.

– Ничего страшного, – успокоила гостя и продолжила: – Вчера вечером мы выучили новое стихотворение, и сейчас мой сын нам его расскажет. Расскажешь? Всем очень интересно.

– О, – воодушевилась Тася, почему-то радуясь, что тема продажи дома отошла на второй план. – Послушаю с удовольствием!

Но мальчик молчал и смущенно жался к выходу.

– Но... это вовсе не обязательно! – Тася поспешила прийти ему на помощь: – Мы можем просто так попить чаю, безо всяких стихов. Стихи это не самое главное. Вы знаете, мой сын никогда не любил читать стихи на публике, хотя знал их очень много – у него отменная память. И ничего страшного! Сейчас он учится в университете. Знаете, ведь это зависит... – тут она осеклась, так как на этот раз она не могла ошибиться – женщина смотрела на нее с явным недовольством. – О... простите... я, наверное, зря вмешиваюсь...

Воспользовавшись замешательством, мальчик скомканно буркнул:

– Погуляю по комнатам, – и быстро исчез в темном пространстве дома.

*Раз, два, три, четыре, пять!
Я опять
Иду искать!
Кто не спрятался –
Я не виновата!*

Детская считалка

– Ну что ж, дом действительно требует серьезных вложений, – подытожила женщина, завершив осмотр второго этажа и направляясь к лестнице. – Но в целом мне все понравилось, очень уютно и атмосферно. В вашем доме есть что-то, чего нет в других подобных постройках.

На минутку гостью задержалась у пожелтевшей фотографии, висевшей на стене под стеклом, на ней виднелся дом в самом начале строительства.

Тася, внимательно наблюдавшая за своей гостьей, в который раз ощутила в ней что-то знакомое: уверенный голос, решительные движения, хозяйский поворот головы. А эти светлые волосы, голубые глаза и строгий пронзительный взгляд! И одета она была элегантно, но слишком классически для своего еще молодого возраста – бежевые брюки, того же тона водолазка, коричневый клетчатый кардиган.

Внимательно изучив фотографию, женщина принялась спускаться.

– Дом с историей, это важно. Вы, надеюсь, оставите фото? Муж любит такие экземпляры, в них чувствуется связь времен.

– Могу сделать копию, – отозвалась Тася, спускаясь следом. – А чем занимается ваш муж?

– О, – голос гостьи приобрел значимость, – он инженер, делает расчеты для строительства летательных аппаратов, они потом летают в космосе.

– Да что вы? – Тася была искренне удивлена. – Мой папа тоже занимался чем-то подобным. Только он рассчитывал траектории, и все было секретно и очень серьезно. Он был ученым.

– Неужели? – откликнулась женщина, все больше погружаясь в темноту лестничного пролета. – Любопытно!

– Конечно, ваш дом для нас чуть великоват, – голос женщины звучал откуда-то из недр дома, – но к нам приезжают гости, будет где разместить их. А какие-то комнаты можно объединить и превратить в студии, сейчас это модно. Одну из террас обязательно отведем под кабинет мужа.

– Вы можете отремонтировать папин кабинет.

– Отличная мысль!

– А у вас большая семья? – Тася громко адресовала вопрос куда-то вниз.

– У нас? Нет, вовсе нет. Мой муж, я и сын. – Женщина вдруг замолчала, а потом крикнула:

– Мой сын! Вы не видели моего сына? Тео!

– Тео?

– Да, вы не видите наверху моего сына? Он же убежал осматривать дом, но его не было ни в одной из комнат.

– Да... – смутилась Тася. Увлечшись показом, она совершенно забыла про мальчика. – Не волнуйтесь, он должен быть где-то здесь, ему некуда деться.

– Но в вашем доме легко заблудиться!

– Так всем кажется поначалу, потом свыкнитесь. Уверена, мальчик где-то здесь.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

– Ах, вы не знаете моего Тео! – еще больше взволновалась женщина и снова крикнула: – Тео, ты где? Нам скоро уезжать! Тео!

К этому моменту обе женщины уже спустились на первый этаж и стояли в тесном пространстве холла.

– Какое интересное имя у вашего сына.

– Обычное имя. Дед по мужу был французом, звали его Теодор, а женился он на переводчице из России и переехал к ней в Воронеж. Так что сына, получается, мы назвали в честь прадеда-француза.

– Моя бабушка тоже из Воронежа, – заметила Тася, а потом вдруг добавила: – А меня назвали случайно, представляете! Хотели Викторий, а папа поехал регистрировать и вернулся с «Таисией» в свидетельстве о регистрации. Кто бы мог такое подумать? Маме это не понравилось.

Женщина с любопытством посмотрела на хозяйку.

– Да уж. Мне бы тоже так не понравилось: планируешь одно, а потом раз – и кто-то все меняет помимо твоей воли. Я склонна понять вашу маму. Это такая мука – жить с ученым, они в быту вечно все путают. Тео! – Женщина быстро прошла по гостиной, заглянула в кухню и раздраженно добавила: – Ваша мать была права: имя у вас и правда невыразительное. Тео! Да где же ты, наконец?

Ничуть не обижаясь, Тася решила приободрить гостью.

– Не переживайте, мы сейчас его найдем, – сказала она и направилась к выходу. – Наверняка он давно уже в саду с вашим мужем. Пойдемте!

Женщина последовала за Тасей, но внезапно остановилась у небольшой плотно закрытой двери с матовым стеклом и прислушалась.

– Куда ведет эта дверь? – помедлив, поинтересовалась она.

– В старую ванную комнату, – объяснила Тася. – Я говорила, мы ее не используем; даже не помню, когда последний раз ее открывали, что-то с задвижкой.

Женщина подошла к двери поближе и, сделав знак «тс-с-с», снова прислушалась.

– Мне кажется, там кто-то есть. Что-то постукивает...

Тася улыбнулась:

– Не обращайте внимания. Это трубы, они всегда издают чудные звуки, с самого основания дома.

Но женщина, словно не расслышав сказанных слов, тихонечко взялась за ручку.

– Там никого быть не может, – покачала головой Тася и, уже открывая входную дверь, чтобы выйти во двор, шутливо добавила: – Вы же видите, там темно!

– Я то вижу, но говорю вам, там кто-то есть! – взволнованный голос гостьи все же заставил Тасю остановиться и обернуться.

– Он в ванной! Тео! – женщина неловко дернула дверь, но та не поддавалась, лишь посыпался из щелей мусор. – Тео?

Настырность женщины начинала утомлять, Тася опустила глаза и принялась разглядывать мыски своих туфель с налипшими травинками и кусочками земли.

– Там никого нет, – равнодушно повторила она и тут внезапно ощутила, как ее охватывает все нарастающее странное беспокойство.

– Нет, есть! – не унималась женщина, уже изо всех сил дергая тем временем ручку. – Что ты там делаешь? Открой сейчас же! Тео! Вылезай, негодник! Мы уезжаем!

– Вы не можете так уехать – вы еще не видели сад! – внезапно брякнула Тася, с досадой осознавая нелепость своих слов.

– Бросьте вы со своим садом! Мне и так уже все понятно!

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Тася почувствовала, что ей не хватает воздуха и словно тисками сжимает грудь. «Нужно выйти на воздух, – пронеслось у нее в голове, но вместо того чтобы выйти во двор, она развернулась и быстро прошла в гостиную. Резко отдернув занавеску, она встала у окна и, сложив на груди руки, сделала несколько глубоких вдохов и выдохов: – Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать, кто не спрятался, я... Надо что-то делать с этой вишней, – бормотала она самой себе. – Надо срочно спилить эту ветку, никакого порядка».

– Послушайте, давайте как-то откроем эту дверь, – восклицала женщина в холле. – Я уверена, Тео прячется именно там.

Ситуация становилась совершенно невыносимой.

– Эта дверь запирается снаружи, задвижку заклинило, – бубнила она. – Ее нельзя закрыть изнутри.

– Вы меня слышите? Я говорю, давайте откроем дверь!

– Эта дверь запирается снаружи! – уже громко прокричала Тася. – Ее-нель-зя-зак-рыть-из-нут-ри, – и горько добавила: – Уж я-то это хорошо знаю!

– Да что вы такое говорите?! В том то и дело, что дверь заперта из-нут-ри!

– Вам кажется! – непоколебимо упорствовала Тася, по-прежнему не оборачиваясь. – Очевидно, ее просто заклинило – ванную не открывали чер-те сколько времени! Уверена, дверь просто осела или от времени скосбочилась. Дом старый, всякое могло случиться. К тому же внутри темно. Если бы там кто-то был, то горел бы свет.

– Вовсе нет. Идите и посмотрите сами!

– Да говорю же вам, – неожиданно для себя зло вскрикнула Тася и резко обернулась, – эта дверь ни-ког-да, слышите – ни-ког-да, не закрывалась изнутри! Эта дверь запиралась только снаружи, как и свет. И свет выключался только снаружи! Как же вы не поймете? Включите свет вашему ребенку и выпустите его, если вы так уверены, что он там!

Женщина оторопело посмотрела на хозяйку и, выдержав паузу, постаралась заговорить спокойно:

– Хорошо. Давайте не будем нервничать. Но, согласитесь, не могла же я сама запереть своего сына.

– Почему же не могли? – ехидно усмехнулась Тася, изо всех сил пытаясь взять себя в руки.

– Вполне могли бы. Многие родители так поступают.

– Могла бы? Но зачем?!

– Затем... что он не хотел пить ваш чай и читать ваши стихи! – невольно выпалила Тася.

– Ну... допустим, – еле сдерживая возмущение, проговорила женщина. – Но как я могла его закрыть, когда я *здесь*, а защелка – *там*? Снаружи ничего нет – ни замка, ни вашей ржавой защелки или, как вы там говорите, задвижки, черт побери! О чем вы все время толкуете? К тому же, судите сами, разве не было бы логичнее, если бы *эта* дверь запиралась изнутри?

У Таси громко застучало в висках, и нестерпимая боль из груди поползла в голову. Что-то не сходилось, что-то было не так, что-то не совпадало с прошлым.

– Этого не может быть, – наконец прошептала она и медленно направилась в холл.

– Вот, смотрите сами, – и женщина решительно ткнула пальцем в мутное стекло закрытой двери. – Тео заперся и теперь сидит там в темноте и прячется. Тео, сыночек, включи свет, дорогой, и прекрати меня мучить. Эгоист! Ты не ценишь наше время! Ну подумай сам, надо делать дела, а я должна тратить драгоценные минуты на эту ерунду!

Тася вздрогнула и посмотрела на гостью – конечно же, как она сразу не поняла, кого она ей так напоминает. Нет-нет, она не была точной копией, но... но все равно сходство было очевидно.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Тася дернула за ручку, старое дверное стекло задребезжало, кусочки штукатурки и мусора посыпались на пол, но дверь не поддавалась – она действительно была закрыта.

– Может быть, ваш муж закрыл эту дверь? – в замешательстве предположила она.

– Какой муж?! – вспыхнула женщина. – Ах муж... но он ждет нас в машине. Надо срочно ему позвонить, пусть придет и вскрыет вашу дурацкую дверь! – и она выхватила из сумочки телефон.

Тася медленно провела ладонью по косяку, потом по ручке, затем по стенам вокруг двери.

– Вот, убедились? Ни замков, ни защелок, ни выключателей! Что я вам говорила? Всё внутри! – торжествовала женщина. – Тут, видно, сто раз все переделано и вы сами что-то напутали!

– Нет, – словно сквозь сон покачала головой Тася, – с тех пор в доме не было ремонта, – и, закрыв глаза, прижалась лбом к дверному стеклу. Липкий холодок пробежал между лопаток и застрял в кончиках пальцев.

– Тео, – неуверенно позвала Тася. – Тео?

За дверью было тихо, но все же она различила чье-то дыхание и еле заметное движение за темным стеклом.

Шишел–Мышел,

Сел на крышу...

– Какая ужасная связь! – досадовала женщина где-то в прихожей, пытаюсь дозвониться мужу.

Но Тася ничего не слышала, все внимание ее было приковано к тому, кто прятался за дверью ванной комнаты.

– Я знаю, что ты там, не бойся, ты в безопасности. Ты не будешь пить чай, и не будешь читать стихов, и не будешь жить в этом доме. Не бойся. Я выпущу тебя. Справа от двери... – Тася зажмурилась, колющие слезы наворачивались на ее глаза, – ...справа... выключатель...справа... нажми на него, милый... – говорить было почему-то нестерпимо больно, и Тася прикладывала огромные усилия, чтобы выдавливать из себя слово за словом. – Справа... справа от двери...

Послышался щелчок, и зажегся тусклый свет. Сквозь рифленое стекло прямо у двери возник маленький темный силуэт.

– Ах! – воскликнула женщина и подалась вперед, но Тася остановила ее рукой; затем опустилась на колени и после долгой мучительной паузы наконец обреченно выдохнула:

– Здесь, под ручкой, внизу... задвижка, Тео... поверни ее, милый, не бойся... Здесь, внизу... здесь...

Шишел-Мышел

Сел на крышу...

Какое-то время в ванной было тихо, но затем что-то задвигалось, резко щелкнуло, и дверь приоткрылась.

«Прости, Шишел-Мышел...» – еле слышно прошептала Тася, закрыла глаза и сжалась. Беззвучные, так давно рвавшие наружу слезы вдруг хлынули из глаз, словно соляные реки вырывающиеся из памяти обиды и старый сор.

Шишел-Мышел...

Шишел-Мышел...

Шишел-Мышел...

Взял –

И вышел!

*В поле суслики свистели,
и скрипели коростели
в созревающем овсе.
Вдруг замолкли сразу все
и помчались кто куда,
опустели провода –
улетели шесть ворон
к вороньятам в гущу крон.*

Детская считалка

– Как же ты напугал нас, – говорил молодой мужчина, сидя на корточках перед мальчиком и отряхивая ему курточку. – Вечно что-то придумаешь, фантазер! Разве можно запирается в чужих домах?

– Простите Тео за его выходку! Но это вечно такая головная боль, если бы вы только знали, – говорила женщина, обращаясь к Тасе. – Он всегда где-то прячется, а что еще хуже, запирается. Тео, ты опять всех напугал.

Мальчик молчал.

– Детский бунт? – игриво проговорил папа мальчика и сделала «козу»: – Коза-коза-дереза.

– Он такой упрямый! – вздыхала женщина и нервно поправляла волосы. Какая-то гневная боль пронизывала ее лицо, но, может быть, это Тасе лишь казалось. Она стояла поодаль, прислонившись к лестничному косяку, курила и внимательно наблюдала за мальчиком. Наконец, встретившись с ним взглядом, осторожно спросила:

– Что же ты делал в ванной?

Тот долго выжидательно смотрел на Тасю, словно ждал от нее какого-то знака, но не дождавшись, просто ответил:

– Слушал.

Молодой папа хмыкнул:

– Что слушал, Тео?

– Звуки, – уже увереннее откликнулся мальчик.

Мужчина поднял голову и вопросительно посмотрел на Тасю.

– Да, он прав, – устало согласилась та и почему-то испытала облегчение. – Я уже говорила, это старые трубы и вытяжки, вечно гудят и цокают.

– Нет, не трубы, – возразил Тео.

– Конечно же, трубы.

– Нет, – нахмурился мальчик. – Это *он* так разговаривает.

– О боже! – женщина бросила тревожный взгляд на мужа.

– Кто? – мужчина нетерпеливо улыбнулся, было похоже, что и ему порядком все надоело.

– Шишел-Мышел, – сказал мальчик и неожиданно крикнул: – Хочу чаю!

Боль на лице женщины стала явной, и она отвернулась.

Ее муж задумчиво повертел головой и с наигранной бодростью хлопнул в ладоши:

– Ну, рады были познакомиться. Думаю, мы вас утомили, нам пора, – и направился к выходу. – Жду вас в машине.

Тася отвернулась. Хотелось пить и согреться. Она прошла на кухню, где за столом сидел Тео и, весело болтая ногами, пил остывший чай, взяв одну из чашек, приготовленных, но так и

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

не тронутых. Рядом валялись конфетные фантики и надкусанное печенье. Тася вдруг рассмеялась и взъерошила Тео волосы.

– Вы уж извините, что все так вышло, – прозвучал у нее за спиной голос женщины. – Приехали смотреть дом, а получилось...

– Может быть, все-таки чаю? – Тася дотронулась рукой до остывшего чайника. Ей казалось, что с момента приезда гостей прошла вечность. Солнечные лучи стали жестче, белее, за окном качнулась ветка, и в стремительном прыжке с березы на ель перескочила белка.

– Нет, и так задержались. Лучше поедем. Мы позвоним.

Тася не ответила – она чувствовала себя уставшей и ждала, чтобы гости поскорее уехали. И все же в ней присутствовало и другое – странное и почти незнакомое ей чувство – чувство, подобное тому, которое возникает после долгого запутанного путешествия, когда усталость смешивается с новым обновленным ощущением жизни.

Она вернулась в гостиную и опустилась на диван.

Допив чай, Тео ловко соскочил со стула и, взяв стоящее на столе фото, протянул не то Тасе, не то своей матери. – Вот!

– Откуда ты это взял? – всплеснула руками женщина. – Кто тебе разрешил?

– Не беспокойтесь, – махнула Тася рукой. – Это лишь фото.

– Посмотри, мама! – настаивал Тео. – Это же ты и папа!

Женщина равнодушно покрутила фото в руках и вернула на стол.

– Конечно же, нет, Тео, с чего ты взял?!

– Это мои родители, – объяснила Тася. – Тео прав, вы с мужем на них очень похожи.

Женщина еще некоторое время задумчиво смотрела на фото, но потом все же встрепенулась и, кинув что-то похожее на «Нам лучше уехать», исчезла вместе с мальчиком за входной дверью – так же внезапно, как и появилась.

Тася проводила их взглядом и улыбнулась.

5

*И у галки есть смекалка –
поняла опасность галка.
Поняла опасность галка,
ведь у галки есть смекалка.
Коршун мчался с высоты,
галка спряталась в кусты,
галка спряталась в кусты.
Кто остался? –*

Только ты!

Детская считалка

– Ты ни в чем не виновата, Тася, – раздал приглушенный голос, и в темном пространстве лестницы послышались чьи-то мягкие шаги. Кто-то спускался – ниже, ниже, последняя ступенька.

Солнце сменило угол, и теперь тени в комнате стали вытянутыми, а освещение приглушенным; только четыре граненых стакана в стеклянной горке вдруг заиграли, заблестели всеми гранями, словно вобрали в себя весь комнатный свет.

– И мы не виноваты, – в дверях гостиной появилась знакомая фигура в накинутой на плечи Тасиной детской кофточке.

– Я знаю, мама.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

- Мы не были бездушны.
- Я знаю, мама.
- Мы хотели как лучше.
- Я знаю, мама.
- Мы не умели иначе.
- Я знаю, мама.
- Мы были молоды, поспешны и нетерпеливы, мы торопились жить, как и ты торопилась жить, потом, когда повзрослела.
- Знаю, мама.
- Но теперь, когда ты взрослая и все понимаешь, тебе не следует повторять наши ошибки...
- Конечно, мама...
- Тогда зачем ты закрыла Тео в ванной?
- Молчание.
- Тася?
- Граненые стаканы погасли, свет опустился ниже и заскользил по полу словно туман.
- Я не закрывала его там – лишь приоткрыла в ванную дверь.
- Да, Тася, ты приоткрыла дверь, ты указала путь.
- Но он заперся сам.
- Да, и ты убегала в ванную, сама запиралась и часами сидела там в темноте.
- Это была такая игра...
- Конечно, игра, – фигура перешла к окну и превратилась в темный силуэт, словно вырезанный из черной бумаги. – И нам тогда казалось, что мы все делаем правильно, мы позволяли тебе играть, ведь мы сильно тебя любили...
- Я знаю, мама.
- Так же сильно, как ты любишь сына...
- Знаю, мама.
- Но и ты бываешь с ним бездушна, поспешна и нетерпелива, допускаешь ошибки...
- Да, знаю, мама.
- А все потому, что не хватает времени, мир так велик...
- Нет, мама!
- ...так необъятен, и следует все успеть.
- Нет, мама, мир – маленький. И всего – не успеть.
- Маленький?
- Мир маленький, мама, и этот мир рядом, – Тася отвела взгляд от стула и задумчиво оглядела комнату, застывшую в ожидании, потом перевела взгляд на окно, за которым виднелась старая вишня, одичавшие яблони, а за ними – лес. – И ничего там нет, за забором: ни людей, ни машин, ни домов. Весь мир – здесь.
- Ах, Тася, ты так и не повзрослела и опять все путаешь...А ведь даже твой Шишел-Мышел уже постарел, плохо ходит и говорит неясно.

Раздался резкий звонок телефона.

- Ну, наконец-то! Мы вам звоним-звоним, а вы недоступны! Клиенты уже у ворот. Откроете? А то там все заперто.
- Заперто? Но ко мне уже приезжали.
- Когда? Вы о ком говорите?
- Молодые муж и жена с маленьким мальчиком.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

– Это не они, про таких ничего не знаю. У меня пожилая пара с собакой – я же вам рассказывал!

Молчание.

– Так вы откроете?

Молчание.

– Алё, вы опять пропали!

– Жаль, что ваши клиенты опоздали.

– Но они приехали даже раньше! Прошло всего полчаса с моего последнего вам звонка.

– Да? Странно. Но это не меняет дела. Я уже уехала.

– Как же так?

– Боюсь, мои планы изменились – я больше не продаю дом.

Тася встала с дивана, накинула на плечи темный клетчатый кардиган, брошенный на стуле, прошла через холл в прихожую, распахнула входную дверь и вышла во двор. Деревья вздохнули, закачали молодыми зелеными кронами и наперебой зашумели:

Галка спряталась в кусты!

Кто остался? –

Только ты!

Тася обернулась и посмотрела на дом, в окне ее комнаты на втором этаже стоял Шишел-Мышел и весело махал ей рукой.

МОССАЛИТ в Платоновке
(библиотека № 42 им. А. П. Платонова)

ПРОЗА – МОССАЛИТ, Москва

Светлана Куликова

КАМИКАДЗЫ

Рисунки автора

Бригадир строителей-отделочников Раиса Михайловна живет на окраине Ставрополя в собственном доме с садом.

Роста она небольшого, но на мир смотрит свысока. Взгляд выпуклых карих глаз воскрешает в памяти иллюстрацию из школьного учебника истории «Царь Петр I руководит строительством верфи». Под этим взглядом трепещут как двуногие подчиненные Раисы – маляры и штукатуры, так и четвероногие слуги. Ко всем бригадир относится одинаково строго, девиз «Нечего их баловать!» царит у нее на работе и дома.

Абсолютную справедливость такого подхода доказала сама жизнь.

В центре подтверждающего события оказалась вся немногочисленная Раисина дворня: беспородная собачка Чапа и два безымянных кота, настолько похожих друг на друга, что мы сказали бы «родная мать их не различает», если бы у них была мать.

То есть какая-то кошка, конечно, родила близнецов и даже выкормила, однако Раиса Михайловна никогда ее не видела. Шустрые пацаны обнаружили в саду, когда уже умели ловить не только собственный хвост. Откуда они прибежали и почему выбрали именно этот двор, осталось загадкой. Поймать приبلудных дикарей не удалось, и бригадир махнула рукой: пускай живут, лишь бы лишних хлопот не доставляли.

Кличек котам Раиса Михайловна не дала – зачем, если их невозможно различить?

Вскоре выяснилось, что от безымянных близняшек нет никакого вреда, кроме пользы. Всё они понимали, хозяйку слушались: один раз Раиса шуганула их с чердака – и больше там не видела. В дом не просились даже в морозы, кормили себя сами, добывая крыс и мышей. В голодный сезон, когда усилиями самих же братьев оскудевали ряды грызунов, на прокорм шли неосторожные птички и помоечные объедки.

Охотились пушистые анонимы всегда удачно: один гнал добычу, другой ловил, после вместе дружно пировали.

Активную жизнь коты вели ночами, а днем дремали на ветке старой груши или – в непогоду – спали в собачьей будке.

Хозяйка будки дворняжка Чапа – лохматое недоразумение неопределенного окраса – исполняла у Раисы роль системы сигнализации, сообщая визгливым лаем о каждом госте или просто прохожем, оказавшемся вблизи охраняемой территории. Содержалась псуха на цепи (точнее сказать, «на цепочке»), кормовое довольствие получала один раз в день – вечером, спала в будке с близнецами, которые воспринимали ее исключительно как дополнительный шерстяной обогрев.

Чапа, со своей стороны, смотрела на коток как на пустое место. Для нее единственным достойным внимания объектом была хозяйка. Встречая Раису Михайловну с работы, собачонка заходила в истерическом восторге: визжала, вертелась и, закатив глаза, падала на спину, предъявляя царственному взору украшенный колтунами кудрявый животик.

В ответ на такую демонстрацию любви и преданности Раиса лишь отодвигала собачушку с дороги ногой. Принимая этот жест за ласку, Чапа подобострастно лизала хозяйские туфли.

Все дворовые своей жизнью были довольны и лучшей доли не просили. Так и вращались бы они в этом мире каждый по своей орбите весь отведенный им Господом срок, если бы Раиса Михайловна не сдала одну из комнат студентке кулинарного училища Зине.

На всем облике этой будущей поварахи – круглом, румяном, как сдобная булочка, лице, мягкой, будто из украинских пампушек сложенной фигурке, – крупным шрифтом было написано призвание кормить. Глядя в синие влажные глаза Зины, даже сытые люди внезапно ощущали желание съесть пирожок или котлетку.

Меркантильное отношение хозяйки к братьям нашим меньшим страшно возмутило добросердечную студентку, и Зина затеяла дворовый переворот.

Первым делом она отцепила Чапу, вымыла ее, выстригла колтуны и накормила от пуза.

Обалдевшая Чапа забралась в будку, где уснула так крепко, что не отреагировала на возвращение хозяйки.

Столь безответственного отношения к должностным обязанностям строгая бригадир не простила бы никому. Она выругала виновато скулившую Чапу, несколько раз огрела мокрой тряпкой и вернула «на галеры».

Причинить добро котам оказалось труднее. Поймать, приласкать, помыть их у Зины не получилось. Однако выложенная в саду под деревом солидная кучка мясных обрезков, вынесенных студенткой с практического урока «Гуляш», к вечеру исчезла.

Ночью сытые близнецы не вышли на промысел, дрыхли в обнимку с репрессированной собачонкой.

Утром обнаружилось, что несвободная, недокормленная, но и не битая ранее Чапа на нервной почве утратила голос – без того тонкий лай стал больше похож на змеиный шип.

Побить мокрой тряпкой Зину Раиса Михайловна не решилась. Старательно глотая матюги, лишь словесно попеняла ей за вмешательство в устойчивый алгоритм жизни своего двора.

Зина пыталась оправдаться, лепеча что-то о сочувствии к беззащитным голодным животным, но хозяйка хмуро отрезала: «Нечего их баловать!» и закрыла дискуссию.

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Милосердная студентка оказалась той редкой персоной, на которую Раисины строгость и петровской силы взгляд действия не возымели. Она не прекратила тайком подкармливать Чапу и серых братьев, хотя порции сильно уменьшила.

Вскоре благодарная собачонка поделила свою безразмерную любовь между госпожой и квартиранткой. Теперь грязное пузико с восторженным визгом демонстрировалось еще и Зине.

Близнецы же оставались надменно неприступными, но постепенно и они перестали дичиться. Прикасаться к себе все еще не позволяли, уклонялись, но уже не удирали. Даже, как смогли, однажды ответили Зине добром на ее добро.

Как-то рано утром, уходя в училище, Зина обнаружила под дверью кошачье алаверды: большую крысиную голову, аккуратно отгрызенную от туловища. Голова укоризненно смотрела полуприкрытыми мертвыми глазками. Преодолевая тошноту, Зина газеткой ухватила подарок и отнесла на компостную кучу.

Вероятно, именно в этот момент у Зины в голове возникла идея поймать одного крысолова и принести в свою комнату, где под полом кто-то назойливо шуршал и хрустел по ночам.

Устав таращить глаза в темноту, откуда доносились звуки чужой активной жизни, Зина придумала с утра запереть у себя кота в надежде, что к вечеру зловредные грызуны или будут уничтожены, или хотя бы притихнут.

Вначале близнецы не поддавались ласковому голосу и манящему запаху колбасы, но в конце концов, как это часто случается в жизни, брат не послушался брата, больше поверил руке с ароматным куском.

Недоверчивый сбежал, а на доверчивого Зина набросила куртку, завернула и понесла в дом.

Пленник бился так неистово, что порвал толстую ткань, и уже совсем было освободился, но коварная благодетельница успела вбросить его в комнату и захлопнуть дверь. Только даже до калитки не дошла, как услышала громкий звон разбитого стекла и увидела стрелой летящую через сад серую тень.

Вначале Зина не поняла, что случилось, решила, бежит другой близнец, но тут же сообразила: это же ее узник в прямом смысле слова «вылетел в окно».

Вольный кот, ранее никогда не видевший человеческого жилья изнутри, внезапно оказался окружен со всех сторон незнакомыми, страшными преградами. В дикой панике он метнулся туда, где синел кусочек неба и зеленел знакомый сад со знакомой грушей.

Таран за свободу был таким стремительным и мощным, что никаких следов не осталось ни на осколках, ни на самом невольнике.

Вместе с оконным стеклом вдребезги разлетелась и хрупкая, едва зародившаяся дружба.

Весь день братья скрывались. Они не дремали на груше, не спали с Чапой в будке, не тронули выложенную для них под яблоней рыбу.

Поздно вечером с работы вернулась Раиса Михайловна, обнаружила дыру в окне, молча выслушала сбивчивые объяснения Зины и, глядя на нее холодным надменным взглядом, потребовала съехать.

Они встретились на рынке через месяц, когда прежние недоразумения уже были забыты.

На расспросы Зины о зверях Раиса Михайловна ответила, что все живы и здоровы. Чапа, когда вернулась к привычной жизни, снова обрела природный голос. Близнецы несколько дней где-то шлялись, но потом все же возвратились в родной двор. И теперь у них тоже есть кличка. Одна на двоих – *Камикадзы*.

ПРОЗА – МОССАЛИТ, Москва

Микаел Абаджянц

МОРСКАЯ ВЕДЬМА

1

Остров был сам по себе. Волны тоже были сами по себе, как, впрочем, и ветер, и закатное солнышко, льющее розовато-золотой искрящийся свет на восток. На западе горы были грязно-синими, а на востоке темнели изумрудные массы воды, в которых тонули потоки света, и еще там был остров. Все перемещения воздуха, воды и света никак не зависели от его воли, присутствия, желаний, но вот остров был объектом его воледей. Он был похож на большую черепаху, поднявшую из моря массивную голову. Казалось, эта широкая каменная голова немного косит в его сторону. На ней были видны и расселина-глаз, и хорошо очерченный каменными трещинами клюв. А на вершине ярко-розового панциря что-то ослепительно сверкало, манило, дразнило его. И ему думалось отчего-то, что там должно быть какое-нибудь зеркало, в которое ему нужно будет непременно посмотреться. Черепаший панцирь был пологим и широким, воды моря теплыми, набегающий ветерок ласковым...

Оставалось только прыгнуть в волны и поплыть, но он медлил. Он понимал, что, вероятно, обманывается в оценке расстояния. Пространство вокруг острова мягко скрадывалось, до него, казалось, рукой подать. Оставалось только ответить самому себе, зачем это нужно. Но ответов было слишком много: в разное время жизни он по-разному отвечал на этот вопрос. Он решил, что у него будет достаточно времени, чтобы обо всем подумать пока будет плыть до острова, и прыгнул в воду...

Тело слушалось отлично. Он обожал это слияние с водой. Все эти бесцельные перемещения объемов воды он использовал, чтобы плыть с наименьшей затратой сил. Он никогда не встречал на море пловца лучше себя. Люди в большинстве своем плавают плохо, а потому боятся расстояния, пространства, глубины. Вода, свет, волны и остров уже не были сами по себе. Они стали частью его, стали реальностью, частью сиюминутной головоломки по имени жизнь. Нужно было учитывать мелочи, присутствовать здесь и сейчас каждое мгновение. Все зависело от его навыков держаться на воде и умения перемещаться в водных толщах, и он плыл по-лягушачьи, брассом.

Белесое песчаное дно долго и полого уходило в глубину. Сначала оно просматривалось хорошо. Несмотря на то что еще было по-вечернему светло, в морской глубине тяжело копились сумерки. Иногда он переходил на кроль, но потом снова плыл брассом. Плыл, глубоко подныривая, выбрасывая из легких в толщу воды суетливые воздушные шарики. Он следил, как пузыри проворно устремлялись к поверхности, и ему это нравилось. На дне стали появляться огромные камни, поросшие длинными черно-бурыми водорослями. Форм они были порой самых фантастических. Казалось, это согнулись и застыли на дне большие косматые животные. Водоросли медленно колыхались в такт перемещениям придонных полупрозрачных водных масс. Он медленно проплывал над ними, но остров не приблизился ни

на шаг. Как возвышался розовым черепашью панцирем над водой, так и продолжал возвышаться. Не стал нисколечко больше, только розовый свет стал чуть бледнее, да у основания черепашьей головы, кажется, стала различаться полоска прибора.

2

Лидочка вышла на пляж с романом Ольги Грушевой «Лента Мёбиуса». Фигурка у нее была стройненькая и беленькая, не тронутая загаром. Вся она была такая летняя и светленькая, словно солнечный зайчик. Она постелила голубенькое полотенчко на белый, словно некий странный остов, лежак, но не спешила растянуться под палящим солнцем. Она оглянулась: с одной стороны поднимались каменистые горы Иудейской пустыни, а с другой сквозь лазурное пространство Мертвого моря розовела в пыльной красноватой дымке Иордания.

– Ах, неужели здесь ниже уровня мирового океана аж на пятьсот метров? – сказала она, морщась от ослепительного солнца.

– Ну что-то вроде этого, – ответил он, рассматривая на берегу нагромождения каменных глыб, сплошь покрытых удивительными по красоте белыми соляными розочками.

– Здесь невозможно утонуть, – зачем-то сказал он.

– Ах, милый! Не заплывай, пожалуйста, далеко! – сказала Лидочка и отправила ему горячий, словно знойный ветерок, воздушный поцелуй.

И, намазанная жирным маслом для загара, она растянулась на лежаке с романом в черно-белой обложке, соблазнительная, блестящая. Сзади нее поодаль на таком же белом лежаке лежал толстый бородатый человек в черных очках, который, казалось, с интересом следил за ними, вернее, за Лидочкой. Почти у берега по пояс в воде стояли несколько старичков и великие-то свои разговоры.

Гладь Мертвого моря почти не нарушалась. Ни дуновения, ни волны, только прозрачная до самого соляного дна толща воды, словно бы мыльной на ощупь. Он погрузился в жидкий горячий кисель, который активно старался его вытолкнуть. Попробовал встать ровно, как поплавков, помогая себе руками, но его выбросило из воды по пояс. Нужны были новые навыки плавания в такой плотной воде. Нельзя было брызгаться, потому как даже мельчайшая капля этого насыщенного соляного раствора жгла глаза. Он медленно шевелил руками, думая, как снова научиться плавать. Можно было в воде сидеть лежать, но чтобы перевернуться на живот, не поднимая брызг, приходилось поджимать колени, а потом тихонько поворачиваться вниз лицом. Так можно было не намочить голову.

Овладев нехитрыми приемами держаться на воде, он решил попробовать поплыть своим излюбленным стилем – брассом. Брасс, казалось, как можно лучше подходил для плавания в такой воде, потому как голову можно было держать над поверхностью. Но вода его выталкивала так сильно, что ему приходилось как-то неловко скользить на животе по плотной воде. После нескольких попыток он понял неэффективность этого стиля: так можно было плавать небыстро и на небольшие расстояния. Кроль больше подходил в данных условиях, но у него был серьезный недостаток: как бы аккуратно он ни греб руками, поднимались брызги, которые непременно попадали в глаза. Вода на вкус оказалась скорее горькая, чем соленая, видимо, в ней много солей калия.

А впереди белел остров – просоленный кусочек суши, сверкавший ослепительно ярко в полуденном солнце. Он посмотрел вниз, там, на зеленовато-белом дне, нелепо трепыхалась его тень, словно тень мухи в стакане. Вдали синели горы Иордании, а вблизи была соляная гряда. Зачем туда плыть? За впечатлениями для повести. Ему были нужны сильные

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

впечатления. Нельзя же писать о том, чего не испытал. Само такое приключение подскажет ему тему. А как же Лидочка? Подождет часок-другой, пусть читает пока свою Ольгу Грушевскую.

Вдруг он понял, что здесь нет смерти. Здесь невозможно было утонуть. От возникшего ощущения полной безопасности его разобрал неудержимый дурацкий смех. Хорошо, что старички остались далеко позади, на берегу, и не могли его слышать. Место это было чудом из чудес. Смерть здесь была не властна над ним, не могла придушить его тонной тяжелой воды, раздавить в объятьях своей плотной глубины. Он дико хохотал над этим странным открытием. Он с удовольствием рассматривал свою прозрачную тень сквозь толщу воды, понимал, что до нее не донырнуть, и это тоже казалось смешным. Глядя в безудержную синь неба над головой, ощущал, что находится на самом дне небесного океана, рассматривал ослепительное просоленное такое маленькое лучистое солнышко. А потом вдруг быстро кролем поплыл к соляной гряде.

3

Я уже жил несколько лет в Москве, когда ко мне вдруг приехал мой старый знакомый художник Ара Арутюнян. Встретились мы тепло. Открыли бутылочку «Столичной» и жестяную банку селедочки. Как водится, выпили за встречу. Закусили шашлыком собственного приготовления. Ударились в воспоминания, припомнили друзей и знакомых, выпили и за их здоровье. И под конец нашей встречи Ара распаковал небольшой, в черной полиэтиленовой пленке, прямоугольный сверток. В нем оказалась картина. Ничего особенного: пасмурный день, серый берег Севана, остров с крутыми берегами и парочка черно-рыжих приземистых церквей на его вершине. Написано было, как мне показалось, плохо, широкими мазками. Изображение было нечетким, будто недорисованным, все приходилось угадывать самому. Вот лодка на берегу, а может, просто бревно. Пловец? Люди ли на берегу или это просто блики? Птица ли в небе? Если да, какая? Изображение выглядело как-то схематично, без подробностей и детализации. Словно бы художник взывал к памяти зрителя, пытаясь воскресить в его сознании нечто большее, чем просто блеклое воспоминание. Картина мне не понравилась. Я натянуто поулыбался, поблагодарил, конечно. Он попросил повесить ее, на видное место, чтобы она была всегда у меня перед глазами. Продолжая все так же натянуто улыбаться, я думал о том, что скажет Лидочка. Вряд ли ей это понравится.

Мы еще немного посидели, открыли бутылку армянского коньяка «Ахтамар» – у меня была припасена на такой случай, – опять закусили. Он вспомнил знаменитую армянскую легенду о девушке Тамар и юноше, который утонул из-за любви к ней в соленой воде озера Ван. Теперь вообще возникли сомнения, что на картине изображен именно Севан... Опять закусили, расстались тепло...

Картину я Лидочке даже не показал. Замотал опять в черную полиэтиленовую пленку и засунул в книжный шкаф за книги. В шкафу она у меня пролежала многие годы. Что и говорить, как всякий порядочный армянин, все это время я мучился тоской по родине. Побывал во многих странах. Видел много удивительных озер и горных массивов в Африке, Европе и Азии. Но тоска только усиливалась. И лучше всех для меня оставались, конечно, Севан и Арарат. И вот как-то раз Лидочка стала разбирать мой шкаф с сувенирами и пыльными книгами на полках. Естественно, она наткнулась на черный прямоугольный полиэтиленовый сверток. Спросила меня: что это? Но я счел за благо промолчать. Она стала распаковывать. И – о чудо! – вместо жалкого, убогого пейзажа мне открылась замечательно выписанная картина. Изображение было полно тревожной мрачной силы: стальные волны накатывали на серый песчаный берег, над головою распахнулось тяжелое, с сединой, небо с парящей в нем хищной птицей. С гор в

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

озеро тяжело сползал туман. А вдали поднимались высокие берега острова с темным, как сама вечность, монастырем.

– А почему ты мне никогда это не показывал? – спросила возмущенно Лидочка.

Я смог только глупо улыбнуться. С этих пор картина благодаря Лидочке стала висеть на стене в гостиной, на самом видном месте.

4

Плыл он уже достаточно долго, однако соляная гряда никак не приближалась. Он вдруг понял, что обманывался в оценке расстояния. Обернулся: до берега тоже было далеко. Позади остались покрытые толстыми наростами соли сходни в море для отдыхающих. Белые лежаки и вовсе слились с белизной просоленного берега. Над горами Иудейской пустыни кружил черный мошка-вертолет. Отели казались маленькими коробочками. И он вдруг отчетливо осознал: случись что с ним – никто не поможет. Вот она рядом, цивилизация. Вот полные праздных людей бары-рестораны, вот суетящиеся между столами официанты и мечущиеся по коридорам отелей горничные. Однако никто не услышит, не увидит, не бросится на помощь. Он был как за прозрачным бронированным куполом, куда не пробиться ни крику, ни взгляду, ни человеческому сочувствию. Быть может, Лидочка все-таки поднимет панику, зайдется в истерическом смехе – это почему-то казалось ему очень страшным, – и тогда поднимутся вертолеты, выйдут в море спасательные лодки. На берегу будет бегать заплаканная Лидочка. И наконец весь мир станет искать его. Однако, пока его хватятся, случиться может всякое. Да хотя бы его могут просто оставить силы, и не доплыть ему тогда ни до берега, ни до соляной гряды. Прощайте, люди, прощай, жизнь! Эх, глупость человеческая!..

Солнце поднялось в зенит. Мелкие соленые капли все-таки попадали в глаза, и оттого их нестерпимо жгло. Бесконечные потоки слез лились из его бедных глаз. Как-то проморгаться или промыть глаза в его положении было невозможно. Оставалось только терпеть эту резь. А солнце нещадно обжигало его обнаженное, ничем не защищенное тело. Насыщенный соляной раствор, коим являлась вода моря, не только не приносил прохлады, но и, казалось, способствовал получению сильных ожогов. И везде ослепительный свет-свет-свет. Свет в небе, свет от воды, свет в глубине. Он старался плыть не только кролем, но и на спине, чтобы переверачиваться и уменьшать силу ожогов. До поры это помогало.

Он стал уставать, в голову полезли мрачные мысли: смерть могла грозить ему с совсем другой стороны. Да, утонуть здесь невозможно, однако можно выбиться из сил, заживо сгореть на солнце, превратившись в красный пузырящийся кусок мяса, а потом и вовсе в шашлык. Ни тебе птицы в небе, ни рыбы в воде, ни ветерка, ни облачка – ничего. Он представил, как его мертвое тело какое-то время повисит в этом ярком ядовитом и прозрачном эфире. Наступит ночь и не принесет прохлады, темная гладь воды отразит недвижной поверхностью, как в зеркале, иудейские горькие звезды, потом опять разожжется сверкающий день. Тело его просолится, покроются белым налетом глаза, волосы, ногти, соль набьется в рот, в легкие, все его тело в конце концов покроется толстой белой коростой. И в какой-то жуткий час оно под тяжестью соли покачнется на обширной глади озера и пойдет на дно. И долго на горячем дне в яростных потоках света будет лежать статуя из белой соли. Потом же и ее поглотит вездесущая белизна.

До соляной гряды доплыть не представлялось возможным. И даже не из-за значительного расстояния, которое он почти покрыл, а потому, что ему преградили путь странные соляные бассейны. Они, видимо, появились в результате ежедневного и еженощного выпаривания. Последние метров сто до соляного острова поверхность моря была покрыта

круглыми большими лужами, изолированными друг от друга острой режущей соляной кромкой. Вода в бассейнах, из-за небольшого объема воды в них, оказалась обжигающе горячей. Он попробовал забраться в один и переплыть его, но оказалось, что сделать это непросто, только порезал о соляную кромку ступни и локти. Не очень сильно, однако жгучая боль стала теперь его спутницей. Самый крошечный порез в соляном растворе такой концентрации превращался в источник нестерпимой боли.

Все-таки он добрался до своего острова. На берег подниматься не стал, чтобы не получить других повреждений. К своему удивлению, он обнаружил здесь все те же атрибуты человеческой цивилизации: перевернутые столы и стулья, автомобиль неизвестной марки, какие-то конструкции неясного назначения – все это было покрыто толстой коркой соли, так что даже не разобрать деталей. Можно было лишь по контурам догадаться, чем это когда-то было и для чего служило. Уму непостижимо, как все это сюда попало. Скорее всего, когда-то здесь был берег, потом море разлилось, стало шире, небольшая возвышенность превратилась в остров, соляную гряду, а на ней остался забытый хлам, который не мог даже благополучно сгнить, ибо его засолило море.

Над поверхностью моря пронесся тяжелый рокот. Он пожалел, что при нем нет фотоаппарата. Прямо над головой медленно, словно во сне, пролетел темно-зеленый военно-транспортный самолет израильских ВВС. Наверное, из самолета был виден остров, засоленная машина, светло-лазурная вода, красноватый человечек в ней. Видно все должно было быть очень хорошо, в мельчайших деталях. А если чуть напрячь зрение, должно быть видно даже выражение лица красноватого человечка. Выражение ужаса...

5

Он упорно плыл к острову. Справа заметил раскачивающийся на волнах большой красный буй. Явно он был здесь не для обозначения безопасного места для плавания, слишком далеко был берег, скорее он указывал фарватер яхтам. Подплыв к красному металлическому шару, он обхватил его и какое-то время отдыхал. Покрытая водорослями толстая веревка уходила в глубину. Захотелось узнать, сколько здесь может быть до дна, и он потянул за веревку. С трудом, но ее удалось выбрать. На конце оказалось бетонное грузило. Судя по всему, глубина была метров двенадцать. Он удовлетворенно отпустил конец веревки, и та, словно живая, стремительно ушла под воду. Не сразу, но он услышал удар бетонного грузила о каменное дно, значит, здесь под ним уже был не песок. Дно, конечно, не просматривалось, и только темные продолговатые серо-голубые тени угадывались в толще воды. Он поплыл к острову, активно работая руками и ногами, и через какое-то время остановился, чтобы отдышаться и еще раз взглянуть на остров. Черепаха медленно превращалась в игуану. Она уже была не розовая, а серая. Бледный розово-золотой свет еще струился поверх сероватой спины игуаны, цепляясь за то, что он сначала ошибочно принимал за зеркало. Это был стальной крест, отсвечивающий золотом.

Скоро солнце должно было зайти за гору, и тогда начнет смеркаться. А до острова было все еще далеко. Плыть назад в сумерках, а может, и в темноте ему не улыбалось. Назад лучше было не смотреть, и он снова поплыл к острову. Через какое-то время он понял, что на остров не выбраться. Отвесная серая, иссеченная трещинами стена предстала перед его взором. Высота ее метров двадцать, крест на вершине острова отсюда уже не просматривался. У подножия стены гремел прибой, с силой смешивая в ослепительную пену воду и воздух. Подплывать к ней было небезопасно: могло сильно ударить о камни, покрытые острыми, словно бритвы, раковинами мидий. Скорее всего, отдыха не предвидится. Однако там, где ему

чудилась надменная морда ящерицы, он обнаружил нагромождение огромных валунов. Все это было похоже на лапу, по которой можно было выбраться из воды. Здесь камни не были облеплены мидиями, однако состояли из каких-то хрупких пород, изъеденных кавернами и усыпанных острыми шипами. Выше линии прибоя валуны имели гладкую поверхность. Выбраться на берег и отдохнуть было необходимо, чтобы восстановить силы, ведь предстоял обратный путь. Выбираясь из воды, он все-таки очень некстати сильно порезался. Сумерки быстро сгущались, морская вода становилась темной и непрозрачной. Он сидел на гладком камне, с него стекала струйками вода и смешивалась с кровью. Выше подняться с этой стороны острова было невозможно: над ним нависал каменный выступ. Он подумал, что надо было оплыть весь остров, ведь как-то же затащили на вершину стальной крест. Наверняка можно было без особых проблем с другой стороны забраться на самый верх, но он уже не хотел об этом думать. Становилось темно. На том берегу весело зажигались разноцветные электрические огоньки, но они были так далеко. Он думал, зачем все это было ему нужно, кому и что он хотел доказать. Было немного страшно, но, несмотря на полное одиночество, он ясно ощущал свою сопричастность к тому духу авантюризма, который тысячами гнал человечество на поиски нового, заставлял совершать открытия, и не только географические.

6

Всю жизнь, бывая на разных морях и озерах, я копил впечатления для морского рассказа. Иногда с того или иного берега я прихватывал в качестве сувенира камешек или раковину. Не знаю, как называются те или иные минералы, как правильно по-научному называются те или иные моллюски, чьи раковины во множестве стоят на полках моего книжного шкафа.

Вот длинная раковина какой-то улитки, обитающей в вулканическом озере Хефиз в Венгрии. Она до сих пор сильно пахнет серой. Пришлось плавать в черной воде небольшого кратера, где я со страхом ощущал, что подо мной пятидесятиметровая неизведанная глубина.

А вот невероятно крупный рапан из Черного моря. Вспоминается, как я плывал в шторм, как накатывали трехметровые бурые волны одна за другой, как я смотрел с грязной пенной высоты на берег и бетонный парапет, с восторгом понимая, что на высоту второго этажа меня заносит вода. Помнится, я тогда выждал момент и с небольшой волной вылетел на берег. Со всех ног побежал к бетонному парапету под яростные аплодисменты местной публики, с ужасом ощущая, что сзади набегают новая огромная волна. Помнятся долгие объяснения с грузинскими спасателями и Лидочкой, которые, в отличие от толпы, явно не были в восторге от происходящего.

Вот маленькие развертки из Турции, которые я поднял с семиметровой глубины, не пользуясь специальными приспособлениями для подводного плавания. Вот раковинки смешных раков-отшельников из Португалии. Все раковины, которые я подбирал, были пустыми. Я добряк, и ни у кого не отбирал их домики.

А вот ажурный скелет средиземноморского морского ежа. Вот серенький камешек с побережья Севана. Он приносит мне удачу. Вот яркий зелененький камешек с берега Балатона. Вот красный куриный бог с Черного моря. Вот крупные кристаллы соли Мертвого моря. Все это вещи самые обычные, их привозит после отдыха любой турист, но есть у меня кое-что, что поставит в тупик всякого. Это волосы морской ведьмы...

7

После долгих усилий он выбрался на просоленный берег в том же месте, откуда начал свое плавание. Все так же у берега бултыхались в соленой воде старички. Казалось, никто даже не заметил моего отсутствия. Солнце заметно сдвинулось к горизонту, но до вечера было еще далеко. Все путешествие заняло не так уж много времени, часа четыре. Впечатлений для рассказа было предостаточно. Однако Лидочки на берегу не оказалось. Не было ни ее голубенького полотенчика, ни книги Ольги Грушевой в черно-белом переплете. Сердце заныло, настроение упало. Уже не чувствуя себя победителем, он тоскливо оглянулся. Невдалеке на белом лежаке разлегся толстый бородатый мужчина и, сощурившись, кажется, за ним наблюдал.

8

Спуститься в воду по тем же острым каменным шипам он был не в состоянии. Нужно было попробовать прыгнуть в воду, стараясь перелететь через линию прибоя. Сказать легче, чем сделать. Дно в этом месте было глубоким, однако, если не долететь до воды, можно было разбиться на смерть о большие валуны, уходящие в глубину. Сумерки уже сгустились настолько, что камни в воде не просматривались. Нужно рискнуть, но расстояние надо было оценивать с большим запасом. Прыгать с места головой вниз, как на соревнованиях, здесь нельзя. Нужно отойти от края шага на два, чтобы потом посильнее оттолкнуться ногами. И он прыгнул. Вошел хорошо и ушел под воду метра на три. И там, в глубине, в почти непроглядной черной воде ему показалось, как что-то метнулось от берега вместе с его телом. Где-то в глубине души он уже знал: гонка началась. Поразила, какой темной, негостеприимной стала вода, но думать было некогда, и он изо всех сил поплыл кролем к берегу. Плыл долго, шумно выдыхая в глубину серебристые шарики воздуха. Через какое-то время остановился, чтобы передохнуть. Ящерица начала превращаться в черепаху и снова стала смотреть в его сторону сквозь сгущающийся сумрак. Где-то впереди зачернел давешний буй, раскачивавшийся на беспокойных волнах, значит, до берега недалеко.

И тут будто что-то коснулось его ноги. Легонько. Он со всей силы брыкнул ногой, понимая, что нельзя поддаваться страху. Показалось. Показалось, конечно. Но он еще раз ощутил прикосновение, еще более явственно. Сомневаться не приходилось: *что-то* терлось под водой около него. Единственное спасение в скорости, и он бросился плыть, не разбирая направления. А это *что-то* все время преследовало его. Преследовало с методичной настойчивостью, как сумасшедшего преследует неотвязная мысль. Он стал размышлять: это не морское животное, оно бы его уже схватило, если бы вообще имело такую цель. И в этом море нет акул... Это какая-то человеческая тварь. Это нечто разумное. Оно играло с ним. Он все время ощущал легкие прикосновения. Казалось, чьи-то руки пытаются потрогать или схватить его. Это вызвало панику. Краем сознания он предполагал, что сам мог все это внушить себе, что остывающие волны могли сыграть злую шутку с его рецепторами. Разыгравшееся воображение оказывало ему дурную услугу: он хорошо управлял своим телом, но не справлялся с черным, нахлынувшим вдруг потоком подсознания. Немалая вероятность того, что все померещившееся – правда заставляла плыть изо всех сил в неизвестном направлении.

Плыл он долго, краем глаза замечая, что больше не видит веселеньких разноцветных огоньков. Все вдруг тяжело погасло в огромном черном пространстве. Во тьме растворился даже остров. Где он, уже никто не мог бы ему сказать. Была кромешная ночь, и только в черной непроглядной глубине кружила у него под ногами морская ведьма...

ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР СУХАНОВ: ЧИНОВНИК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ РОССИЮ

Рубеж веков – понятие условное, но значимое для истории. Трудно объяснить, почему именно в этот период время уплотняется, ускоряется движение жизни, проявляются сильные личности: мощные духом, талантливые, отдающие себя делу, которому служат. Их энергия питает все сферы – экономику, науку, культуру. Их усилиями общество совершает качественный рывок в развитии. Это люди дела, долга, честности и чести.

Не случись пожара в Благовещенской духовной семинарии, история обустройства и развития Приморского края на рубеже XIX–XX веков, возможно, была бы иной. Но, выпрыгивая из горящего здания, семинарист Саша Суханов повредил ногу, да так сильно, что с мечтой пойти по стопам отца – бурятского православного священника Василия Суханова – пришлось расстаться. Кому нужен хромой батюшка с палочкой: ни молебен отстоять, ни крестный ход возглавить. Пришлось задуматься о гражданской службе. Так началась история царского чиновника Александра Васильевича Суханова, который более полутора десятков лет, фактически, управлял Приморской областью России.

Блестящая карьера – от писаря в канцелярии Забайкальского областного правления в 1878 году до исполняющего обязанности вице-губернатора Приморского края к 1916 году – основана на феноменальной работоспособности, твердом характере и недюжинном уме Александра Суханова. Первый приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф характеризовал своих сподвижников, в число которых входил Суханов, как людей, работавших «единодушно и единомысленно, не ожидавших ни славы, ни наград, но закладывающих основы – фундамент будущей жизни». Наград не ждали, но государство не могло не оценить труды человека, чьими усилиями налаживалась жизнь недавно присоединенного к России Приморского края: пять орденов и четыре медали красовались на парадном мундире Суханова. Примечательно, что в характеристике – представлении на награждение одним из орденов об этом чиновнике было сказано: «Взяток не берет».

Удивительно разнообразен круг обязанностей, которые довелось выполнять Суханову. Кажется, нет такой сферы, в которой не преуспел бы универсальный государственный чиновник. Будучи сначала помощником, а затем, и начальником Южно-Уссурийского округа, он занимался самыми разными делами: от расследования сложных уголовных дел и поимки убийц до переселения крестьян на новые земли и снабжения их всем необходимым. К этому периоду относится одно из ярких событий в его карьере: раскрытие «ограбления века» – тщательно спланированной кражи трехсот пятидесяти тысяч рублей из здания

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

Владивостокского казначейства. Дело было на контроле самого государя. За раскрытие этого преступления Суханов получил благодарность от губернатора и премию в размере девятнадцати тысяч рублей.

Серьезным испытанием для Суханова стала организация встречи и отработка маршрута поездки Николая Романова по Приморскому краю – наследник престола знакомился с отдаленными уголками империи. Дело осложнилось тем, что во Владивосток цесаревич прибыл после инцидента в японском городе Оцу, который посетил в рамках визита в соседнюю страну. Под использованным в газетах того времени словом «инцидент» скрывали нападение на Николая: полицейский Цуды Сандзо бросился к коляске рикши, в которой сидел царский сын, и успел нанести ему два удара саблей. Раны оказались не тяжелыми, но вернувшийся на родину молодой наследник был не в лучшем расположении духа. Руководство Приморья предусмотрительно спряталось за спину Суханова: ты готовил маршрут, тебе и сопровождать. Сохранившиеся в архиве документы, специально подготовленные Сухановым к визиту цесаревича, могут подтвердить: Николай узнал о Приморье все, что только можно было узнать.

А. В. Суханов

Кратко, толково, с пониманием дела изложены в материалах данные о географии, природе, статистике населенных мест; проанализированы причины неудач заселения, определены перспективы развития края и предложены варианты решения проблем. Будущий император по достоинству оценил деловые качества сопровождавшего его в поездке по Приморской области чиновника. Он поблагодарил Суханова за отличное состояние дорог и порядок в округе, а при прощании подарил золотые именные часы и свой портрет.

В 1895 году, будучи уже старшим статским советником, Суханов окончательно перебрался во Владивосток и поступил на службу в Приморское областное правление. Радости чиновников-старожилов не было предела: кому как не новенькому поручить провести в крае Первую всеобщую перепись народонаселения. Практических наработок не было, как провести перепись в масштабах грандиозной территории с малочисленным населением, никто не представлял. Для выполнения этого поручения Суханову, помимо прочего, пришлось организовать экспедиции в удаленные районы и создать переписные участки. Бронзовая медаль за труды, появившаяся на мундире статского советника по окончании этого проекта, была признанием успеха.

Сугубо штатский Суханов в 1900 году, когда понадобилось формировать войска для отправки в Японию на подавление «боксерского восстания» в рамках союзнической операции, вел все дела по мобилизации и организации вольных дружин в крае. Как писал военный губернатор Приморской области приамурскому генерал-губернатору, Суханову «пришлось вынести всю тяжесть дела... при отсутствии в то время особых лиц из военных чинов». Похоже, военным чинам понравилось отсутствовать в нужный момент: все работы по введению в 1909 году воинской повинности в Приморской области тоже велись под непосредственным руководством этого штатского человека.

Как на управляющем отделением Приморского областного правления, на Суханове лежало множество обязанностей: размещение и снабжение российских переселенцев, сбор налогов, подготовка многочисленных докладов, отчетов, справок; разработка материалов для

Московский BAZAR № 2 (30) 2019 г.

проекта железнодорожного строительства в крае. При этом, как свидетельствуют послужные списки, Суханов месяцами исполнял обязанности вице-губернатора, хотя на должность не назначался: в 1900 году он замещал своего начальника 272 дня, в 1901-м – 117, в 1902-м – 232 дня. Нередко ему приходилось замещать и самого военного губернатора, беря на себя задачу не только управления областью, но и распоряжения ее финансами.

Работа была для Суханова образом мысли и образом жизни. Потому-то так горька оказалась для него вынужденная отставка осенью 1916 года, когда генерал-губернатор Приамурского края лично «предложил» Суханову написать прошение об увольнении по болезни. У «болезни» было конкретное имя – Константин, младший сын статского советника Суханова.

Когда семья Александра Васильевича Суханова собиралась вечером за большим круглым столом в гостиной, по левую руку от главы семейства садились дочери – Анна, Ольга, Ксения и Наталья, а по правую сыновья – Григорий и Павел. Ближе всех к отцу сидел самый младший и любимый сын – Костя. Хозяйка дома – Анна Васильевна – ставила на стол самовар и садилась напротив мужа. Суханов выслушивал рассказ каждого о том, как прошел день, давал советы и наставления. Он воспитывал наследников в понятиях чести и долга, но не словами, а делом – своим личным примером.

Суханов, отдававший всего себя работе, часто бывавший в разъездах, упустил момент, когда Константин увлекся революционными идеями. Это началось еще во время учебы в гимназии во Владивостоке, а после поступления Санкт-Петербургский университет оформилось окончательно: в 1913 году Константин вступил в РСДРП(б). На летних каникулах, 27 августа 1916 года, он провел первую во Владивостоке сходку на сопке Орлиное гнездо. Сходка поставила крест на карьере статского советника. Но отношения отца и сына происшедшее не испортило: Суханов ценил твердость характера и верность убеждениям. По сути, Константин не изменил идеалам отца – служению на благо Отечества. Просто благо Отечества они видели по-разному.

Каким должен быть век уходящий и век наступающий, чтобы на их стыке высекалась искра, чтобы в России опять наступил «Серебряный век» в людских умах и душах? В каких тайных лабораториях мироздания в цепочку ДНК государственного чиновника вживляют ген чести, порядочности, достоинства? В истории нашей страны было много людей, известных и не очень, чья жизнь и поступки могут стать поводом к размышлению – было бы только желание задуматься.

**Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Волшебные сны Оле Лукойе, или Дрёмовские зонтики» (2018)**

ПОЭЗИЯ – МОССАЛИТ, Москва

Евгений Агуф

Жизнь после правды

Прости, тебе нельзя об этом знать!
Остерегись бежать навстречу правде –
У каждого своя, а каждогох рать.
Мой крик души был не последним разве?

Я так орал... я клокотал, как зверь –
Ошметки сердца вылетали горлом...
Ты веришь мне?!
Зачем?
Заплачь.
Не верь,
Что, отплевавшись сердцем, стал
покорным.

Теперь тоннели не пророчат свет,
Но я за правду, будь она неладна...
Там, после правды, жизни, правда, нет,
Поэтому она так кровожадна.

Пришел, увидел и...

Пришел,
Увидел,
Победить пытался,
Соринку счастья сдуру обронил,
Вскружил воспоминанья
Не без вальса...
На остальное
Не хватило сил.

Снова землю бивнем рою

Иду и глупо улыбаюсь
В глаза обиженным собой.
Глухим показываю палец,
Слепых дурачу на слабо...
Я всем улыбчив незлобиво –
Вчерашний день всегда омыт
Слезами некогда любимых,
Но пульс важней чужих обид.
Рекой вискарь – ты все красивей
Давно ушедших с кем-то Люсь;
Я снова землю рою бивнем
И, кажется, опять женюсь.

Питер

Приблудный я... все будто бы на чай.
Теплом души, как маслом бутерброды,
Пропитан дом; а сырость непогоды –
Есть суть и правда питерских начал.
Гранит пропитан сыростью небес,
А он нетороплив и несгибаем –
Он пофигист и в то же время барин,
Немного фрик и бесшабашный крез.
Отзывчив, никуда не тороплив,
Подернут дымом самосозерцанья.
Его дожди – души исповедальня,
И, как в рапиде, вечный длится миг.

* * *

Когда-то мне хватало сил
Не прогибаться, быть таким,
Каким хотелось,
И делать жизнь, и не косить
Под нестигаемость оси
И мягкотелость,

Не прятаться в безликом «мы»
За муть безжизненной воды
И обстоятельств.
Сегодня, в общем, все равно,
Каким окажется вино
Последних капель.

Ольга Уваркина

Есть на свете страна

В параллельных мирах по тропинкам блуждает удача...

Лица Сердолик. Памяти Пушкина

Есть на свете страна,
Где и вечер, и день по заказу,
Где весна и зима не всегда соблюдают черед.
Там бывала во снах,
Ну а в жизни обычной ни разу,
Ты же знаешь, что солнце два раза подряд не встаёт.

Есть на свете трава –
панацея от хвори и смерти,
И живая вода в потаенном от глаза ключе.
Засучив рукава,
Никогда не сыскать их, поверьте,
Колдуны и провидцы найти не помогут ничем.

Есть на свете сады.
В них гуляют влюбленные пары.
Счастье там навсегда, как цветы, что не вянут совсем.
Там не знают беды
И никто не становится старым.
Только здесь, на земле, никогда не увидеть Эдем...

Не попасть во «вчера»,
Недоступна и в «завтра» задача.
Только в сказке волшебной снисходит сия благодать.
В параллельных мирах
По тропинкам блуждает удача,
Только кто ее видел и может о ней рассказать?

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Мечты доброй феи

В раздумье я... И голова болит...
 Махнуть бы с кондачка волшебной палкой
 И всех людей отправить на Бали.
 Там, говорят, отличная рыбалка.
 Во все сезоны – сказочный курорт:
 И джунгли есть, и спящие вулканы,
 Трепанги и кальмары – высший сорт,
 А в храмах обитают обезьяны.
 Вот рай земной, где нечего делить!
 Отличный сервис. Цены по карману.
 Проплачен счет, не будешь на мели
 У самой крайней кромки океана.
 Валяйся в аквапарках, на пляжáх,
 Гуляй по побережиям Санура.
 И жизнь течет, и незачем бежать,
 И не к чему стремиться на смех курам.
 О них – отдельно: с рисом хороши,
 Приправленные зеленью с корицей.
 Дыши, пиши и не о чем блажить,
 Душе мятежной смысла нет томиться.
 Пусть скажут мне: «Ты ври – не завирай!
 Не вместит всех чудесный этот остров».
 Что стоит фее увеличить рай?..
 Все с палочкой волшебной сделать просто.

Детские сны

Сны расправили легкие крылья.
 Слышишь, птицы в ночи полетели...
 Так виденья становятся былью,
 К малышам опускаясь в постели.

Засыпает на коврике мишка,
 Обнимая во сне куклу Соню,
 Дремлют в темном углу слон с мартышкой,
 Попугай и сиреневый пони.

Спят машинки – устали колеса,
 Спят зайчата и клоун-проказник.
 Снятся игры им и автокроссы,
 Как огромный сияющий праздник.

Засыпают анютины глазки
 До утра в травяной колыбели,
 Едет месяц на звездной коляске
 Из хрустящей цветной карамели.

Сон слетает, любимый и сладкий,
 Он – волшебник, к малюткам приветлив,
 И, поджав свои мокрые лапки,
 Дождик дремлет на облачке светлом.

Старые квартиры

Нет в прошлое пути назад,
но в сновиденьях шансы шире...
Вот закрываю я глаза
и вижу старые квартиры,
что стали ближе для меня,
дороже со времен ухода.
Они в самих себе хранят
миры и тайны дни и годы...

И сны приходят неспроста:
душа взывает о возврате
туда, в знакомые места,
где в счастье нежилась когда-то,
хоть знает: всеёумерщвлено,
и время – вскачь, неумолимо,
и нет в живых давным-давно
родных и преданно любимых.

Но суть моя в местах иных
порог-фантом переступает,
приезжая среди родных
(или пока еще чужая?),
просясь, как будто на постой,
у близких лиц, вещей и кукол.
Душа ютится сиротой,
что, заблудившись, ищет угол
и что-то важное в домах,
которые исчезли в яви,
слепую странницей впотьмах
между своими бытиями.

А завтра снова время вспять,
и ночь заглянет в междумирье,
чтоб тайны прошлого искать
в давно исчезнувшей квартире...

Уходящему

Я тебе пожелаю удачи.
Уходящим удача нужней.
Ты выходишь из круга и значит,
Отрываешь себя от корней.

Это значит, что с новой страницы
Открывается книга судьбы.
Пусть в пути только лучшему сбыться,
А тебе совершеннее быть.

Но в фортуны не веруя слепо,
Будь в стремленьях и помыслах чист.
Пусть тебе открывается небо,
Горизонты и звезды в ночи.

В нашем мире, где нет благодати,
И порочность стремится за край,
Помоги тебе, добрый Создатель,
Отыскать позаброшенный рай,

А найдя, не кривить бы душою,
Жить в согласье с собой и в ладу,
И с такой аксиомой простою
Одолеть сытость, страх и беду...

Наталья Пунина-Орлова

Чудесный источник

Во мне обитает бесчисленный сонм
 фантазий, миров и чудесных открытий,
 они прилетают ко мне через сон.
 Услышанных фраз и случайных событий

я слышу подсказки – мне чудится в них
 незримых таинственных образов омут.
 Я этим дышу, в мою душу проник
 чистейший источник, нам с детства
 знакомый.

Он мне навевает волшебные сны,
 он мне напевает в ночи серенады.
 Черпаю горстями из той глубины,
 и большей мне радости в жизни не надо.

Хочу, чтоб источник вовек не иссяк
 и так же меня наполнял ниоткуда –
 в спонтанных идеях мне видится знак...
 И верю я в доброе светлое чудо!

Хладность сердца

(в ответ на реплику друга: «Не дай бог халатности в белых халатах!»)

Халатность родится
 от хладности сердца...
 Как нам отогреть
 леденящие дверцы?
 Как нам достучаться
 в замерзшие души,
 что холодом дышат,
 что черствостью рушат?

Они к себе пустят
 сегодня едва ли
 в жилище из стали –
 обитель печали.
 Они тебе скажут:
 «Сюда вас не звали!»
 И ты обломаешь

напрасно лишь крылья,
 стучась, чтоб открыли,
 моля, чтоб впустили.

Им благоденья
 твои безразличны:
 так просто привычней
 их рангу величий...
 Но я постараюсь
 туда достучаться,
 в закрытые ставни
 до них докричаться.
 Хочу донести им
 чудесную весть:
 мы рядом, мы здесь –
 Добро в мире есть!

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Свобода в Творческом проявлении

Дана нам свобода и радости в мыслях!
Доколе нетленно то счастье в сердцах,
живите, любите, на крыльях неситесь –
лишь в этом отрада, отриньте свой страх!

Купайтесь в свободе, незримо дарите
все то, что сумеете близким отдать!
Сорите деньгами, любовью сорите:
и пусть на насмешки нам будет плевать!

Поверьте, та радость сторицей вернется,
когда, ни о чем никого не прося,
мы просто творим и как дети смеемся,
и, в творчестве жизни добро вознося,

пускай утопаем, но снова и снова,
собой становясь, возрождаемся вновь...
Пою я свободу – она есть основа,
Она есть основа всего и любовь!

Давайте все вместе, сначала негромко,
ту песню подхватим и гимн вознесем
раскатисто, чисто, речисто и гордо:
во славу libertatem et gaudium*.

*...libertatem et gaudium (лат.) – свобода и радость.

На волне вдохновения

Все создается неспроста,
когда душа во вдохновении
нашептывает у виска
под мягким натиском творенья.

Под небесами свод тугой
сияет безмятежной лаской,
и, словно в сказке, словно в сказке,
Любовь спускается дугой.

Дугой? А что же в том такого:
дугой и парусом, хоть как!

Она и свет на волосах,
и трепет шороха живого.

Живи, и властвуй, и люби!
Под дивной властью наваждений,
хоть наяву, хоть в сновиденьях –
свои фантазии дари.

Дари любовь, как след стихии,
как свет, как образ, просто в дар,
пиши стихи – они живые...
Живи, твори свой аватар!

Сновидение ли...

- Здравствуй, Волшебница!
- Здравствуй, Мудрец!
- Где ты была? Почему мне не снилась?
- Дел было много. Царский дворец надобно было собрать по крупицам.
- Что ж, это дело. И как результат? Царство теперь процветает на славу?
- Как мне ответить... А впрочем, царь рад. И его подданным это по нраву. Я разгоняла в горах облака, чтобы открылись пути к Тайным знаниям. Эта работа была нелегка...
- Да, понимаю, и нет ей признанья.
- Мне благодарность совсем не нужна. И не нужны ни награда, ни слава.
- Но почему?
- Ах, признанье – вода. А благодарность – пустая забава.
- Я тосковал так по нашим речам. Наша беседа – сплошная услада.
- Что ж, я пришла. Разливай чудо-чай. Я с тобой тоже беседовать рада.
- Я у тебя и спросить не успел: где обитаешь и как твое имя? Ты мне ответишь? С тобой бы хотел я улететь к тем горам снежно-синим.
- Что мне сказать тебе? Знаешь, мой Друг... ты ведь все сам понимаешь прекрасно. В той стороне тебе жить недосуг. Там тебе будет довольно опасно.
- Пусть. Я немолод. Мне много веков. Что мне еще одна сотня-другая? Новые знания, как сложный урок, я получить, как мальчишка, мечтаю. Что улыбаешься? Верить ты мне?
- Верю, конечно, но... дело не в этом. Дело, я так понимаю, во мне... Хочешь не просто ты знаний и света?
- Ты догадалась? А я даже рад. Знаешь теперь ты, о чем я мечтаю. И не страшусь ни невзгод, ни преград. Лишь бы ты рядом была, дорогая! Нет, ты куда исчезаешь? Поймай! Как мне позвать тебя снова обратно? Имя хотя бы свое мне открой! Буду его я твердить многократно.
- Я не исчезну. И снова приду. Снова вернусь, весела и наивна... Имя мое? Что ж, пожалуй, скажу. Звать-величать меня можешь...
- ...Наиной.

Сцены из новогоднего авторского спектакля
«Возвращение Синей Птицы» (2012)

Алексей Казарновский

Ноябрь, Израиль, шабат...

Небо дневной примеряет наряд,
Город пустой, на себя похожий,
Изредка встретится праздный прохожий,
Утро, ноябрь, Израиль, шабат...

Здесьним краям незнаком листопад.
Осень – отнюдь не унылое время –
Зреют плоды на зеленых деревьях.
Утро, ноябрь, Израиль, шабат...

Лентой вдоль моря бежит променада,
Пальмы качают пернатые кроны
В солнечном небе над сочным газоном.
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Солнце сверкнуло как острый булат.
Яффа, причалы, рыбацкие сети,
В небе бездонном гуляющий ветер,
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Кажется, камни со мной говорят:
Помнишь? Персей, одержавший победу,
Здесь от чудовища спас Андромеду...
Полдень, ноябрь, Израиль, шабат...

Время не знает дороги назад,
В беге минут и в полете столетий
Быстро стареют вчерашние дети.
Вечер, ноябрь, Израиль, шабат...

В море пролился лиловый закат,
Солнце устало скользит за волною
Прочь утомленное вахтой дневною.
Вечер, ноябрь, Израиль, шабат...

Город рекламным сияньем объят,
Вот и стемнело, хоть вовсе не поздно.
В дымке над морем лучистые звезды...
Вечер, ноябрь... окончен шабат...

Предновогодний сонет

На лапы новогодней ели
Слетела светлая печаль...
Усталый год в седой метели
Навеки уплывает вдаль.

Свеча – подруга сновидений –
По капле слизана огнем,
Так старый год уносит тени
Всех тех, кто остается в нем.

А мы? Что с нами будет дальше?
Пройдя невидимый рубеж,
Продолжим жадно, как и раньше,
Среди сомнений, бед, надежд

Ловить мгновения бытия
Пока нас двое: ты и я...

Как Лиза в Эйлате воспитывала котов

Ноябрьским утром горячее солнце
 Встает и стучится лучами в оконце.
 Вот Лиза проснулась, взглянула в окошко,
 А там ожидает дежурная кошка.
 В Эйлате полно попрошаек-котов,
 И каждый поклянчить кусочек готов,
 Не скажешь, что котик голодный на вид,
 Но все же на завтрак попасть норовит.
 Дела, всё дела и заботы у Лизы:
 У Сони-лошадки сплошные капризы,
 По всякому поводу хнычет и спорит,
 А надо скорей собираться на море.

Лошадка – любимая кукла у Лизы.
 Мы взяли ее без билета и визы.
 Лошадка в Эйлат и на море хотела,
 И с Лизой она из Москвы прилетела.
 Вот Лиза, лошадка и бабушка с дедом
 Идут через парк и за солнышком следом
 В дайв-центр уезжают на желтом такси.
 Зачем? Ты у Лизы об этом спроси!
 Да тут не дайв-центр, а кошачий содом!
 Тут столько котов, что поверишь с трудом!
 И каждый беспечен, и весел, и волен,
 И каждый своею судьбою доволен.
 Но все непослушны, ведут себя скверно,
 Никто не учил их манерам, наверное?
 Для выхода в свет ни один не готов
 И надо воспитывать этих котов!

Да, трудно тут Лизе – заботы, заботы!
 Здесь за день устанешь от сложной работы!
 Задача у Лизы отнюдь не проста:

Котов воспитаньем она занята,
 А бабушка с дедом –
 с баллонами, в масках –
 Поплыли смотреть на подводную сказку,
 Дела же остались для Сони и Лизы,
 Для них и проблемы, для них и сюрпризы
 Среди бесконечных нелегких забот!
 Гляди-ка! Совсем невоспитанный кот
 Забрался на стол и разлегся вальяжно.
 Он чей-то обед из тарелки бумажной
 Стащил, да и слопал, и искренне рад,
 Иных и не ждет он от жизни наград.
 А Лиза тот час принимает решение
 Коту-безобразнику сделать внушенье.
 С виновным беседу ведет о морали,
 Но внял ли разбойник-котяра? Едва ли!
 Мурлычет довольный, не зная стыда,
 Причем тут мораль, если рядом еда?
 Ну вот из пучины вернулись к обеду
 С пустыми баллонами бабушка с дедом.
 Старательно Лиза жует бутерброд,
 А рядом назойливо крутится кот.
 Растрогали Лизу ужимки и ласки:
 Ну, на тебе котик кусочек колбаски!
 Поешь и усатую морду умой!
 А нам уж пора собираться домой!
 Хоть там отдохнуть от дневной суеты,
 А впрочем, в Эйлате повсюду коты...
 Что вас я забуду, не думайте даже!
 Я вечером буду, гуляя вдоль пляжей,
 Про ваши проделки рассказывать деду.
 До завтра! А утром я снова приеду!

Буцефал и Люцифер

На лужайке между скал,
 Где росла трава по пояс,
 Мирно пасса Буцефал,
 Ни о чем не беспокоясь.

Вдруг – привет от высших сфер –
 Из раскрывшихся небес
 Вылетает Люцифер,
 Бывший ангел, ныне бес.

Божьей волей всемогущей
 Сброшен в ад (томиться чтоб),
 А попал – такой вот случай –
 Буцефалу прямо в лоб.

Тот, кто видел сцену эту,
 По секрету мне сказал,
 Что с тех пор бредут по свету
 Буцефер и Люцифал.

Надежда Стрелкова

Томлюсь и радуюсь

Томлюсь и радуюсь, томясь,
 Душа любить не разучилась.
 Незримо-чувственная связь
 Между людьми... Она, как милость,
 Как верно выставленный свет
 Фотохудожником толковым,
 Как зародившийся сюжет,
 Еще не облаченный в слово.
 В ней все – и небо, и земля,
 Все краски счастья и проклятья.
 Зависит только от меня,
 Какими буду рисовать я.
 Что я смогу, на что решусь?
 Я и сама пока не знаю,
 Томлюсь и радуюсь, томлюсь
 И стих вот этот сочиняю...

Начало осени

Как птичье перышко, легко и невесомо
 Спускалась осень на березы, что у дома,
 Случайно будто-бы заглядывала в лужи
 И паутинкой оседала в наших душах.
 С улыбкой ласковой к ним тихо
 прикасалась...
 Их обнажала,
 И чуть слышно обнажалась...

Танго «Вечный зов»

Близки,
 Расстояния нет,
 И ласкают паркет
 Пары ног в ритме танго.
 Шаги
 Неотрывно след в след.
 Этот страстный сюжет,
 Как свобода мустангу.

Где ж природе пробиться,
 Ведь не в офисе чинном...
 В танго женщина – жрица,
 Не царица мужчины.

Блеск глаз –
 Их огонь изнутри.
 Постигаются они
 Смысл пространства друг друга...
 Сейчас
 Мир сгустился для них
 В этот шаг, в этот миг,
 В эту магию звуков.

Разговор интуиций
 Так блистательно точен –
 Три минуты единства
 Двух одиночеств.

Игра...
 То пантера, то плеть...
 Как в огне рассмотреть,
 В нем есть все, как в кроссворде.
 За грань...
 Там синхронно гореть
 И почти умереть
 На последнем аккорде...

Целый мир Аргентина
 Покорила подарком,
 Женщина и мужчина –
 Вечный зов – танго!

Танго «Вечный зов»-2

Милонга. Танго и танцующие пары.
 Звучит мотивчик притягательный и старый,
 Бандонеон тягучий, знойная гитара
 Желаний тайных рисуют зов...
 В потоке музыки, рожденной Аргентиной,
 Объяты плотны, откровенны и интимны,
 Мгновенье каждое воистину картинно,
 А все движенья богаче слов...

Мужчина – главный, это в танце аксиома,
 Здесь нет начальниц, и жена осталась дома,
 А для партнерши он – практически икона,
 Легко и властно ее ведет.
 Неважно кто она, пусть даже шеф стервозный,
 Танцует, женщины блистательны, как звезды.
 По воскресеньям ими вертит виртуозно,
 А всю неделю – наоборот...

Ведет партнершу деликатно и умело,
 Она послушна каждой клеточкою тела.
 Так королю его желанна королева,
 А королеве – ее король.
 Импровизация – вот в танго наслажденье.
 Не знает женщина заранее движенье,
 Но, как вода, мгновенно дарит отраженье,
 И ей приятна такая роль.

Ах этот танец! И далекий он, и близкий...
 Кого оставят равнодушным танго «Брызги...»
 Ему сдались на милость даже феминистки,
 Забыв на время борьбу полов.
 В подлунном мире не найдется идеала,
 Все роли жизнь давным-давно перемешала,
 Бандонеон тягучий, знойная гитара
 Природных истин рисуют зов...

Слушаю кельтскую арфу

Над синим морем золотой сияет нимб
И, плавясь, капает в живой ультрамарин.
Нет никого... Есть целый мир,
И песней арфа разговаривает с ним.

Как потрясающе легко взлетать, кружить,
И ловкой рыбкою под воду уходить,
И просто быть, и просто жить,
И видеть связей мира тоненькую нить!

Взмывают звуки вверх на солнечном крыле,
Сверкают бликами и ластанся к волне,
Рождают свет среди камней,
Цветными рыбками мелькают в глубине.

Игра окончена и с нею – волшебство...
Умолкла арфа, как живое существо...
Осталось нам – сердец родство,
Концертный зал, и музыкант, и
мастерство...

Ян Кауфман

Прозрение

*Светлой памяти моего молодого друга и учителя,
поэта Миши Нержина (Гафнера),
безвременно покинувшего этот мир.
(Написано в соавторстве с Михаилом Гафнером)*

Кружило злато капителей
и томный свет кровавых лож.
Мы в зале музыкой хмелели
и пропадали ни за грош.
И дирижер махал галантно,
и скрипки брызгали пургой,
и итальянское бельканто
кружило в небе над землей.
И мы блудили в этих звуках,
которых не было вчера.
Так птицы не поют о муках,
и не свистят о том ветра.

И, в бесконечность улетаю,
где нотами цветут цветы,
оркестр, золотом сверкая,
нам марш играл до темноты.
До темноты и просветленья,
забыв сказать земле «прощай»,
нам, не желавшим и спасенья,
а лишь привычное «гуд-бай».
Погасло злато капителей,
забыв секрет кровавых лож.
Мы по-другому жить хотели,
не зная правды, славя ложь.

Актеры и роли

Еще со школьных коридоров
С восторгом мы кричали: «Бис!»
Влюблялись девочки в актеров,
Влюблялись мальчики в актрис.
Но постепенно мы втянулись,
И, как говаривал Шекспир,
Мы – вдруг актерами проснулись.
Театром – сделался весь мир.
Но с режиссером плоховато
В распределении ролей,
И что-то лезет многовато
Тупиц – играть учителей.
Кретин, пропойца и садист –
Какую дашь ему ты роль?
На что годится сей артист?
Глядишь – а он уже король.
И не завидует Шекспир
Английской королеве тоже,
Чью роль играет для блезира
Путанка с неприличной рожей.
Возможно, для эксперимента
(Обычно все наоборот)
Актер сыграл нам президента –
Игрой доволен был народ.
Все мировые катастрофы
Для дворников и королей,
Всё – от Адама и Голгофы –
От плохо сыгранных ролей.

Как-то раз во вторник...

Во вторник как-то раз священник
На рынке встретился с рабаем,
Поп весельчак был и затейник
И слыл известным краснобаем.
И, брюхом заслонив дорогу,
Рабая весело спросил:
– А ты все ходишь в синагогу?
Как это скучно! – пробасил.
– Да кто бы говорил, мошенник! –
Рабай пытался возразить,
– Ведь ты же сам всю жизнь священник,
Так чем желаешь поразить?
– Вот завтра, в среду, дорогой, –
И гордо гладит так сутану, –
Я буду, может быть, другой –
Епископом, возможно, стану.
– Что о среде? – рабай ведет, –
Епископов таких навалом!
– Ну, если крупно повезет,
В четверг могу стать кардиналом.
– И это на четверг мечты?! –
Рабай махнул, как кошка лапой.
– А в пятницу, увидишь ты,
Уже я буду римским папой!
– Ну римским папой. А потом?
– Ну ты, однако же, нахал...
Иисусом стать мне, что ль, Христом?
– А вот один из наших стал!

Сцены из новогоднего авторского спектакля «12+, или Двенадцать месяцев кошмара» (2017)

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Мария Панфилова

*

гомон птиц
 обрушивается
 солнечные градины
 гомон-гвалт-посвист:
 ви-вире!
 ви-ва-че!
 пот-че-вать-те-бя-чем?
 при-вить! при-вить!
 цве-ти-те!
 усни-усни-усни!
 у-сни-те!
 проспись-проспись!
 верти хвостом!
 верти головой!
 про-сти-те их!
 про-сти-те их!
 прости-ть! прости-ть!
 я-так о-дин!
 при-вет ду-ро-чка!
 сни-ми-те-бюст-гал-те-ры!
 с физ-лиц! физ-лиц!
 на каждом дереве под небом
 стеклянные
 голоса

*

облепиховый
 рябиновый, еловый
 сиреневый лес
 вырастила бабушка
 наша бабушка Аня
 давала расти
 просто давала расти
 молилась Богу
 читала книги
 после обеда спала
 вот он и вырос

*

цеплялись за облако
 висли на нём
 из последних синиц

перебирали по снегу лапами
 и вскочили в последний
 и уехали-улетели
 и улетели-уехали
 в сторону лета
 в сторону арарата
 на все стороны
 всех-всех нас

*

Высокий
 и прозрачный текст
 в девяносто девять видимых строк
 похож на пагоду.
 Похож на прозрачную пагоду,
 которая смотрит в прозрачную воду.
 А рыбки в воде,
 словно тени исчезнувших,
 вычисляют сами себя,
 играя в светлых покаях
 отраженного в небе
 храма,
 в котором
 все девяносто девять строк,
 видимых при порывах ветра,
 и сколько ещё
 тех, что не видим?

*

А над землею
 Небо
 Ангельский трёп
 Дуются вдрызг в картишки
 И листья летят
 Литеры желтые
 Желто-красные
 Ржавое
 оперенье небесных вобл
 Нездешнего пива пена
 По нёбу Бога, языку...
 языку...
 Яко же и мы...
 Прости, заболталась совсем,
 Что-то не то реку...

Евгения Худякова

Влажные слова

Капли восторга слетали дождинками вниз,
И расширялась душа, как бескрайнее эхо в горах.
Облик в истоме, что звался тобой, приходил снова в снах,
Плечи звезды голубой подпирали карниз.

Вновь трепетание ветра похоже на зов
Тени, блуждающей, что подружилась с прозрачною рощей,
В гулких глубинах дупла тает голос далекий – без слов,
Слов отраженье оставив в серебряной куще.

Смятение эскиза

А за чертой мольберта первый вздох,
Протиснутый сквозь горлышко напасти.
Лицо надето. Лебединый пух,
На крыльях прорывающегося счастья.

Теперь куда? В палитру красок дня?
Иль в гуле тишины эфирной кануть?
За двойником? Руки касанье для...
Иль на холсте, за рамкой спрятать память?

Сошла... Дождь гвозди забивал под гром,
Мне попадал на тонкие ладони
И, распиная, причащал холстом,
Вновь возвращая в мир потусторонний.

Прикосновение

Мы в лодке. Вниз отложено весло,
Чтобы течение медленно несло –
Куда-то вдаль, от дел земных, тревожных
И ценностей надуманных и ложных.

Вот очертанье веток все слабей
Виднеется, стирая берег дней,
Все растворяя сладостно-безвольно –
В гармонии души, парящей вольно.

Средь облаков колеблющийся свет
На свитках неба пишет нам ответ,
И чувствует душа, оставив грузы,
Прикосновение воздушной Музы.

Вино строки

Дрожит моя свеча в ночи
И ночь вкушает свет,
Что золотится изнутри,
Когда и свечек нет.
Стих наполняет белый лист
И падает на дно,
Ночь разливает вкус строки
И пьет мое вино.

Подвеска незнакомки

Вы прохладной рукою брали устриц из блюда,
Ваши тонкие пальцы трепетали во льду,
Ароматом дышали в шлейфе пряного блюда
Вырез платья и перья, словно синь какаду.

Сладострастно-безгрешно и порочно-желанно
Вы манили меня в свою бездну теней
Взглядом дерзко-влекущим призывая туманно,
Вы, пленяя, мерцали меж зеркал и свечей.

Розовато блистало дно ракушки, как лоно,
Завернув океаны и жемчужины зов,
И дрожал под мускатно-опьяняющим звоном
Свет плеча, проступая через тонкий покров.

Вы привстали, и ветер вдруг рванул занавеску,
И рояль очень дробно озноб застучал,
Вы влекуще и властно протянули подвеску
И ушли незнакомкой, чтобы я вас искал...

Зинаида Кокорина

Туманный рассвет

Повис туман рассветный
над рекой,
спустился серой дымкой
на Москву,
прокрался по Арбатской
и Тверской...
умыл росой
дремавшую листву.

Над площадью парит
седая мгла –
прозрачно-серебристая
вуаль.
Плывут в тумане башен
купола,
сиянием высвечивая
даль.

Сгустилась под ногами
пелена...
Дохла на нее тепло

земля,
И вот прозрачно-сизая
волна
рванулась, тая,
к башенкам Кремля.

Недолго на заре
чудил туман:
прокрался в дымку
серо-фиолет,
прозрели огоньки
цветных реклам...
Хозяином становится
рассвет!

Москва в рассветной дрёме
хороша!
Вот для кого плохой погоды нет.
Окроплена росой,
чиста, свежа,
встречает бодро утренний рассвет.

Привет, Париж! (Монмартр)

А над Парижем непогоды хмарь.
В рассветной дрёме уютки-дома,
Соседствуя с величием громад,
Хранят уют на улицах, как встарь.

Гостей встречает мило сонный гид.
Весь тур он будет нас сопровождать.
Чарует взгляд Парижа благодать!
А гид всё говорит и говорит...

Внушает вид столичный площадей:
Бастилия, Согласия, Побед...
В названиях – историй яркий след:
Величие и судеб, и людей!

И вот Монмартра взята высота!
Пред нами белоснежный Сакре-Кёр,
Внизу – столица Франции! Обзор...
И – потрясающая красота!

Как на ладони двадцать округов:
Лувр, Сити, Елисейские поля...
Покрыта зеленью садов земля
Вдоль Сены и вдали от берегов.

Соблазн духа Франции велик!
Монмартр стал для творческих людей
Визиткой (без сословий для гостей),
Провинция здесь и богемный шик...

Бульвары, храмы, кабаре, музей...
Художников и букинистов ряд,
Раскрепощенность... кофе аромат...
Всё для творцов искусства и друзей!

Париж, Париж! Кто здесь хоть раз бывал,
Тот будет навсегда в тебя влюблен.
Шедеврами искусством всех времен,
Романтикой свой ты обаял!

Как мало для общенья пяти дней
С Версалем, Лувром, садом Тюильери,
Монмартром, Нотр-Дамом де Пари...
Но яркие краски в памяти моей!

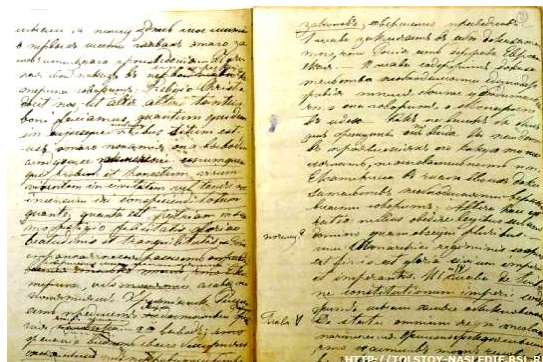
Прощай, Париж! До новых встреч! Пока!
На Эйфелевой башне звезд парад.
Они, мерцая, нам вослед глядят
И шлют привет над Сеной облакам.

Сцены из летнего авторского спектакля «Муха» (2011)

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР РОДЧЕНКО, ХУДОЖНИК ЭПОХИ ПЕРЕМЕН

Авангард как направление в искусстве появился в начале XX века в Западной Европе, хотя сам термин возник гораздо позже. Авангард возникает как отрицание классической эстетики искусства, как эксперимент, поиск новых форм и концепций в работе с формой, линией, цветом, словом, как новаторский подход к традиционным приемам в живописи и литературе, а так же других сфер искусства. Понятие авангарда включает в себя множество различных течений, таких как модерн, экспрессионизм, кубизм, сюрреализм, беспредметность, футуризм, дадаизм и другие течения, пришедшие на смену традиционной художественной практике, в частности на смену академической живописи.

Русский авангард по-своему уникален. Его расцвет приходится на 1914 – 1922 годы, переломные моменты не только в искусстве, но и в стране, когда рушились все старые устои, а на их месте вырастали новые образцы. Это было время чудовищного глобального эксперимента, основной целью которого было уничтожить все старое и создать новое. И русский авангард стал реальным авангардом на этом пути. Русский авангард это целая плеяда поистине гениальных художников, таких как Василий Кандинский, Павел Филонов, Казимир Малевич, Марк Шагал, Владимир Маяковский, Владимир Татлин, Александр Родченко и др.

К русскому авангарду принято относить следующие течения: абстракционизм, кубизм, супрематизм, конструктивизм, кубофутуризм, органическое направление, а также такие направления, как лучизм, линиизм, ориентализм и примитивизм.

О каждом из этих направлений можно долго и подробно рассказывать, поскольку все они оставили весомый и значимый след в истории искусства XX века.

Одним из направлений русского авангарда был конструктивизм, пожалуй, самый недооцененный и недопонятый. Недавно на Донской улице в Москве снесли памятник конструктивизма – дом-самолет, совершенно не считая его памятником. А таких домов в Москве было всего пять. Созданные в 20-х годах прошлого века новаторами конструктивистами, они оказались ненужными в эпоху безликих высотных конструкций из стекла и бетона. Как когда-то конструктивисты рушили прежние устои искусства, так и в новое время новое искусство рушит то, что создавали конструктивисты...

Одним из основоположников русского конструктивизма был Александр Родченко (1891–1956) – русский и советский живописец, график, плакатист, художник театра и кино, родоначальник дизайна и рекламы в СССР, основоположник конструктивизма, один из лучших фотографов XX века. Фигура поистине уникальная и совершенно незаслуженно забытая.

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Родился Родченко в Москве в семье театрального бутафора и прачки. В 1902 году семья переехала в Казань, где Родченко окончил Казанскую художественную школу. Там же познакомился с Варварой Степановой, ставшей его женой и творческим единомышленником. В 1917 после службы в армии перебрался в Москву, где прошел весь его основной творческий путь.

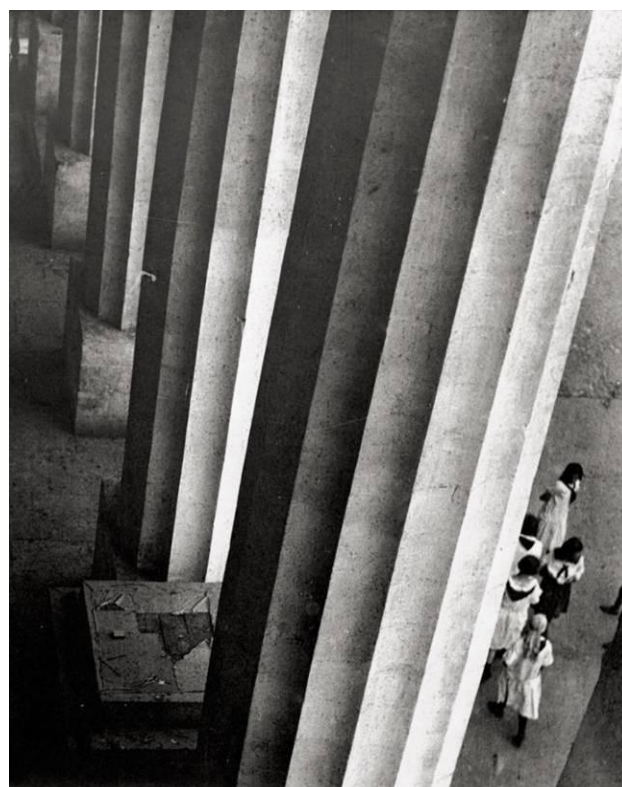
Как конструктивист основной задачей Родченко считал переход искусства из сферы наслаждения в сферу создания функционально и рационально целесообразных предметов. Советский искусствовед Николай Тарабукин в статье «От мольберта к машине» писал: «Отказавшись от эстетики, конструктивисты поставили перед собой новую цель – создавать утилитарные работы, вступив в союз с техникой, инженерией и промышленностью».

По собственному его признанию, искусство всегда было для Родченко возможностью изобретать новые формы и возможности.

Свой творческий путь Родченко начал как живописец. Огромное влияние на живопись Родченко оказал Казимир Малевич. Живописные и графические работы Родченко были выполнены в стиле футуризма и кубизма. Также он использовал жанр минимализма для создания графических работ при помощи черных штрихов на воощенной бумаге. И уже тогда Родченко в работе использует чертежные инструменты: линейки, циркули, рейсфедеры, что свидетельствует о том, что уже в тот период он размышляет о переходе к конструированию реальных вещей. Его работы выставлялись на различных выставках и всегда имели положительные отзывы. Однако живописи Родченко было мало, и он обращается к другим жанрам. В частности, создает пространственные конструкции: «Складывающиеся и разбирающиеся», «Плоскости, отражающие свет», «По принципу одинаковых форм». Родченко всегда находится в поиске. Он не может

А. Родченко

пользоваться готовыми шаблонами, для него важно открыть нечто новое, выразить в искусстве свое отношение к повседневным предметам быта, сделать их не просто функциональными, но и интересными.

Так Родченко постепенно приходит к дизайну. Пожалуй, можно смело сказать, что он был первым дизайнером молодой советской республики. В период, когда страна находилась в разрухе, техническая отсталость от Европы была огромной, страна голодала, Родченко думает о том, как сделать жизнь людей функциональнее и по-своему эстетичнее. Для художника становится важным создавать реальные вещи, а не просто абстрактные композиции, которые можно только рассматривать и обсуждать. Так появляются киоски и трибуны, которые Родченко делает для конкурса, объявленного Архитектурно-художественным отделом Наркомпроса. Газетные киоски Родченко имеют совершенно новый образ. Он полностью уходит от стилизации и создает нечто новое.

Его задача показать, что из одинаковых простых форм можно создавать всевозможные конструкции, что не просто целесообразно, но и экономично.

Родченко разрабатывает новые экспериментальные типы зданий, опираясь прежде всего на эффективность использования пространства, однако не отрекаясь от художественной выразительности. Его газетный киоск это многоплановая конструкция, предназначенная не только для продажи газет и журналов, но и для агитации, для чего создается трибуна, а также для агитационных плакатов. Это очень функциональное сооружение, не лишенное при этом авангардного эстетизма. Он, как конструктор, собран из простых элементов, которые свободно крепятся друг к другу, отчего создается ощущение легкости и в то же время динамизма. В качестве декоративных элементов Родченко использует простые круглые часы и плакаты, имеющие яркий красный цвет, притягивающий взгляд. Можно смело сказать, что эти проекты современны и сегодня и смело могут влиться в современную архитектуру городов. В своих архитектурных экспериментах Родченко работает с плоскостями, замкнутыми стержневыми формами, геометрическими фигурами. При всей простоте линий его проекты представляют собой сложные конструкции, при этом не лишенные устойчивости. Прежде всего Родченко видит себя производителем, поэтому его проекты глубоко продуманны. Именно так появляется чайный сервиз. Он функционален и прост, в то же время нельзя сказать, что его дизайн примитивен.

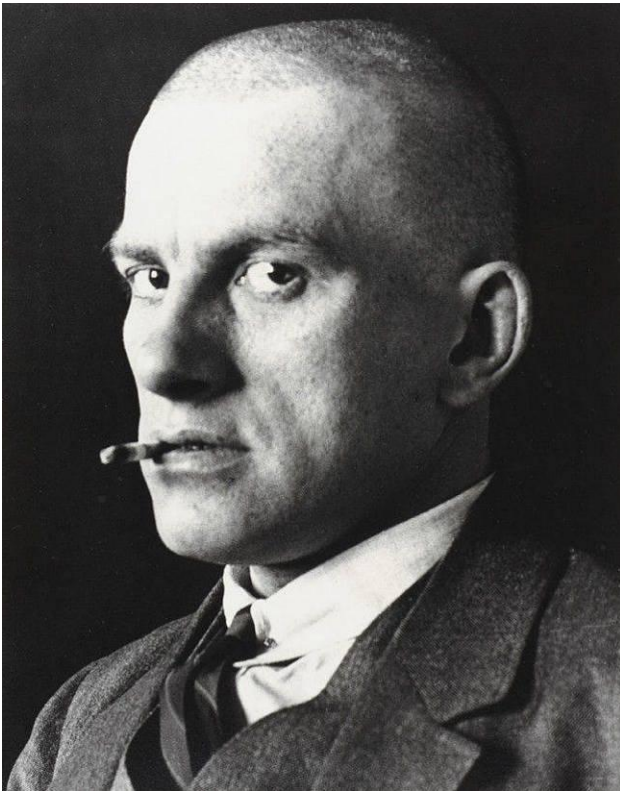
Напротив, и чайник и чашки имеют не просто удобную, но и красивую форму, притом что эскизы сделаны исключительно при помощи чертежных инструментов, что свидетельствует о том, что Родченко прежде всего ценил в себе инженера. Сервиз выполнен в черно-красно-белых цветах в строго конструктивистском орнаменте, состоящем из кругов, квадратов, линий.

Этот сервиз будет так же современно смотреться на столе современного человека, как и сто лет назад. Родченко стал одним из дизайнеров, которые шагнули далеко за пределы своего времени.

Говоря о дизайнерских работах Родченко, нельзя не упомянуть знаменитый «Рабочий клуб». Этот удивительный проект был сделан для международной выставки декоративного искусства и художественной промышленности в Париже. После выставки он был подарен французским коммунистам, а его точная копия сегодня находится в Третьяковской галерее в Москве. Помещение рабочего клуба крайне функционально. Все предметы легко трансформируются, можно играть в шахматы, можно читать или смотреть фильмы, при необходимости можно собрать трибуну для выступающего. Пространство не загромождено ненужной мебелью, каждая деталь продумана. При кажущемся минимализме это помещение очень вместительно и комфортно. Как и все предыдущие проекты, «Рабочий клуб» не выглядит сегодня устаревшим, он так же современен и стилистичен, как и в 1925 году.

Еще одним направлением деятельности Родченко была агитация. Родченко работает не только над созданием агитационных плакатов, но и агитационных установок. Собственно, газетный киоск уже предусматривал и место для агитатора, и место для размещения агитационного плаката. Для сельскохозяйственной выставки Родченко создает киноавтомобиль для показов фильмов с сельской местности. Этот своеобразный передвижной кинотеатр был разработан на основе стандартного грузовика, который был модернизирован Родченко для показов фильмов как вечером, так и днем. Именно агитационная деятельность и создание плакатов на долгие годы объединили Родченко и Маяковского. В этом тандеме было создано множество интересных агитационно-полиграфических работ, а также положило начало плодотворному сотрудничеству и долгой дружбе. Но о сотрудничестве Маяковского и Родченко стоит сказать отдельно.

Наряду с агитационными и торговыми плакатами Родченко делает афиши. Так, он делает киноплакаты к фильмам Дзиги Вертова «Киноглаз» и Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»». Вообще кино и театр были Родченко нечужды. Он проявил себя как талантливый театральный художник. Участвуя в художественном оформлении фильмов и спектаклей, он в полной мере воплощает свои конструктивистские идеи: мебель, интерьеры, светильники и другие элементы выполнены Родченко исключительно в конструктивистском стиле. Это, как правило, многофункциональные агрегаты, которые легко трансформируются, разбираются, свертываются, имеют различные выдвижные элементы, которые используются

исключительно по необходимости, компактны и удобны, например, кровать, которая убирается в шкаф (фильм «Журналистка»), или трансформирующаяся установка в спектакле «Инга», которая легко превращается из жилого помещения в рабочий клуб или служебный кабинет. В 1929 году Мейерхольд поставил пьесу Маяковского «Клоп», где Родченко выступил художником-декоратором второй части, в которой показывалось будущее. Здесь Родченко сумел воплотить все свои самые фантастические идеи в изображении светлого будущего, победившего мещанские представления прошлого.

В 1920 году в 1920 году на открытии XIX Государственной выставки Родченко знакомится с Маяковским, а с 1923 года начинаются творческие взаимоотношения, которые длились около десяти лет. Появляется «Реклам-конструктор Маяковский – Родченко». Именно благодаря

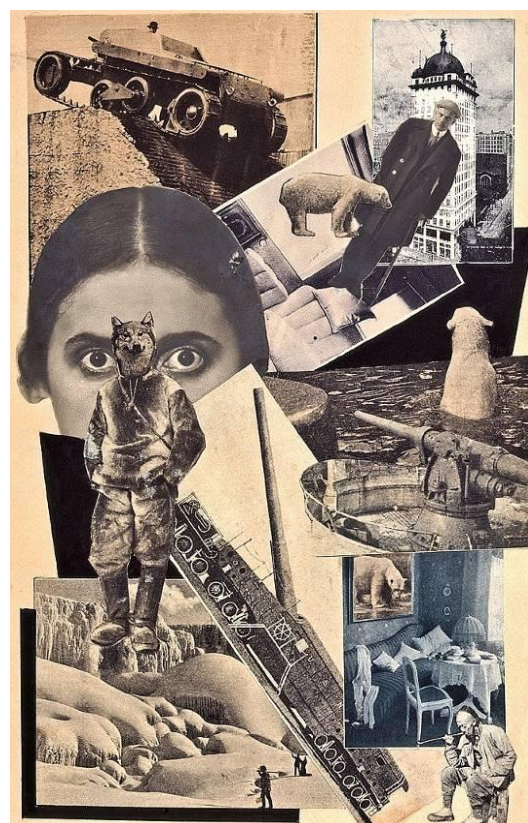
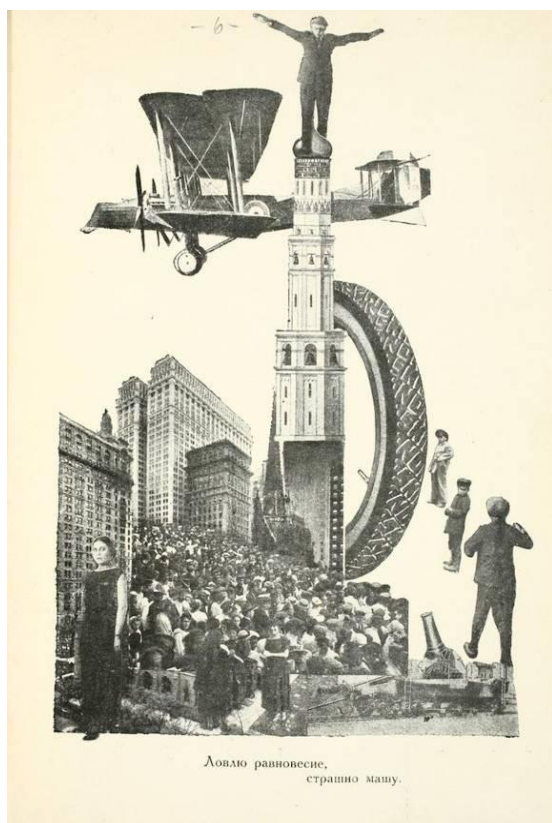
Маяковскому «Рабочий клуб» попадает в Париж, и именно благодаря Маяковскому Родченко получает различные журналы и книги по фотографии, которые Маяковский, имевший возможность выезда, привозил Родченко из-за границы. Для Маяковского же Родченко был непревзойденным мастером рекламы и монтажа. Благодаря этому тандему появилось огромное количество плакатов, ставших классикой советского плакатного искусства.

Нельзя не упомянуть и монтажи Родченко к первому изданию поэмы «Про это». Коллажи Родченко для поэмы «Про это» стали не просто иллюстрациями. Они не буквально отображают текст, как это обычно бывает, хотя и жестко связаны с ним.

Это скорее гармоничное продолжение текста. Родченко добавляет элементы и символы, которых нет в тексте, но именно они создают визуальное отображение поэмы. Это то, что читается между строк.

Родченко словно дорисовывает то, что не сказал Маяковский, создавая таким образом гармоничное целое с поэмой. «Художник стал фактическим соавтором поэта, не только сделав

зримым сложный лирический подтекст поэмы, но и создав серию блестящих художественных композиций, насыщенных глубокими смысловыми ассоциациями», – писал Г. А. Недошивин. Все элементы коллажей были тщательно продуманы и срежиссированы. Специально для коллажей были сделаны постановочные фотографии Лили и Владимира. Являясь героями поэмы, они одновременно и герои коллажей, не вымышленные, а реальные личности, что уже шокировало и вызывало самые противоречивые отзывы. Эта откровенная обнаженность пугала и даже вызывала неприятие. В то же время подкупала откровенностью. Ничего подобного до этого не было. Это был новаторский прием, который наиболее соответствовал стилю поэмы Маяковского. Трудно представить иллюстрации, которые подходили бы к данному тексту больше, чем то, что сделал Родченко. Это было действительно гениальное решение.

И, конечно, говоря о Родченко, нельзя забывать о фотографии. Именно как фотограф Родченко остался в истории искусства XX века. Равных ему найти действительно трудно. Он лучший из лучших. Легендарный советский фотограф, как принято его называть, он создавал совершенно необычные ракурсы. Его главный жанр – фоторепортаж. Именно Родченко первым применил многократную съемку человека в движении, позволяя делать совершенно уникальные фотографии. Большинство его работ сделано под непривычным углом, часто с неожиданной стороны, они настолько динамичны, что кажется, фигуры вот-вот придут в движение. Довольно неожиданны и интересны фотографии с диагональной композицией, снятые или сверху, или снизу. Кроме жанровых фотографий Родченко создавал портреты. Именно Родченко сделаны лучшие снимки Маяковского, Лили Брик, Осипа Брика и простых людей, ради которых и работал Родченко, созидая и изобретая.

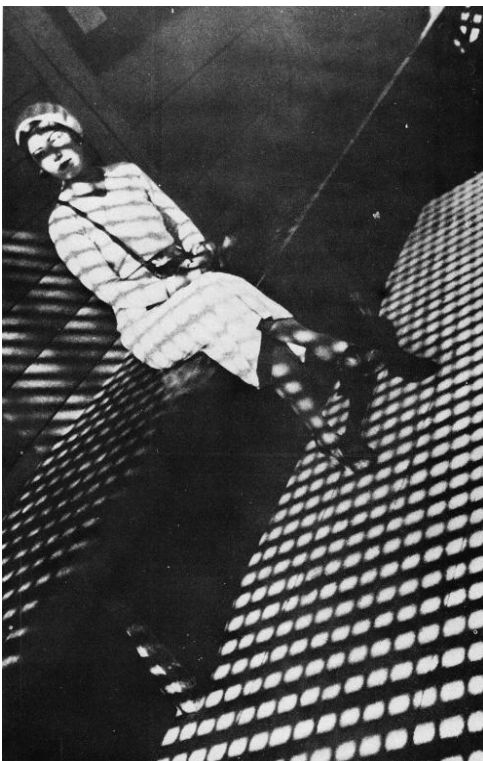
В заключение стоит отметить, что, говоря о Родченко, мы, безусловно, ведем речь о художнике, который жил и творил в эпоху перемен. Мир стремительно менялся на глазах у Родченко, безжалостно отбрасывая не только старое представление об искусстве, но и

прежний уклад жизни. На смену царизму пришла новая власть большевиков, которые отчаянно нуждались в своих, новых деятелях искусства, которые должны были воспеть этот новый мир. Именно такими были Маяковский и Родченко. Для того чтобы служить этой новой идее, нужно было безоговорочно верить, что в этом кровавом хаосе вырастет новый «город-сад», как его назвал Маяковский. И Родченко верил. Именно поэтому все, что он делал, он делал искренне и с энтузиазмом. Его конструктивистские представления легко вписывались в идеи строителей коммунизма, где будет торжество рабочего класса. Где люди будут трудиться и получать от своего труда удовольствие, где все будут равны, а буржуазные и мещанские ценности уйдут в прошлое. Родченко никогда не жаждал славы. Вместе с женой Варварой Степановой он стремился усовершенствовать несовершенный мир, полностью отдаваясь работе. Может быть, поэтому его работы легко вписываются в стилистику современности, они так же

гармоничны в двадцать первом веке, как и в веке двадцатом. Он один из тех, кто шагнул далеко за пределы своего времени.

В качестве фотографа Родченко был одним из тех, кто фиксировал этапы строительства молодого советского государства. Так, в качестве фотокорреспондента он был откомандирован на строительство Беломор-канала, где создал великолепные фотопортреты строителей новой жизни. При этом он не мог не видеть того, что там на самом деле

происходило. Родченко прожил достаточно долгую и плодотворную творческую жизнь, на протяжении которой он безоговорочно служил той государственной машине, которая безжалостно перемалывала человеческие жизни. Сталинские репрессии, голодомор, война – всему этому Родченко был свидетелем. Хотел или нет, но он невольно стал соучастником всех этих событий. Это противотечение художника эпохи перемен – одновременно служить людям и государственной машине, которая этих людей уничтожала. Родченко – фигура трагическая. Он мог уехать, как это сделали Кандинский или Шагал, однако остался. Или «уйти» как Сергей Есенин и Владимир Маяковский. Возможно, он был фанатично предан идеям коммунизма. Или просто был человеком и художником, который добросовестно занимался тем, что хорошо знал и умел. Мог ли он что-то изменить? И хотел ли? Пожалуй, мы никогда не узнаем ответов на эти вопросы. В истории искусства Родченко навсегда останется одной из ярчайших фигур советского авангарда, родоначальником конструктивизма, художником, оставившим яркий и глубокий новаторский след в искусстве XX века.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ – МОССАЛИТ, Москва

Анна Народицкая

ЗАКАВЫКА

Сандалики проснулись очень рано. Суббота выдалась солнечная и теплая. После трех дождливых дней сандалики совсем было заскучали на обувной полке. А как тут не заскучать? Пока резиновые сапожки вовсю веселились, бегая по лужам, грустные сандалики тихо вздыхали в темноте. Сапожкам дождик нипочем, они для непогоды и созданы. Но от воды маленькие сандалики с ажурными дырочками в виде цветочка на носке быстро превратятся в тонущий кораблик. Да и ножки у девочки промокнут, заболит еще не дай бог. Нет, сандалики все понимали и не обижались, разумеется, но как-то печально в июле, в разгар лета, пылиться на полке. Ну да ладно! Сегодня день чудесный, и маленькие братья проснулись в хорошем настроении и радостном предчувствии приключений.

Надо заметить, что характер у туфелек был непростой, левый сандалик частенько хандрит и, похоже, страдал рефлексией. Любые события вызывали у бедного башмачка кучу эмоций и вынуждали к пессимистичному самокопанию. Правый же, наоборот, был весьма энергичен и быстро принимал решения. Правда, решения эти были частенько необдуманные и даже немного отдавали максимализмом. Столь сложный нрав у обуви был вызван тем, что они постоянно во что-то влипали. Причем в прямом и переносном смысле слова. То сандалики попадали в краску, разлитую во дворе, то наступали на жвачку, порой им доводилось застревать в решетке уличных дождевых сливов. Но не только эти события тревожили наши сандалики. Еще они были убеждены в своей невезучести и горевали от неумного чувства вины и собственной неуклюжести. Стоило девочке надеть их, как тут же происходили всякие неприятности. То об табуретку споткнется и опрокинет торшер, то поскользнется у стола и разобьет чашку. А то и вовсе беда: запнется бедненькая на ровном месте и колени в кровь расквасит! Ох и попадало же ей! Мама отругает и в угол поставит, а сандалики упрутся в стенку и хнычут.

– Ну вот, опять все плохо! – причитает левый сандалик. – Какие же мы неуклюжие, и для чего мы только существуем? От нас одни неприятности...

– Не ной! – возмущается правый. – Такая уж у нас судьба. Мы мученики, должны пострадать за правое дело!

– Это у тебя оно правое, – спорит левый братец, – а у меня всё вечно с левой ноги, всё невпопад!

Так они частенько пикировались, пытались переспорить друг друга и одновременно соглашаясь с доводом каждого. Но в это солнечное утро оба кожаных братца находились в отличном расположении духа.

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

– Ура! – воскликнул правый. – Гулять идем! Побегает, попрыгаем и на солнышке погреемся! Давай, собирайся, отряхнись и проверь застежку, – понукал сандалик левого приятеля.

– Я рад, – грустно улыбаясь, промямлил левый, – правда-правда, я действительно рад. Главное, чтобы обошлось без происшествий, ведь сегодня и в самом деле чудная погода. Я готов!

Девочка тем временем умело застегнула ремешки на сандаликах и, не забыв прихватить плюшевого медведя, уверенно схватила маму за руку.

– Гулять! Мама, пойдём! – запрокинув голову, девочка встряхнула косичками и засмеялась.

Прогулка и вправду удалась. Как же хорошо на улице после трех дней затворничества! Сандалики старались взять от прогулки все, что могли. Они наслаждались игрой в песочнице, зарываясь в теплый песок по самые ремешки, носились по двору с мячиком и высоко подскакивали, пытаясь прыгнуть выше щенка джек-рассел-терьера. Спустя некоторое время, мама позвала девочку посидеть на скамейке, чтобы выпить немного яблочного сока. Сандалики припустили бегом! Через мгновение они были уже около скамейки и вдруг... хрусть! Что это? Обе туфельки замерли в ужасном предчувствии. Левая ножка приподняла сандалик в воздух, узнать, что же там хрустнуло. Правый сандалик так оторопел, что у него расстегнулась пряжка на ремешке. О ужас! На траве, упавшие со скамейки и раздавленные обувью, лежали мамы солнечные очки, сломанные, совершенно испорченные. Одно стекло треснуло, дужка разломилась пополам. Печальное и жуткое зрелище. Левый сандалик, не дождавшись, когда его опустят на землю, принялся рыдать!

– О горе мне! Какой же я неуклюжий! Кому нужна такая обувь?! Мне место на помойке! О горе!

– Не ори! – осадил его правый. – Хотя да, это горе, и что теперь будет? Нам попадет? Давай сбежим! Да, точно, надо сбежать!

– Куда-а-а? – пуще зарыдал левый. – Куда мы сбежим-то? И зачем? Я так люблю девочку, а нас вот любить не за что! Мы неудачники и вообще никчемная обувь. О горе!

Правый брат не мог возразить, тоже чувствуя вину, хоть и не он наступил на очки. Но ведь они родные, а значит, все должны делить пополам: и горе, и радость. Печальные сандалики нехотя поплелись к дому. Мама девочки выговаривала ей по дороге за сломанные очки, девочка тихонько виновато ныла, левый сандалик ритмично всхлипывал, а правый задумчиво молчал, наморщив кожу на носочке.

Дома, разувшись, девочка задвинула сандалики глубоко под обувную полку и ушла просить у мамы прощения.

Сандалики не спали всю ночь. В такую переделку они еще не попадали.

– Что теперь будет? – скорбно съездившись, шепнул левый. – Нас простят?

– Сам не знаю, – нервно постукивая каблучком, пробубнил правый. – Может, попробуем очки починить?

– Ка-а-к? Нет, какой же ты странный, ну как мы их починим? Я знаю, все пропало, – вновь заплакал левый башмачок, – кончилось наше время. Не быть нам любимой обувью!

И левый сандалик так горько заплакал, что его кожа и правда намочила. Правый брат обнял левого ремешком и тоже загрузил.

На следующий день девочка надела другие, открытые туфельки, затем розовые кроссовки. И через два дня, и потом, и позже, девочка отказывалась надевать провинившуюся обувь. Мама не раз предлагала ей надеть сандалики, но упрямец отказывалась.

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

– Они *неклюжие*, не хочу! – пробубнила малышка. А «неклюжие» совсем захандрили и впали в депрессию. На улице лето в самом разгаре, а они, провинившись, пылятся на полке.

– Нас больше не любят, – отчаянно всхлипывал левый, – мы плохие, наверное, раз мы не нужны.

– Нет, ну что пошло не так? Не понимаю! – соглашался правый. – И потом, нечего было очки ронять! А давай им письмо напишем? В виде протеста!

Но левый сандалик не ответил на безумное предложение собрата по несчастью. Он давно привык к его неординарному мышлению и понимал: это все не от большого ума, но от доброго сердца. А потому просто промолчал, зная, что правый через минуту сам забудет про свою странную идею.

Так прошло две недели, две прекрасных летних недели без прогулок. Сандалики покрылись легким налетом пыли и почти перестали разговаривать друг с другом. Левый тихо вздыхал, а правый нервно щелкал застежкой и сопел. И вот однажды утром братья услышали разговор девочки с мамой. Девочка пила чай, а мама пыталась узнать, почему дочь так упорно игнорирует свои сандалики.

– Деточка, ты же уже две недели отказываешься надевать их. Ну, расскажи мне, что случилось? Ведь раньше ты только их и носила.

При этих словах левый сандалик насторожился, правый вздрогнул и придвинулся к левому. Оба прислушались.

– Они нехорошие, *неклюжие*.

– Но это не так, – возразила мама, – не может обувь быть неуклюжей. Может, это кто-то другой неуклюжий?

Женщина улыбнулась

– Нет! – упрямылась девочка. – Ты всегда ругаешься, когда я в них. Не хочу их надевать.

– Но, доченька, ведь за эти две недели ты разбила две чашки и блюдечко. Вчера уронила цветочный горшок, а три дня назад упала и разорвала новые колготки. А ведь на тебе не было сандаликов, ты была в кроссовках. Я думаю, дело совсем не в сандаликах. Тут какая-то другая заковыка! – Мама внимательно посмотрела на дочь. – Я же помню, как ты радовалась, что мы их купили, и все приговаривала: «Это мои самые любимые!»

– Ну да... любимые, – прошептала девочка.

Сандалики на полке замерли, напряженно вслушиваясь в каждое слово. Их крошечные кожаные сердечки громко стучали. Неужели? Значит, их все же любят?

– Просто... просто они большие... сильно, – призналась девочка, – вот и цепляются за все.

– Неужели? – мама снова улыбнулась. – Так зачем же ты говорила, что они тебе как раз?

– Ну... просто они красивые, такие яркие! – Девочка посмотрела на маму. – Мне так хотелось их себе! Мам, а если я их опять надену, ты их не накажешь?

– Так ты их спрятала, чтобы им за тебя не попало? – удивилась мама и рассмеялась. – Ах ты выдумщица! Нет, конечно, не накажу! Надевай!

Девочка пулей выскочила в прихожую и, нырнув под полку, достала сандалики. Оба, левый и правый, буквально обмерли от волнения и счастья!

– Любименькие мои! – девочка прижала сандалики к себе. – Как я соскучилась! Вы же не обижаетесь? Пойдемте гулять?

Через полчаса сандалики вышагивали по двору, залитому ярким солнцем. Они были абсолютно счастливы! Левый улыбался и тихонько напевал что-то, а правый гордо сверкал застежкой, и его каблучок громко и радостно цокал по асфальту.

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ – МОССАЛИТ, Москва

Зинаида Кокорина

В ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ

(басня)

Бродит цапля по пруду,
Ищет на обед еду;
Только в этот полдень жаркий
Словно все играют в прятки:

Под листком, как под зонтом,
Мотылек устроил дом...
А стрекозы и козявки
Замерли в высокой травке.
Рыбы разные давно
От жары ушли на дно;
А лягушки-хохотушки
Держат ушки на макушке:
Ноги цапли так длинны –
Далеко-о-о они видны...
Хлюп! –
Зеленые комочки
Скрылись под водой
за кочкой!

Тишина кругом стоит...
И комар не пролетит.
Только свечки-камышинки
Да кораблики-кувшинки
На воде качаются,
Цапле улыбаются.

Побрела она не слышно
К месту, где гуляют мыши...
Но и мышки в эту пору
Спрятались от солнца в норы.

Стало цапле так обидно:
Никого вокруг не видно.
Топают от норок прочь:
«Ничего, наступит ночь,
Захотите есть, друзья...
Тут полакомлюсь и я».

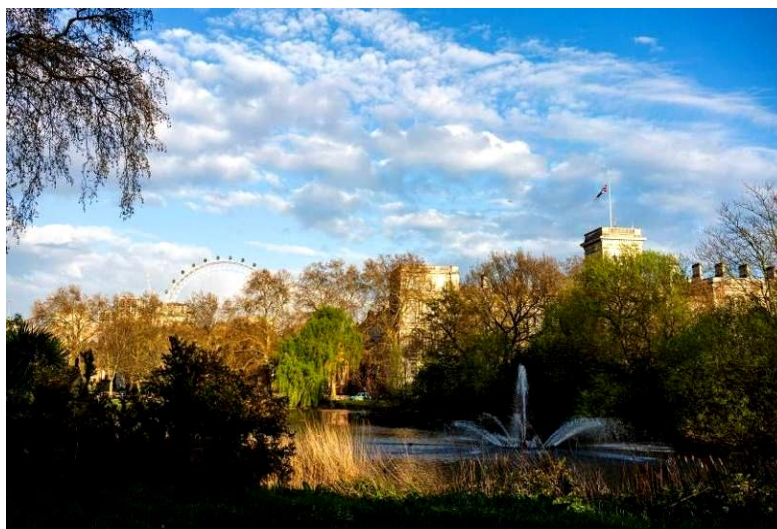

Фото: Andrey Khandozhk

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Елена Галустова

(МОССАЛИТ, Москва)

О ЧЕМ МОЛЧАЛИ ОБЛАКА

Фото: Andrey Khandozhk

*Сын Альбиона, я ль не воспою
Прекрасную Британию свою?..
Джордж Гордон Байрон*

Англия... Вы только вслушайтесь в это слово – Ан-гли-я... Такое ласково-тягучее, неторопливое, как течение старой Темзы, как карамель с пряным вкусом рождественского пудинга за щекой.

Лондон же, напротив, шумен, ярок, суетлив: большие красные двухэтажные автобусы, Букингемский дворец с развевающимся на ветру британским флагом, доблестные гвардейцы в мохнатых медвежьих шапках. И старина Биг Бен кажется уже не таким величественным как на открытках, а кругом – спящие клерки, студенты, полицейские. И только лондонская модница нет-нет да и остановится у витрины шляпного магазина, а зазевавшийся турист невольно споткнется на булыжной мостовой...

Лондон живет своей особенной столичной жизнью, ничем не отличающейся от ритма столиц других европейских государств. Но все меняется, стоит только отъехать от Лондона на каких-нибудь несколько десятков километров, то есть миль, и попасть в пригород.

По дороге почтенный, в летах, таксист обязательно похвастается иностранцу историей своей страны, но только в том случае, если вы хоть сколько-нибудь понимаете по-английски.

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Здесь уже другая жизнь, тихая, размеренная... Ан-гли-я... Коттеджи под терракотой черепиц с маленькими ухоженными садиками, луга с горохово-желтой травой и ярко-голубое небо с белыми, почти прозрачными облаками.

Ясное небо для Англии – редкость. Чаше оно серое, грозное, но не такое как над Петербургом: там небо усталое, с тяжелыми лиловыми тучами, которые лениво плывут над городом Петра, изредка цепляясь за шпиль Петропавловки.

Вдыхаешь воздух, прохладный и почему-то безвкусный: кажется, что здесь остановилось время. И только проплывающие над головой кудрявые облака напоминают о скоротечности жизни...

Смотрите, вон то облако, первое, чуть надменное, с неровными краями, напоминает профиль Байрона. И в памяти всплывают строки:

Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к брегам печальным
Туманной родины моей.

(Перевод А. С. Пушкина)

У меня всегда так: стоит куда-нибудь поехать, так обязательно все ассоциируется с литературой. Такая вот «особенность», можно сказать, профессиональная деформация. Эта поездка не стала исключением.

В графстве Кент, примерно в часе езды от Лондона, расположился замок Хивер, более известный как дом, где провела свое детство Анна Болейн. История поместья Болейн восходит к XIII веку – расцвету английского Средневековья.

При виде сторожевой башни, увитой кроваво-красным плющом, развевающегося государственного флага Британии, ловко закрепленного на плоской крыше, рва и деревянного мостка, соединяющего два участка суши, оживает не только история несчастной жены Генриха VIII. Казалось бы, что при одном только упоминании Средневековья в памяти должны всплывать легенды о Короле Артуре и рыцарях Круглого стола, бравурно-удалые герои романов сэра Вальтера Скотта, незатейливые напевы трубадуров и менестрелей. И надо только прислушаться, чтобы различить в падающих каплях дождя лязг рыцарских мечей и тихий шорох одеяний прекрасной дамы.

Светловолосая Лора, гид нашего путешествия, с характерной британской точностью сыплет цифрами и датами, что вызывает удивление у всей группы: как же это все можно запомнить, не заглядывая в шпаргалку? У девушки в руках нет ничего: ни телефона, ни планшета, только маленькая, изящная, как она сама, указка, которую Лора простирает в сторону старинного гобелена или искусно выполненной картинной рамы.

Мы переходим из одного зала в другой. Неспешно-неслышно движется за нами история, то наступит на пятки, то холодком пройдет по спине. А я продолжаю сквозь оконную решетку смотреть на небо, пытаюсь вспомнить того, чьи строки будут созвучны сегодняшнему дню.

...Вот облако большое, плотное, словно сдобный калач, так похожее на Вальтера Скотта; и еще одно – жизнерадостное, в рыжих завитушках солнца: несомненно, это сэр Перси Биши Шелли...

Ах, котик-бедняжка!
 Вдыхает он тяжело.
 Я знаю, о чем он мечтает:
 Мечтает котик
 Набить свой животик,
 Об этом он так и вздыхает...

Помните его стихи про кота? Ну конечно же. А вот и Томас Мур – ровное, чуть зеленоватое облако, впитавшее всю красоту ирландских лугов... А это, поодаль, не плывущее, а скорее крадущееся по небу, рваное, с лиловыми прожилками... Китс? Нет-нет, пылкому Джону Китсу не надлежит так меланхолично тащиться по небу «a long thin slip of sullen light» – «длинной тонкой полосой угрюмого света» ... Уордсворт? Колридж? Саути? О да, конечно, это Сэмюэл Тейлор Колридж. Только он мог придумать такое:

У облака опоры нет,
 Оно бессильно мчится прочь,
 В пути теряя лунный свет,
 И в тусклый темно-серый цвет
 Его окрашивает ночь...

(Перевод А. В. Парина)

На мой взгляд, именно философско-болезненные баллады «лейкиста» Колриджа (хотя где Кент, а где Камберленд-Камбрия – что их может связывать?!) наиболее точно отображает сущность английского Средневековья: мрачного, обильно сдобренного пессимистическими

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

настроениями и смиренной покорностью, страхом перед неизведанным будущим и искусно балансирующего на грани религиозного ригоризма и всепоглощающего мистицизма.

Баллада, на мой взгляд, это универсальный поэтический жанр, где допустимо всё: смешение лирики и героики, загадочного и потустороннего с реалиями обыденности, где бедняк может стать королем, а королева – прачкой. По сути, баллада – это литературный эксперимент, где нет рамок и нет запретов ни в тематике, ни в языке, но вместе с тем это явление в литературе присуще, пожалуй, только одному периоду – романтизму.

А что же Колридж? Он не был романтиком в привычном понимании этого слова, он скорее относился к романтическим пессимистам, оттого строки его произведений так отчетливо соотносятся с трагической историей замка:

...Так тихо, что смущает
И беспокоит душу этот странный,
Чрезмерный мир.

(Перевод М. Л. Лозинского)

И хоть все основные события разворачивались в XVI веке, а строфа вышла из-под пера в веке XIX, но какое это имеет значение? Да ровным счетом никакого. Здесь можно фантазировать, жонглировать словами и повторять их бесчисленное количество раз – это ведь баллада!

Она внимала, глядя ниц,
В румянце нежного смущенья,
Боясь взглянуть и встретить взгляд
Любви и восхищенья.

Как он страдал ... Но мой напев
Подобен страстной был мольбе,
Как будто пел я о другом,
А думал о себе.

Она внимала, глядя ниц,
С волнением пламенным в крови,
Прощая пристальный мой взгляд,
Исполненный любви...

(Перевод С. Я. Маршака)

Ведь это могло быть сказано и об Анне Болейн: ее любил король, ради нее он проводил реформы и менял законы, а она «обманула» его ожидания – так и не смогла родить наследника Тюдоров. Впрочем, что не сможет сделать королева, исполнит ее служанка – и это тоже очень по-балладному. Генрих, к слову, все-таки обзавелся сыном, прежде женившись на фрейлине Болейн.

Недосказанность в биографии второй супруги короля Англии Генриха VIII и фрагментарность, свойственная творчеству Сэмюэла Колриджа, по-своему роднит этих, на первый взгляд, разных людей. Патетика и искренность – за эти качества, пожалуй, леди и поэта можно поставить в один ряд. Очевидцы отмечали, что Болейн была холодна и спокойна

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

даже тогда, когда взошла на эшафот, а Колридж под гнетом собственных страхов и депрессивного состояния, был честен перед читателем:

Я говорил: «Пусть богохульный стон
Врывается в созвучья вольных дней,
И пляс страстей свирепей и пьяней,
Чем самый черный и безумный сон!..»

(Перевод М. Л. Лозинского)

Лора приглашает пройти в сад и тисовую аллею-лабиринт. Здесь можно расслабиться, расчехлить фотоаппараты (в замке фотосъемка запрещена, поскольку это частные владения) и достать телефоны, что, собственно, большинство из нас и делает. Уже нет опасений, как в начале экскурсии, проходить под опускающейся решетчатой дверью – старейшей, между прочим, в Англии, но действующей до сих пор. Практически никто не оборачивается на оставшееся позади величественное здание. Кто знает, может в каком-нибудь окне нет-нет да и мелькнет тень одетой в темный шелк прекрасной Болейн?

Тим, муж Лоры, говорит, что будет дождь. И для пущей убедительности раскрывает зонт. Кто-то из экскурсантов следует его примеру, кто-то смотрит на небо и протягивает к нему раскрытую ладонь, дабы убедиться в услышанном.

Я следую примеру большинства и тоже поднимаю голову к небу. Действительно, череда облаков давно миновала Хивер, и только одно из них, рваное, с лиловыми прожилками отстало от собратьев. Ну что же, мистер Колридж, прощайте! Плывите туда, где вереск, песчаные берега, озера...

И так он пел: «Прости, прости!
О прошлом не грусти.
Цветов увядших не вернуть,
Росинкам дважды не сверкнуть.
Май, счастлив будь!
Пора нам в путь,
В далекий путь!
Прощай! Забудь!»

(Перевод М. Л. Лозинского)

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ирина Чижова

(МОССАЛИТ, Санкт-Петербург)

ФИЗИКИ И ЛИРИКИ, или ПОВЕРИТЬ АЛГЕБРОЙ ГАРМОНИЮ

Ремесло

Поставил я подножием искусству;
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушенный,
Предаться неге творческой мечты.

А. С. Пушкин

В моей натуре с детства сосуществуют эти две ипостаси: физик и лирик. Игра на фортепиано не препятствовала умению отремонтировать велосипед своими руками (это в двенадцать-то лет!); огромный интерес к физике: электрическая дуга в тарелке с водой привела к короткому замыканию во всей коммунальной квартире, и химии: вырос небольшой бирюзовый кристалл из раствора медного купороса в банке на окне, сочетался с любовью к русскому языку и литературе; занятия спортом не мешали, по наблюдениям моей мамы, замечать красоту – все это уживалось в одном ребенке. Девочкой притом я была очень сильной, крепкой, а посему, в отличие от младшей сестры, в балет путь был заказан. Я ей очень завидовала, а папа смеялся: «Тебе только ядро толкать! Какой балет!»

Сестра еще и на виолончели играла, с отличием окончила музыкальную школу, талантливая была – в консерваторию прямая дорога... Но она поступила в торговый институт и стала отличным бухгалтером. Теперь находит поэзию в своей работе. В ней тожн физик и лирик соседствуют и не ссорятся. Да, она так прямо и говорит: «Это музыка, поэзия! Находить решения в рядах цифр – это настоящее наслаждение творчеством!» Честно, я этого не понимаю и иногда подтруниваю над ней.

А что мне остается! У меня ведь на голове «математическая шишка», как любили шутить у нас в семье. После школы, выбирая, в какой вуз поступить, я подумывала об университете, о специальности «математическая лингвистика». Вот и сбылась бы мечта – соединить две ипостаси: русский язык и математику! Но что-то не сложилось тогда, уж не помню что именно. В результате – Политехнический институт, благословенные студенческие годы!

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Моя институтская подруга после учебы в политехе поступила в театральный институт, теперь она в нем профессор, преподаватель режиссуры. Так вот она иголками в студентов тыкала, чтобы «поверить алгеброй гармонию». Создала – совместно с Институтом мозга человека РАН – лабораторию психофизиологии исполнительских искусств и при проведении специального психоэмоционального тренинга внутренней свободы записывала показания энцефалографа. На основе этих исследований написала несколько очень полезных книг о развитии творческого потенциала. Я подшучивала над ней, но только до той поры, пока не увидела, как студенты ее курса – она всех их называет «мои дети» – играют на сцене ярость, любовь, ненависть, боль... И это было настолько органично, живо и убедительно, что не возникало ощущения неловкости, как иной раз бывает, если актеры фальшивят, наигрывают. Им было лет по девятнадцать, действительно дети, а как играли! Иному маститому актеру не под силу такое.

Я это к тому, что мы все состоим из рычажков и шарниров, опутанных трубочками, по которым текут разные жидкости (сплошная физика и химия), и в глазах-то у нас колбочки да палочки. И вот если ты видишь эту схему, то можно, наверно, и весь процесс понять. По крайней мере, нам, выпускникам технических вузов, хочется так думать...

Понятие гармонии связано с восприятием человека. Безусловно, Пушкин иронизировал, говоря о «поверке алгеброй гармонию». Но, мне кажется, моя подруга на верном пути. Подтверждением тому глубокое впечатление от курсового спектакля ее учеников.

Мне тоже ничто не мешает с радостью заниматься русским языком: *ремонтировать* тексты. Это ли не гармония!

Я – «литературная *политех*помощь»!

Сцены из летнего авторского спектакля «Муха» (2011)

Сцены из летнего авторского спектакля
«Злоключения Буратино, или “Золотой ключик Руси”» (2015)

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН

Вот и пришла самая настоящая осень, с ее ледяными ветрами, затяжным дождем и хмурыми облаками. Солнце капитулировало, выключив обогрев и окончательно перешло на режим освещения. Редкие солнечные дни еще напоминают нам о лете. После нескольких студеной ночей мы наконец можем перестать спать в кофтах и носках – дали отопление, ура! Настроение приподнялось, чихающие и продрогшие согрелись, болеющие выздоравливают. Грядет октябрь, самый противный, по моему мнению, месяц года. Природа циклична. Каждый год все движется по кругу, умирая – возрождается, заледенев – оттаивает и вновь зацветает, набрав сок – отдает созревшее и готовится копить новые силы для следующего круга. Год за годом, век за веком...

В нашей человеческой жизни все происходит точно так же, но мы не всегда (и не все) осознаем это. Летопись наших судеб вьется по спирали, отсчитывая круги. Семь лет или десять – цикл, и всё заново! Отношения людей начинаются с одного взгляда, кивка, фразы и заканчиваются жестом, брошенным словом, крошечным поступком. И закручивается новый виток, восхождение к другой точке, сложные задачи и волнующие эмоции, всегда сопровождающие неожиданный поворот в судьбе. Обновление – оно свойственно всему живому. Существует начало и есть конец у каждого явления, кроме Вселенной. Но... точно никто не знает.

Так как же нам, людям, удастся, не теряя интереса, сохранять на долгие годы отношения, любовь, увлечения? Почему бесконечно, хотя и изменчиво, творчество? Быть может, именно в переменах, связанных с циклами, и кроется ответ? Полагаю, все сущее подобно дереву. Сбрасывая листву, оно обнажается, подставляя ледяным ветрам ветви, испытывает себя на прочность, пытаясь устоять под ливнями и снегопадами, впадает в анабиоз, чтобы вновь покрыться буйной зеленью. Но это уже другая листва, новая. Не сохраненная и взлелеянная, а молодая и свежая. Другие соки, иной оттенок, но суть – жизнь. Бесконечная и восхитительная!

Когда приходит осень, я вспоминаю фильм про Мери Поппинс. Помните, там есть песня «Ветер перемен»? Так вот, именно об этом я и думаю каждую осень, о переменах. Перемены в жизни, творчестве и судьбе. Я их не боюсь, пусть приходят! Они только обогащают жизнь, превращая ее из застойного болота в бурлящую реку. Тем интереснее становится путь, чем больше в нем новых событий и творческих идей. Не надо бояться перемен! Ну сами подумайте, вспомните события, полностью изменившие течение жизни. Даже если они были плохими (с вашей точки зрения), что было потом? К чему это привело? Всегда ли к плохому?

Московский BAZAR, № 1 (29) 2019 г.

Поясню, что я имею в виду. Например, развод – плохо. Но после этого новый брак и рождение ребенка – хорошо! Или потеря работы – беда. Однако свободное время дает новые встречи, новые перспективы и вот – новая судьба. Отлично! Таких примеров множество, но что я хочу сказать? А то, что, только оглянувшись назад по цепочке прошедшего времени, мы можем увидеть эти взаимосвязи и убедиться: перемены не напасть, а благо. Вот только в тот момент, когда сами события происходят, понять и увидеть это благо сложно, в процессе перемен всегда немного страшно, «переживательно». Мой совет: не стоит бояться. Помните, надпись на кольце царя Соломона: «Всё проходит»? Так и есть, проходит всё! И наступает новая пора, пора цветения и созревания. Пора, когда вы пожинаете сочные плоды терпения и отважности, смакуете ягоды мудрости и с треском разгрызаете ядра преодоления!

В моей жизни сейчас тоже чувствуется ветер перемен. Мое любимое кафе, где я наслаждалась горячим кофе и вдохновением, давно закрылось. Другие кафешки не оправдали моих ожиданий, и я там, как бы это сказать, не прижилась. Что ж, может быть, «Столик у окна» должен улететь вместе с осенним ветром? Взмахнуть крылом и отправиться с перелетными птицами куда-то вдаль? Наверное, пора, пора... Мне жаль прощаться с вами, но такова жизнь: цикл закончился, начинается следующий виток. «Столик у окна» уходит и тайком вытирает салфеткой кофейную слезу. Я уверена, меня ждет нечто интересное, и главное – новое! Осень, пора «немножко умереть», чтобы возродиться фениксом для следующего шага, нового увлекательного пути и захватывающего творческого полета!

Вероятно, я так оптимистична потому, что родилась в начале ноября. Поэтому не весной, как у многих, а именно осенью у меня появляется вполне логичное желание «вновь появиться на свет», так сказать, обновиться. И это действительно происходит!

Улыбаясь уголками губ, я неспешно бреду по осенней улице, разбрасывая ботинками оранжево-красную листву. С наслаждением вдыхая запах прелой земли, закрываю глаза и ощущаю ветер на лице, и я точно знаю: это он, ветер перемен! Признаюсь, это меня радует и вдохновляет, потому что я люблю эти самые перемены! А вы?

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2019